

концептосфера
образный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
семантический и структурный
литературная конструкция
лексемная словоформа
стилистические элементы
художественный стиль
реализация и актуализация
формальные трансформации
коммуникативная сфера
художественная картина мира
лексемно-стилистический
образный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
семантический и структурный
литературная конструкция
лексемная словоформа
стилистические элементы
художественный стиль
реализация и актуализация
формальные трансформации
коммуникативная сфера
художественная картина мира
лексемно-стилистический

интерпретация произведения

коммуникатор и коммуникант

стилистический и структурный

лексемно-стилистический

Olomouc 2013

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2013

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель: PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
prof. PhDr. Mária Kusá, CSc. (Bratislava)
проф. Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н. (Санкт Петербург)
doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Redakční kolegium - Editorial Advisory Board - Редакционная коллегия:

prof. Alla Arkhanhelska, CSc. (Olomouc)	Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D. (Olomouc)
PhDr. Jiří Gazda, CSc. (Brno)	д-р Екатерина Солнцева-Накова (София)
PhDr. Jan Gregor, Ph.D. (České Budějovice)	doc. Ludmila Stěpanova, CSc. (Olomouc)
dr hab. Andrzej Charciarek (Opole)	PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D. (Olomouc)
Mgr. Jitka Komendová, Ph.D. (Olomouc)	PhDr. Marta Vágnerová, Ph.D. (České Budějovice)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
l.voboril@centrum.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: www.rusistika.upol.cz/RU_rossica_ce.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce: PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)

Náklad: 150 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

1

Num.

Vol. LII

Olomouc 2013

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Zpracování a vydání časopisu bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Univerzitě Palackého v Olomouci Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy České republiky.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2013

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Алла Мстиславівна Архангельська: Жінка і політика: нове в новому українському назовництві	5
Татьяна Архангельская: Фемининная неологизация в современном польском языке: за и против	13
Светлана Павловна Бибики: Бытовой диалог в телерекламном дискурсе: манипулятивная и аргументативная функции	21
Наталья Богатырева: Ф. М. Достоевский и Леонид Андреев (к вопросу об экзистенциальной концепции человека в «Записках из подполья» и рассказе «Тьма»)	27
Дарья Валентинова: Семантика юридических терминов в русском и чешском языках и проблематика её отражения в их дефинициях	33
Олег Володимирович Деменчук: Семантична деривація перцептивної лексики	41
Михаил Михайлович Калининченко: Наш современник Михайло Ломоносов	47
HANA MRÁZKOVÁ: Fitomorfní metafora v systému expresivních pojmenování ženy v ruštině ..	55
Татьяна Синявская-Суйковская: Функциональность единиц перевода: от языка к тексту и дискурсу	61
Тетяна Миколаївна Сукаленко: Паспорт лінгвокультурного типу «москаль»	65
Галина Мирославівна Сютя: Дослідження мови художньої літератури в Україністиці ..	73
Эльжбета Тышковска-Каспшак: Концепция времени в творчестве Даниила Хармса	81
Ульяна Холод: Проблема типологии дискурса в контексте теории и практики устного перевода	87

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

Ретра Фолтš: Конференция «Молодая русистика – новые тенденции и направления» ..	93

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

Галина Алексеевна Лилич (1926-2012) In memoriam	97
Pokyny pro autory	99

АЛЛА МСТИСЛАВІВНА АРХАНГЕЛЬСЬКА

Чехія, Оломоуць

ЖІНКА І ПОЛІТИКА: НОВЕ В НОВОМУ УКРАЇНСЬКОМУ НАЗОВНИЦТВІ

Abstract:

The article is devoted to the analysis of results of an active process of feminine derivation in modern Ukrainian language. It focuses on the new female nominations in the field of politics, as well as on the processes of wide variative types of word-formation identifying a woman by gender. Research material is a language of modern mass-media.

KEY WORDS:

Feminization, new female nomination, variance, semantics, pragmatics.

На тлі бурхливого розвитку українського мовотворення особливої гостроти набуває проблема форсованої фемінізації сучасного українського лексикону у сфері найменування осіб. Питанню неофемінізації упродовж останніх років присвячена значна кількість розвідок [Пузиренко 2001; Пономарів 2001; Гінзбург 2012; Грабовська 2012; Воловенко 2010; Навальна 2008 та ін.], проте у переважній більшості праць «гендерно марковані метаморфози слів» оцінюються як явище прогресивне, позитивне, зокрема й таке, що з фемінізмом жодним чином не пов'язане. А.Нелюба наполягає: бурхлива неофемінізація кінця ХХ – початку ХХІ століть жодного стосунку до новітніх феміністичних ідей не має, навпаки, є проявом внутрішніх резервів української мови, у якій моцїйна деривація – явище питоме, історично властиве системі і структурі української мови, а перепони на шляху фемінного словотвору створювалися за радянських часів штучно [Нелюба 2011]. Відтак у вільній державі фемінізація маскулінізмів – явище природне, соціально обумовлене й безперечно корисне, а сама категорія фемініності – це звільнена, відроджена категорія. Інша думка в українському мовознавстві практично не представлена. Маємо лише окремі праці, де вчені намагаються осмислити проблему з іншого погляду й відповісти на питання про доцільність, природність, системну вмотивованість та милозвучність численних «–ложок» та «–тичок» (*політоложка, соціоложка,*

політичка, аналітичка тощо) у сучасному україномовному дискурсі [Тараненко 2008; Архангельська 2011а; 2011б; 2011в]. С. Міллер, К. Свіфт називають тенденцію їх появи «адамовим ребруванням».

У статті проблема мовної ідентифікації жінки не розглядатиметься як проблема феміністична, хоча окремі «гострі кути» гендерної проблематики оминати не вдасться. Нас цікавить аналізоване явище як суспільно-культурний феномен, що віддзеркалюється у системі мови. Завдання дослідження – простежити основні вектори та тенденції у розвитку українських неофемінативів зі сфери політики. Останнім часом фемінізувати маскулізми у генералізувальній функції, що засвідчені кодифікаційними джерелами як єдино можливі статусні найменування жінки (*політик, канцлер, держсекретар, міністр* тощо), в українському колективі мовців стало вельми модним – частина суспільства сприймає їх як не лише як нові засоби мовної ідентифікації жінки з огляду на її новий соціальний статус, а й як прояви патріотизму, українського національного самоусвідомлення. Дослідження поступу «відродженої категорії» фемінінності у системі цього типу найменувань може прислужитися до бурхливого обговорення проблематики вживання деяких понять, пов'язаних із політичними реаліями оновленого українського суспільства.

Ще В.Дорошевський свого часу писав: «Якщо жінка обіймає посаду міністра, то вона зобов'язана виконувати на цій посаді те саме, що й чоловік-міністр... Вказівка на стат'ю міністра такою ж мірою позбавлена зв'язку з його функцією, суспільно-громадянською, як і колір його очей [Doroszewski 1948: 69]. Втім сьогодні під впливом ідей гендерної толерантності й національно-мовного пуризму ідентифікація жінки-політика за ознакою статі є для багатьох письменників, журналістів, телеведучих і просто «гендерно свідомих» громадян України мало не справою честі і попри те, що неофемінативи статусного типу в українській мові дуже часто виявляють не лише семантичні, а й прагматичні відмінності щодо своїх чоловічих відповідників. В англійській мові є хороший метафоричний вислів *leap-frog* – буквально «стрибок жаби»: *to leap-frog over the details* «перестрибнути через усі деталі». Ось так, перестрибуючи через усі деталі мовної системи та структури, стильові норми й обмеження, виразний прагматичний ореол, що супроводжує подібні новотвори, творці нової української мови активно поповнюють сучасне назовництво новими найменуваннями жінки у сфері політики із чіткою її ідентифікацією за статтю.

Виразною ознакою неофемінізації *made in Ukraine* є факт широкого фемінного варіювання, унаслідок чого практично в усіх випадках виникають словотвірні дублети з максимальною мірою семантичної і стилістичної еквівалентності. Маємо щось на зразок всенародного «вільного асоціативно-словотворчого експерименту»: оскільки наша мова не витворила спеціальних найменувань жінки за політичною діяльністю, політичними поглядами і переконаннями, за виконуваною у сфері політики дією, які б не мали обмежувальних позначок, - їх потрібно витворити, і за будь-яку ціну. Тож у процесі деривації фемінативів спостерігаємо хаотичне використання фемінізувальних

афіксів, нетотожних у різних стилях. Словотвір перетворюється на слововитвір, де фемінативи створюються навздогад, методом тугу, як кому на душу ляже...

Жінка у політиці: жінка-політик vs. політичка, полити́кня, політикеса? Попри те, що до сьогодні більшість носіїв української мови послуговуються традиційним нормативним визначенням «жінка-політик», інші наполягають: *політикня* щодо жінки в політиці, так само, як і *депутатка* замість жінка-депутат, вже давно на часі, оскільки Україна вже має жінок – реальних політиків. *Політикня* широко вживається в текстах таких вчених, як О.Кісь, М.Маєрчик, О.Плахотнік, журналістки і письменниці – Л.Таран [Грабовська 2012: 44]. Послугуються цим новотвором й інші: *Більшість успішних, помітних у публічному просторі жінок є варіаціями на тему «Берегині» та «Барбі», котрі вимушені загравати з патріархальними упередженнями заради популярності (з українських політиків послідовно артикулює феміністичну позицію, також щодо квотування політичної участі жінок, лише Олександра Кузьель)* (Тамара Злобіна. Журнал соціальної критики «Commons», 01.08.2012); *Коли популярний політик чи політикня не зможуть протягнути за собою в парламент «хвіст» із потрібних особисто лідеру партії чи блоку людей, хіба постраждає від цього вітчизняна демократія?* (Микола Несенюк. 450 списків. Газ. «День», №184, 15.10.2003). Приклади свідомо наводимо у ширшому контексті, аби читач міг ідентифікувати їхню семантику і – головне – прагматику.

Зауважимо: словники української мови СУМ та ВТССУМ фіксують як узуальний засіб мовної ідентифікації жінки у цій функції номінант *політик*, натомість Орфографічний словник української мови on-line засвідчує інший можливий фемінатив *політикеса* – іменник жіночого роду, істота, рідко (розрядка наша – А.А.). Додамо – пошукова система Google подає 88 600 слововживань цього нового мовного позначення жінки, зокрема: *На тлі угодовсько-колаборціоністських вихлянь певною частиною тіла деяких інших нібито опозиціонерів ця політикеса* <Наталія Вітренко>, *чи, з дозволу сказати, діячка, виділяється твердістю характеру і незламністю* (Михайло Сидоржевський. Молодець проти овець. Обозреатель, 14.05.2005); *І чи знає ця з дозволу сказати «політикеса», чим наповнювати Арсенал? Де ці художні скарби «всепланетарної ваги», де вона їх побачила? В інших музеях України?* (Українська правда. Блоги. 10.12.2012); *Ну а найкрасивіша політикеса і секта її імені, в якій розчинили купу партій і організацій, - це взагалі найкращий захист для януковичів* (Опозиція і партійне будівництво. Livejournal, 29.04.2010).

Втім, маємо й альтернативний фемінатив *політичка*: *Дякувати Богу є ще люди, яких не засліпило і не заглушило мерехтіння в ефірах цієї Політички* (Бебик: Здається, прем'єр-міністр дещо переплутала «своє» з «державним». Гарт, 29.07.2008); *Мета цієї «політички» не робити добре, а стати Президентом. І для цього використовуються будь-які засоби. Коли стане, то далі будуть використовуватись будь-які засоби, щоб утриматись. Грузія це показала. Саакашвілі - рідний брат Тимошенко* (Кучма радить Ющен-

ку “не помилитися”. Українська правда. Коментарі, 09.11.2007); *Можливо, про роль освіченого жіноцтва в розвитку сучасної України і можна сказати: «Вона (тобто роль) велика», а для переконливості додати список імен відомих політичок, журналісток, письменниць, співачок, вчених тощо...* (Грина Грабовська. Роль освіченого жіноцтва в сучасній Україні або Українська еліта – чоловічого роду? Gender Museum, 30.05.2011). Цікаво, що у цій самій статті І.Грабовської далі читаємо: *Щоправда, і серед українських жінок-політиків, окрім, безумовно, Юлії Тимошенко (за що вона і потрапила у розряд батьків-засновників нової України), не спостерігається жодної яскравої самотійної постаті. Ті, хто на виду, чітко обслуговують чийсь конкретні інтереси, як то Інна Богословська чи Ганна Герман. Тому й їхня претензія на роль провідного українського політика сприймається як кумедна та недоречна.*

Наведемо ще один, на наш погляд, дуже красномовний приклад: *Колись геніальний філософ Мераб Мамардашвілі сказав, що філософію та філософів у цій країні почнуть поважати тільки тоді, коли вони перестануть ідеологічно обслуговувати борделі пролетаріату (мова йшла про марксистську філософію – єдино вірне вчення Радянського Союзу), віддавши цю справу професіоналкам. У ситуації із нині активно діючими українськими політичками аналогія напрощується сама собою* (Грина Грабовська. Роль освіченого жіноцтва в сучасній Україні або Українська еліта – чоловічого роду? Gender Museum, 30.05.2011). Чи відомо авторові, що слово професіоналка має в українському субстандарті широко відоме не надто «привабливе» щодо жінки значення «повія»? Як тоді слід розуміти останню фразу наведеної цитати щодо активно діючих українських «політичок»?

Міністр vs. міністра, міністерка, міністриня, міністреса, міністерша? Подібне явище спостерігаємо й у назвах посад, які обіймають жінки. Автори новотворів та борці за гендерну рівновагу в мові й самі губляться: як їх тепер називати? *Захистом мови в Україні займатиметься міністерка охорони здоров'я. У понеділок в Кабміні під керівництвом міністра охорони здоров'я Раїси Богатирьової було проведено нараду для розробки та внесення пропозицій у новий мовний закон (Вставай і дій, 15.08.2012) або Призначення Раїси Богатирьової керівницею гуманітарного блоку уряду знову порушило чутливу тему упослідження жіночих назв професій та посад.*

І справді, як називати жінку на чолі міністерства:

міністр, не зважаючи на стать

міністра

міністерка

міністриня ...

Кілька років тому наше видавництво готувало до друку посібник “Ми різні - ми рівні”, там був цілий розділ про це. Охочі можуть ознайомитися (Officialukraine, Гендерна асиметрія мови, 18.03.2012).

За відповіддю далеко ходити не треба: *Несподівано відкрились двері кабінету, і в них з'явилась міністриня культури Оксана Володимирівна Білозір* (LiveJournal, 29.04. 2005). У інших текстах мас-медіа натрапляємо й на продовження словотвірної-фемінної ряду: *Міністреса фінансів Фінляндії Ютта Урпілайнен “валить” євро* (UGRAINA.org, 30.03.2012); *На зустрічі з кіномитцями міністреса <Оксана Білозір> зажадала, щоб пресу з залу вивели* (Юзьо Обсерватор. Проти законів природи. Газ. «Поступ», 31.03.2005); *...Анна попросила “міністершу культури” подбати про ув'язненого Лаврова, й “міністерша” телефонує “Вождю”, за що її знімають із посади, а вслід за тим падає й весь помарачевий уряд* (Віталій Жежера. Енергія самообману. Газета по-українськи, №256, 22.11.2006). Не оминула доля «бути побаченою у мові» і жінок-прем'єр-міністрів: *Екс-прем'єр-міністерка Тимошенко нарешті поїла після 17 днів голодування ... або Джулія Гілард, прем'єр-міністерка Австралії* (Вікна-Новини, 07.12.2012).

Не беручи до уваги думку Федерального канцлера Німеччини Ангели Меркель, яка наполягає: вона *Kanzler*, а не *Kanzlerin*, у текстах мас-медіа тут і там натрапляємо на фемінізовану форму її назви за політичною посадою: *Поруч із Путіним бачив німецьку Канцлериню... Цікаво, про що вони там шепталися?* (День Перемоги, «Главред», 09.05.10); *Прем'єра: німецька канцлерка з офіційним візитом у Молдові* (Europe. Newsru.ua, 11.12.2012); *Ну й для чого приїжджала Канцлерша Німеччини до України?* (Forum.proua.com, 22.07.2008). *Держсекретарками*, а не Держсекретарями США вперто іменують і Кондолізу Райс, і Гіларі Клінтон: *Та неможливо обійти увагою подію, що не передбачалася програмою перебування держсекретарки США <Кондолізи Райс> в Україні – її зустрічі з Юлією Тимошенко* (ТРК «ЕРА», «Підсумки», 7.12.2005); *У неділю держсекретарка Клінтон наголосила, що на саміті НАТО за ратифікацію СНО-3 висловилися генсек НАТО Расмуссен, канцлер ФРН Меркель, лідери країн Східної та Центральної Європи* (InoPressa. Ідея Обама про “перезавантаження” крізь призму НАТО, News.ru.ua, 22.11.2010).

А далі – як з рогу достатку... Маємо в новій українській мові численні нові назви жінок *парламентарка, нардепка, депутатка, дипломатка, послиня, держслужбовка* тощо: *За двадцять років української незалежності на найвищому рівні законодавчої влади в країні, тобто депутатками Верховної Ради України всіх шести скликань, стали 163 жінки* (Ірина Грабовська. Роль освіченого жіноцтва в сучасній Україні або Українська еліта – чоловічого роду? Gender Museum, 30.05.2011); *<...> княгиня Ольга, котра, на думку деяких істориків, по суті створила давньоруську київську державу, провівши першу в історії Русі фінансово-адміністративну реформу. Вона ж стала однією з перших у світі жінок-дипломаток* (Світлана Сененко. Лики українського фемінізму. Дзеркало тижня, №51, 18.12.2004).

За належністю до політичних угруповань пропонувано назви *опозиціонерка, опозиціонерша, опозиціантка: Опозиціантка стверджує: міністр Бойко свого часу і створив «РУЕ»* (СТБ: Вікна-новини, 09.06.2010); *Опозиціонерку*

закрили в камері попереднього утримання рішенням київського суду, де розглядалася її справа у зв'язку з владодою, після неприємних зауважень в бік теперішнього глави уряду, Миколи Азарова, який прийшов давати свідчення (Зоя Ймінко. Сидяча акція протесту проти арешту Юлії Тимошенко 2011. Agence France-Presse Kiev. Publié le, 06.08.2011); *А так він іде до Королевської, яка видає із себе “опозиціонершу”*... (Блог Олега Ляшка, 29.07.2012). Активне варіювання фемінізувальних формантів маємо й у назві жінки- учасниці коаліції (коаліціантка, коаліціантша, коаліціантка): *А на кого працювала “коаліціантка” Тимошенко Ю.В., коли підписувала угоду на «великі» поставки російського газу в той час, коли Європа скорочувала об'єми закупівлі...* (В'ячеслав Кириленко. Захоплення зсередини. Українська правда. Блоги. 14.02.2012); *Чого бажає ця коаліціантша?* (Високий вал, 16.03.2011). Зустрічаємо й іронічно-глузливе *коаліціантка* Тимошенко (Тимошенко проголошує: «Коаліція» подолає «карушцію». ПолітАрена. 17.03.2008).

За належністю до політичних партій, блоків, об'єднань, а також за симпатіями до окремих політиків маємо численні фемінативи: *литвинівка, литвинівна, юценківка, заюлістка, юльковичка, нашоукраїнка, батьківщинниця, регіоналка: Це ганьба, що ця юценківка пішла у Венеціанську комісію відбілювати регіональну владу* (Українська правда. Блоги. 17.03.2012); *“Нашоукраїнка”* назвала “скромну” Тимошенко фальшивкою (Gazeta.ua, 09.10.2008). З-поміж них і новітні – *ударівка, ударниця, свободівка: Головна “ударниця”* пропозицію не сприйняла і ситуація переросла у конфлікт. *Надя* (так звали представницю партії “Удар”) сказала, що саме сьогодні за підтримки кандидата у нардепи від “Удару” В. Ломаковича відбувається акція “Толока”... (Віталій Мацюк. Про все. 16.09.2012); *«Ударівка»* Юринець: *Партія, яка робить ставку на жіноцтво – приречена на перемогу* (ЗІК, 01.05.2012); *“Свободівка”* Фаріон критикує Гіллари Клінтон і соромиться, що вітала маму з 8 березня (Новинний портал «За Збручем», 07.03.2011). Цікаво, що не закріпилися в українському мовленні *кравчучка* та *кучмівка* на позначення жінок, що цим політикам симпатизували. Слово *кравчучка* стабілізувалося як доволі розповсюджена в Україні жартівлива назва візка для ручного перевезення вантажів. «Кравчучки» набули особливого поширення в Україні на початку 90-х р. ХХ століття за доби президентства Л.Кравчука: *Нині вже на пенсії, вона стояла поряд із возиком страхітливого вигляду - “кравчучкою”* (Газ. «День», 26.11.1999). *Кучмівка* – народна назва Лук'янівського слідчого ізолятора: *Ігор Зварич сидить у “кучмівці”*. *Колишній голова Львівського апеляційного адміністративного суду 47-річний Ігор Зварич сидить у столичному слідчому ізоляторі №13 – Лук'янівському СІЗО* (Газета по-українськи, №796, 13.03.2009). Не оминув український новітній словотвір і жінку-учасницю помаранчевого майдану: *...Серед волонтерів, уявіть, ще й дівча якесь (як з'ясувалося, відома журналістка і «майданниця» Олена)* (Т.Александрова. Данастріс-Альтернатива. 19.08.2008); Паралельно з'явилися *деривати-пари ... держпосадовка – держпосадовиця, майданеса – майданни-*

ця, литвинівка – литвинівна (А.Нелюба, Інноваційні зрушення й тенденції в українському жіночому словотворі, 2011).

Детально аналізувати кожен подібний новотвір щодо його відповідності системі й структурі української мови та доцільності у короткому огляді проблеми не маємо змоги. Незрозуміло інше: чи й справді покращують такі неовитвори загальний образ сучасної української жінки-політика? Хочемо лише спонукати читача до роздумів над долею рідної мови, яка зараз перебуває у складній ситуації із безліччю справді нагальних проблем, що потребують якнайскорішого і найвиваженішого вирішення. Чи справді реагувати на вимоги гендерної толерантності – для нашої мови сьогодні найголовніше? І який маємо результат?

Змінюємо бездумно з нашого минулого усе, що на шляху трапиться, бо хтось перекоаний, воно – не питома, чужорідне, його просто треба змінити. Дослухаймося до одного із «голосів з народу»: *Та мова, яку нам сьогодні пропагують ЗМІ - не є українська! Європа, Еспанія, ноу-гау, метра, автівка, різне (замість - різне), етер, Атени (замість - Афін), послиня, продавчиня, гвинтокрил (як і гелікоптер!),... - це моя рідна, співуча мова? НІ! Це цинічне знуцання з неї!* (Княгиня. Патріотизм. Форум <http://war.school5.borda.ru/?1-15-0-0000004-000-45-0>, 11.12.2012)

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- DOROSZEWSKI, W. (1948): *Rozmowy o języku*. – Warszawa.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2011а): Новотвори-фемінативи в українській мові нової доби: неологізми, okazionalizmi чи eferemizmi? In: Г. Вокальчук – А. Архангельська – О.Стишов – Ю.Маслова – В. Максимчук (eds.): *Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах*. Рівне-Острог: Нац. університет «Острозька академія», с. 67-122.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2011б): Систематизований покажчик слововживань неологізмів-фемінативів в українському мовленні кінця ХХ – початку ХХІ століття. In: Г. Вокальчук – А. Архангельська – О.Стишов – Ю.Маслова – В. Максимчук (eds.): *Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах*. Рівне-Острог: Нац. університет «Острозька академія», с. 188-243.
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А. (2011в): *Сексизм в языке: мифы и реальность*. Оломоуц.
- ВОЛОВЕНКО, І.(2010): *Диференціація родової належності нових іменників на позначення осіб в українській літературній мові*. Київ.
- ГІНЗБУРГ, М. (2012): Гендерні особливості української мови, на які треба зважати. In: *Українознавчий альманах*. – Вип. 9. – Київ-Мелітополь, с.75-83.
- ГРАБОВСЬКА, І. (2012): Гендерно марковані метаморфози слів у сучасній українській мові: соціокультурний зріз. In: *Українознавчий альманах*. – Вип. 9. – Київ-Мелітополь, с.44-46.
- НАВАЛЬНА, М. (2008): Нові іменники зі значенням жіночої статі в мові української газетної публіцистики. In: *Науковий вісник Херсонського державного університету*. Серія «Лінгвістика», 2008, Вип. 7, с. 226-229.
- НЕЛЮБА, А. (2011): Інноваційні зрушення й тенденції в українському жіночому словотворі. In: *Лінгвістика*, вип. 23, Луганськ, с. 49-59.
- ПОНОМАРІВ, О. (2001): Іменники жіночого роду у назвах за професіями. In: *Філософсько-антропологічні студії: Спецвипуск*, 2001, с. 183-186.
- ПУЗИРЕНКО, Я. (2001): До проблеми номінації осіб жіночої статі в українській мові (гендерний аспект). In: *Наукові записки НАУКМА*, 2001, Т.18, с. 36-42.
- ТАРАНЕНКО, О. (2008): Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української мови і явище пуризму (на загальнослов'янському тлі). In: *Мовознавство*, 2008, №2-3, с.159 – 189.

ТАТЬЯНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

*Чехия, Оломоуц***ФЕМИНИННАЯ НЕОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: ЗА И ПРОТИВ****ABSTRACT:**

The article deals with the processes of feminine neologization in modern Polish language. The constraints imposed on the process of feminine neologization by factors of literary norm as well as the potential of new female nominations in light of democratization of contemporary Polish language are studied here.

KEY WORDS:

Feminine neologization – literary norm – new female nominations – democratization of contemporary Polish.

Исследования многих польских лингвистов последнего времени основываются на анализе актуальных процессов словообразования в современном польском языке. Появление неофеминативов, в частности, и возвращенных феминативов в языке сегодня является базовой тенденцией текущих лексических изменений словарного состава польского языка. Деривация отмаскулинных феминативов обходит все сдерживающие ее факторы семантико-морфологического, фонетико-морфологического, социально-психологического, семантико-функционального характера, а также привычные рамки языковой традиции.

Факторы семантико-морфологического характера призваны сдерживать феминную полисемантизацию многих имен существительных, обозначающих действия, процессы, предметы, то есть появление в языке отмаскулинных феминативов, омонимичных уже представленным в языке именам существительным неличного характера. «Боязнь омонимии» – именно так интерпретирует языковые факторы, сдерживающие деривационные процессы в сфере наименований женщины, известный польский исследователь М. Łaziński [Łaziński 2006: 259]. Действительно, многофункциональность польских феминативных формантов (за исключением *-i(y)ni*) вносит некоторое замешательство в процесс появления в языке отмаскулинных феминативов, порождающих внутриязыковую омонимию. Нет здесь единства и в кру-

гу польских лингвистов. В статье D. Brzozowskiej «Категория рода в современном польском языке» в разделе «Мужские наименования, не имеющие женских соответствий» читаем: «Многие мужские наименования (*podatnik, abonent, kredytobiorca, chlebodawca*) не имеют женских соответствий. Иногда, в случае, когда женские наименования все же употребляются, они реализуют неличные значения, например, *reżyserka* (название помещения), *kierownica* (название движущего механизма), *elektronika* (название отрасли) или *pilotka* (название предмета)» [Brzozowska 2005: 39]. Но так ли это на самом деле? Попытка проконсультироваться с мировой паутиной дает обратный результат - находим здесь и «*Grażyna Żarko jedna wielka reżyserka!*» [<http://www.youtube.com/user/Vardamir691>], и «*Na dworcu przywitała nas bardzo serdecznie pilotka, która wszystko jasno i wyraźnie tłumaczyła*» [<http://www.bozo.pl/Turystyka/Biura-podrozy/Sindbad/>]. Не согласна с автором статьи и M. Nowosad-Bakalarczyk: «В фрагменте статьи под названием «Мужские наименования, не имеющие женских соответствий» автор приводит много примеров мужских наименований, не имеющих женских соответствий. Однако среди них оказались примеры хорошо известных коррелятов, зафиксированных польскими словарями: *abonament – abonamentka, chlebodawca – chlebodawczyni, reżyser – reżyserka, pilot – pilotka, prezes – prezeska, mecenas – mecenaska, ambasador – ambasadorka, redaktor – redaktorka, rolnik – rolniczka, żeglarz – żeglarka, morderca – morderczyni, zabójca – zabójczyni*», – пишет автор [Nowosad-Bakalarczyk 2005: 393-394].

Наравне с уже функционирующими в языке омонимами (*monterka* 1. forma ż od monter, 2. «praca, zawód montera», *żołnierka* 1. «służba wojskowa, zawód żołnierza», 2. «kobieta żołnierz» [USJP 2008]) в современном польском языке появляются и нео-омонимы. Среди них *bokserka* [SJPSz 1999; USJP 2008], *saperka* [USJP 2008], *szoferka* [SJPSz 1999; USJP 2008; SJPDor 1996-1997], *cukierniczka* [SJPSz 1999; USJP 2008; SJPDor 1996-1997], *dyplomatka* [SJPSz 1999; USJP 2008; SJPDor 1996-1997], *szermierka* и *magisterka* с пометой редко [SJPDor 1996-1997]. Именно эти наименования относительно их нормативности и корректности употребления вызывают бурную дискуссию в кругу польских лингвистов. M. Łaziński замечает: «Омонимия является неотъемлемой частью языковой системы. Если слово *marynarka* уже имеет 2 словарных значения, не имеющих ограничений в употреблении, то нет никаких логических причин для запрета употребления слова в третьем значении. Раз уж мы понимаем друг друга, не путая верхней части костюма – *marynarka1* с флотом *marynarka2*, то можно надеяться, что мы бы не перепутали ни с одним из этих объектов и женщину в морском мундире – *marynarka3*» [Łaziński 2006: 259]. У авторов *Poradnika Językowego* на этот счет другое мнение. В официальном бюллетене Совета по вопросам польского языка его глава сообщает: «В случае необходимости обозначения женщины-моряка следует употреблять существительное мужского рода *marynarz* с обязательным *pani* или *kobieta*» [KRJP 2002: 73]. Так или иначе, неологизмы со значением лица женского пола, омонимичные уже существующим в языке именам существительным неличного характера, в послед-

ние годы активно фиксируются польскими словарями, правда, пока что с пометой *разг.* или *редко*, но, судя по активности их употребления в СМИ и прессе, некоторые из них имеют все шансы перейти в разряд межстилевой лексики.

Воздействие **фонетико-морфологических факторов**, влияющих на образование неофеминативов в польском языке последних десятилетий, также ослабевает. Нагромождения согласных на фонеморфологическом шве не стали препятствием для образования таких женских наименований, как *adiunktka* и *architektka*. Нормативные польские грамматики считают их появление невозможным, аргументируя это труднопроизносимостью приведенных выше номинантов. В *Kulturze języka polskiego* конца XX века читаем: «Слово *architektka* не могло бы прижиться в языке, оно слишком трудно произносится» [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1971: 110]. Н. Жадака уверенно добавляет к примеру *architektka* феминатив *adiunktka* как еще более сложный для образования отмаскулинный дериват [Жадака 1999: 1767-1768]. Однако в современных словарях феминатив *architektka* употребляется без помет [SJPSz 1999; SJPDoG 1996–1997], за исключением квалификатора *разг.* в Универсальном словаре польского языка St. Dubisza. Не зафиксированы словарями и женские наименования *adiunktka* и *pediatrka*, хотя поисковик Google уверенно пестрит самыми разными контекстами словоупотребления этих феминативов.

Обходит деривация женских наименований и привычные **устои языковой традиции**. Недопустимые ранее женские варианты статусных наименований все чаще появляются в медиа несмотря на то, что в этой группе наименований (*profesor, doktor habilitowany*), согласно большинству авторитетных польских грамматик, обозначение лица по полу контекстуально зависит от синтаксической конструкции предложения: *docent1, minister1* в сочетании с глаголом в форме женского рода считаются феминативами, омонимичными аналогичным маскулинизмам *docent2, minister2* [Kucała 1978: 55]. Традиционным способом обозначения лица по полу в польском языке является и употребление обязательного *pani* перед статусным наименованием женщины: «это *pani* становится своеобразным морфологическим индикатором такого рода номинаций» [Керпінска 2007: 79]. Тем не менее, СМИ последних десятилетий, как и научные издания феминистического характера, фиксируют наименования *prezydentka, ministerka, docentka, profesorka, senatorka, doktorka habilitowana* и многие другие. Семантическое ограничение употребления некоторых из них (уже существующие в языке статусные наименования типа *dyrektorka, kierowniczka* отличаются по объему значения от аналогичных маскулинизмов - *kierownik Działu Kadr i Plac, no kierowniczka sklepu odzieżowego, pani dyrektor departamentu, no dyrektorka gimnazjum*) не мешает польскому обывателю употреблять их в совершенно иных значениях: *Bianca Erben wzmocni kierownictwo Dock 100 Logistik GmbH Berlin jako dyrektorka działu sprzedaży oraz kontaktu z klientami* [http://www.dock100-logistik.de/DOCK-100/Polski/O-nas/Wiadomości/artikel_4.htm]; *Klara jest kierowniczką departamentu produkcji, Antonina kierowniczką ministerstwa do spraw kontaktów zewnętrznych* [<http://www.czytaj-niepytaj.pl/aktualnosc/risk-made-in-warsaw-wariacja-na-temat-148.html>].

Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере наименований женщины по профессии. Бурю дискуссий в кругу польских лингвистов вызывают новообразованные наименования женщин по профессии на *-log*: *socjolożka*, *psycholożka*, *filolożka* и др. Еще несколько лет назад считалось, что наименования женщин по профессии на *-log* не подлежат склонению и употребляются исключительно в форме мужского грамматического рода, «например, *Pani psycholog przyszła*» [Grzegorzczukowa, Laskowski, Wróbel 1999: 422]. Неодобрительные высказывания по поводу образования «*-lożek*» находим еще у W. Doroszewskiego, считающего их несерьезными и смешными [Doroszewski 1948: 72]. Z. Klemensiewicz пишет, что «от такого серьезного фонологического изменения слова просто коробит, это своего рода *vox hybrida*» [Klemensiewicz 1957: 109]. Примечательно, что многие современные лингвисты повторяют в своих исследованиях аргументы мэтров. Некорректным употребление феминативов на «*-lożka*» считают M. Basaj, A. Grybosiova, R. Grzegorzczukowa, H. Jadacka, A. Kępińska, A. Nagórko, M. Nowosad-Bakalarczyk, R. Przybylska, J. Puzynina, H. Zgólkowa. По мнению A. Kępińskiej, женские наименования «*teatrolożka*, *socjolożka*, несмотря на все более частое их употребление, звучат ужасно» [Kępińska 2007: 80]. Совсем по-другому видят ситуацию D. Brzozowska, H. Duda, I. Kaproń-Charzyńska, M. Łaziński, M. Myszka, M. Skarzyński. «Мы можем согласиться, что «*chirurgka*, *psycholożka*, *ginekolożka*» (так же, как *filolożka* и другие женские наименования на *-log*, образованные от мужских) звучат немного странно, но это впечатление вызвано скорее их редким употреблением и/или тем, что они в языке новы. Следует признать, что есть женщины, которые не хотят, чтобы их так называли, поскольку формы на (*-ożka*), по их мнению, звучат несерьезно. Нельзя отрицать одного, – что эти наименования правильны», утверждает M. Skarzyński [<http://www.polonistyka.uj.edu.pl/sys>]. Недоумевает и M. Łaziński: «В качестве аргументов против наименований на «*-lożka*» приводят чаще всего то, что они смешны и что широкая общественность их не примет. Такая позиция свидетельствует о своеобразном чувстве юмора поляков, ведь я не могу понять, почему *-lożka* в *filolożce* должна быть смешнее *-tyczki* в *matematyczce* или *informatyczce*?» [<http://poradnia.pwn.pl/lista.php?szukaj=filolo%BFka&kat=18>].

В современных польских изданиях находим и женские формы на *-ka* типа *ortopedka*, *pediatrka*, образованные от мужских наименований на *-a*. Авторы грамматик определяют маскулинные основы на *-a* как непродуктивные [Grzegorzczukowa, Puzynina 1998: 423], однако же «с точки зрения системы языка эти лексемы образованы правильно, так же как дериваты типа *poeta* → *poetka*, которыми сегодня никого не удивить», – пишет I. Kaproń-Charzyńska [Kaproń-Charzyńska 2006: 267].

Наиболее продуктивным в образовании феминативов в польском языке по-прежнему является суффикс *-ka*, однако продуктивными остаются и суффиксы *-y(i)ni*, *-essa*, а также суффикс/окончание *-a*. Среди неофеминативов оказались ранее сдерживаемые традицией *szpiegini*, *świadkini* [www.akademiagender.cba.pl/poradnik.pdf], а ***doktoresa*** K. Wojciechowska всерьез предлагает польско-

му обывателю вместо привычных феминативов *koordynatorka*, *redaktorka* использовать формы *redaktora*, *koordynatora*: «Возможно, вы заметили в списке наших контактов наименования *redaktora*, *koordynatora* и др. Уверяю вас, что это не ошибка и не опечатка. Это самая правильная, хоть и инновационная форма женских наименований», – пишет докторесса [<http://www.pinezka.pl/pryzmat.archiwum/549-redaktora-czyli-miniwyklad-o-formantach-feminatywnych-i-deminutywnych>].

Наряду с активными процессами возвращения феминативов в современную речь польский язык быстро заимствует иностранные слова, феминизируя их на свой манер. В языке последних десятилетий появились неологизмы *modelka*, *fotomodelka*, *recepjonistka*, *rehabilitantka* и многие другие. Практически все эти наименования кодифицированы *Innym słownikiem języka polskiego* [ISJP 2000], исключениями являются только *telemarketerka* и *telesekreterka* [Nowosad-Bakalarczyk 2003: 23].

Ослабевают в польском языке и **семантико-функциональные блокады**, связанные с употреблением в языке устойчивых многокомпонентных наименований типа *profesor habilitowany*, *radca prawny*. Статистические исследования, проведенные М. Nowosad-Bakalarczyk среди порядка тысячи учащихся различных вузов Польши, подтверждают изменения, происходящие на этом срезе лексического материала польского языка. Грамматически правильное согласование устойчивых многокомпонентных наименований *ad formam* в последнее время все чаще уступает место семантическому согласованию. Анкетирование подтверждает различную фреквенцию использования респондентами устойчивых конструкций, согласованных *ad sensum*: грамматическое согласование по женскому роду было избрано анкетлируемыми неоднородно: *pracownik wykwalifikowany* о женщине – 48,02 % респондентов, *pracownica wykwalifikowana* – 51,77 %, *nauczyciel dyplomowany* о женщине – 26,56 % респондентов, *nauczycielka dyplomowana* – 73,13 % [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 104]. О сглаживании семантико-функциональных факторов свидетельствует и употребление в научных изданиях последнего времени устойчивых многокомпонентных наименований женщины, согласованных *ad sensum*. Примером может послужить научная статья М. Karwatowskiej и J. Szpyry-Kozłowskiej «*Klient nasz pan a wszyscy ludzie są braćmi – seksizm we współczesnej polszczyźnie*» [Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2003: 218], которую авторы подписали не иначе, как *doktorki habilitowane*.

Само по себе появление *reżyserek*, *filolożek* и *doktorek habilitowanych* свидетельствует о частичном ослаблении в языке **блокад социально-психологического характера**, под которыми мы понимаем нежелание женщин актуализировать сему пола в наименованиях по профессии, роду деятельности, социальному статусу ввиду традиционно сниженных характеристик таких феминативов. Действительно, сейчас тяжело согласиться с утверждением Н. Jadackiej о том, что «в польском языке последних десятилетий женские наименования на *-ka* признаны неофициальными, пренебрежительными, неуважительными и снижающими социальный статус именуемого лица. Отмеча-

ется массовый отказ от традиции употребления уже существующих феминативов типа *dyrektorka, kierowniczka, profesorka* в пользу конструкций типа *pani dyrektor, pani kierownik, pani profesor*. Женскую грамматическую форму сохранили лишь традиционно парные «женские» профессии типа *aktorka, malarka, nauczycielka, pisarka* либо наименования, свидетельствующие о низком статусе исполнителя и воспринимающиеся носителями языка как малопривлекательные, например *ekspedientka, fryzjerka, sprzątaczką* [Jadacka 1999: 1767]. Де-факто использование мужских наименований для обозначения женщины по престижной профессии, роду деятельности, высокому социальному статусу с 30-х гг. XX в. **было** для поляков правилом. Однако как быть с использованием в СМИ и феминистических изданиях последнего времени грамматически **женских** наименований типа *posłanka, pełnomocniczka, wicedyrektorka*?

Появление таких феминативов свидетельствует лишь о частичном усилении феминизирующей тенденции в языке. Двухнаправленность факторов социально-психологического характера заключается в том, что это факторы выбора. А потому об их ослабевании можно говорить только в том случае, когда использование женского наименования по престижной профессии, роду деятельности или социальному статусу является сознательным выбором говорящего: многие женщины, говоря о себе, предпочитают не актуализировать сему пола ввиду более престижного **звучания** мужского наименования. Почему-то никто не задумается, как назвать женщину-официанта, – *kelnerka* или *kelner* (по результатам исследования М. Nowosad-Bakalarczyk, лишь 0,42 % респондентов именовали женщину *kelnerem*, 99,37 % отдали предпочтение номинанту *kelnerka*) [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 103], однако более престижная профессия, например *reżyser*, уже вызывает споры (*reżyser* – 52,02 %, *reżyserka* – 49,01 %) [ibidem: 103]. Более того, «высокий социальный престиж некоторых профессий допускает употребление мужского наименования, обозначающего женщину даже тогда, когда в языке существует женский коррелят» [Nowosad-Bakalarczyk 2006: 134], например *Starsza siostra Ewa, profesor pulmonologii, znakomity lekarz, pracowała wiele lat w Instytucie Gruźlicy* [http://forumadak.pl/archiwum/2005/09/25-rody_uczone.htm]. Гордятся польские спортсменки и тем, что «*Prawdziwymi mężczyznami w polskim sporcie są kobiety*» [<http://www.wprost.pl/ar/81491/Sportowa-seksmisja/>].

Предпочтение носителями польского языка женских наименований мужским и наоборот зависит от нескольких факторов. Первоочередную роль здесь играют именно факторы социально-психологического характера, интенция говорящего. Однако важен и стиль высказывания. Издания официально-делового характера, научные статьи призваны отдавать предпочтение формам мужского грамматического рода, ведь актуальным здесь является не пол человека, а его социальный статус, род деятельности, профессия. Исследование, проведенное М. Nowosad-Bakalarczyk на материале «Polityki» и женского журнала «Wysokie Obcasy», подтверждает этот тезис. В «Polityce» находим 50,8 % наименований, неспецифицированных по полу, 35,79 % мужских наименований и 13,4 % женских. «Шпильки» отображают совсем иную статистику

ку: на 25,9 % наименований, неспецифицированных по полу, и 25,06 % мужских наименований приходится 49,04 % женских, среди которых 49,87 % являются отмаскулированными дериватами [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 48–51].

Экспансию разговорных женских форм наименований лица в язык СМИ критикуют многие польские авторы. Еще W. Doroszewski писал: «Если женщина занимает должность премьер-министра, то она обязана исполнять на этой должности то же, что и мужчина-министр... По сути, указание на пол министра так же лишено связи с его общественной функцией, как и цвет его глаз» [Doroszewski 1948: 69]. Возмущена существующим положением дел А. Kępińska, критикующая феминистски настроенных журналисток, пропагандирующих формы типа *prezydentka* в прессе [Kępińska 2007: 82]. Среди «несогласных» и А. Grybosiova: В феминистских интернет-изданиях теперь употребляются формы типа *socjolożka*, а также любые возможные дериваты, например *pełnomocniczka*. Авторы таких текстов принадлежат к молодому поколению, мало знающему теоретические основы языка и языковой культуры, - пишет автор [Grybosiova 2006: 78].

Заметим: женские формы многих маскулинизмов уже кодифицированы словарями (взять хотя бы Универсальный словарь польского языка, фиксирующий женские наименования *etnolożka*, *socjolożka*, *psycholożka*) и функционируют в прессе. И пусть «несогласные» сокрушаются, что *krytyczka* звучит как «плохая критика» [Kępińska 2007: 80; Warchoń-Schlottmann 2006: 42], а «среднестатистический носитель языка, который и так не уверен в выборе формы *profesorzy* или *profesorowie*, теперь обязан выбирать между *panią redaktor, redaktorką, redaktorą* и *redaktoraessą*, или *panią biolog, biolożką, biologistką i biologinią*» [Warchoń-Schlottmann 2006: 43], – СМИ и феминистки свою позицию уже определили.

Как скоро и примет ли вообще такие женские наименования под крыло литературной нормы язык - остается вопросом. Завершить хотелось бы словами А. Kępińskiej, справедливо заметившей: «Ни я, ни один другой языковед не будет навязывать какую-либо из форм словоупотребления носителям языка, раз уж женщины сами себя хотят называть *socjolożkami* или *krytyczkami*. В любом случае победит общеупотребительная, узуальная форма, и ничего здесь не поделаешь, – *vox populi, vox Dei*» [Kępińska 2007: 82].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BRZOZOWSKA, D. (2005): Kategoria rodzaju we współczesnym języku polskim. In: *Język Polski*, LXXXV 1, s. 36–42.
- BUTTLER, D., KURKOWSKA, H., SATKIEWICZ H. (1971): *Kultura języka polskiego*. Warszawa.
- DOROSZEWSKI, W. (1948): *Rozmowy o języku*. Warszawa.
- GRYBOSIOVA, A. (2006): Feministyczne reinterpretacje językowego obrazu świata Polaków. In: *Poradnik Językowy*, z. 6, s. 74–79.
- GRZEGORCZYKOWA, R., LASKOWSKI, R., WRÓBEL, H. (1999): *Gramatyka współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
- GRZEGORCZYKOWA, R., PUZYNIŃA, J. (1998): Problemy ogólne słowotwórstwa. Słowotwórstwo rzeczowników. In: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, s. 361–388; 389–468.
- ISJP: BAŃKO, M. (2000): *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa.
- JADACKA, H. (1999): Tytuły (naukowe, służbowe, zawodowe) kobiet. In: *Nowy słownik poprawnej polszczyzny*, s. 1767–1768.

- KAPROŃ-CHARZYŃSKA, I. (2006): Żeńskie neologizmy osobowe z formantem -ka we współczesnej polszczyźnie. In: *Język Polski*, LXXXVI, s. 260–270.
- KARWATOWSKA, M., SZPYRA-KOZŁOWSKA, J. (2003): Klient nasz pan a wszyscy ludzie są braćmi – seksizm we współczesnej polszczyźnie. In: *Etnolingwistyka*, nr 15, s. 195–219.
- KĘPIŃSKA, A. (2007): Pani prezydent czy pani prezydentka? In: *Poradnik Językowy*, z. 3, s. 79–84.
- KLEMENSIEWICZ, Z. (1957): Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki. In: *Język Polski*, XXXVII, s. 101–119.
- KRJP: KOMUNIKATY RADY JĘZYKA POLSKIEGO PRZY PREZYDIUM POLSKIEJ AKADEMII NAUK. (2002): Forma żeńska rzeczownika *marynarz* – *marynarka*? In: *Poradnik Językowy*, z. 7, s. 72–73.
- KUCAŁA, M. (1978): *Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny*. Wrocław.
- ŁAZIŃSKI, M. (2006): *O panach i paniach. Polskie rzeczowniki tytułowe i ich asymetria rodzajowo-pleciowa*. Warszawa.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2003): Pleć a rodzaj gramatyczny we współczesnych ofertach pracy. In: *Poradnik Językowy*, nr 5, s. 21–38.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2006): Jeszcze o rodzaju. Uwagi do artykułu D. Brzozowskiej „Kategoria rodzaju we współczesnym języku polskim”. In: *Język Polski*, LXXXVI, s. 393–395.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2006): Tendencje w sposobie wyrażania żeńskości we współczesnej polszczyźnie. In: *Język Polski*, LXXXVI, s. 126–136.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2009): *Pleć a rodzaj gramatyczny we współczesnej polszczyźnie*. Lublin.
- SJPDor: DOROSZEWSKI, W. (1996-1997): *Słownik języka polskiego*. Warszawa.
- SJPSz: SZYMCZAK, M. (1999): *Słownik języka polskiego*. Warszawa.
- USJP: DUBISZ, ST. (2008): *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa.
- WARCHOŁ-SCHLOTTMANN, M. (2006): Dlaczego pani psycholog Nowak nie chce być psycholożką Nowak? In: *Alma Mater*, nr 825, s. 42–45.

СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА БИБИК

Украина, Киев

БЫТОВОЙ ДИАЛОГ В ТЕЛЕРЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: МАНИПУЛЯТИВНАЯ И АРГУМЕНТА- ТИВНАЯ ФУНКЦИИ

АБСТРАКТ:

The article deals with communicative-pragmatic functions of everyday dialogues as a genre of modern television commercials. Basic lexical, phraseological and syntactic means of everyday dialogue in television advertising discourse has a tendency to run manipulative, argumentative functions. The role of cultural elements of everyday discourse in television advertising as a means of transformation and popularization of scientific and technical information to a mass audience, as well as developing skills of literary life communication.

KEY WORDS:

Television advertising discourse – manipulative function – argumentative function – everyday culture – dramatized advertising – everyday dialogue – prescriptive dialogue – everyday vocabulary – everyday phraseology – conversational syntax.

Расширение функционального поля украинского литературного языка происходит одновременно с процессом коллоквиализации жанров массовой коммуникации. Наглядным примером этого являются бытовые диалоги в *драматизированной телерекламе*, которая заняла одну из центральных позиций в современной культуре повседневности. Именно поэтому изучению рекламного дискурса, текста уделяется большое внимание в зарубежной и отечественной науке. Характерно, что объектом исследования языковых особенностей рекламы преимущественно выступают печатные тексты в СМИ и Интернете, большее внимание привлекает иноязычный материал (английский, испанский, русский, французский), в то время как активно функционирует и развивается украинский рынок рекламной продукции, требующий надлежащего лингвистического анализа.

Реклама – одна из социальных сфер коммуникативного воздействия. Массовая коммуникация составляет, как отметил В. Ризун, «импликацию субъектно-объектных отношений, сведение их до уровня скрытого, а значит манипуля-

тивного, влияния, хотя, может, и с благородной целью» [Різун 2008: 27]. Манипулятивная тактика рекламы основывается на социопсихолингвистических механизмах побуждения человека к деятельности, на формировании «определенных констант в плоскостях рационального и аксиосистемного сознания» [Асоціативний 2001: 5].

Рекламный текст – это законченное высказывание с определенной формальной и содержательной структурой, выполняющее роль сообщения о предмете рекламы с положительной прагматической установкой побудить адресата к действию – купить этот товар. В. Зирка, определяя информативно-манипулятивную направленность рекламного текста, выделила такие манипулемы, как эмотивная и оценочная лексика, морфологические части речи, гендерная лексика, слоган, прецедентные феномены [Зірка 2005]. По наблюдениям же Е. Коваленко, большое значение для рекламной коммуникации имеет прагматическое наполнение выражения, речевого акта [Коваленко 2007: 450–453]. В исследованиях языка рекламы акцентировано внимание на таких разновидностях коммуникативного направления рекламного текста, как монологический, диалогический, реальный и мнимый [Колтышева 2008].

Вне поля зрения исследователей остался такой феномен информационно-манипулятивной игры, как *бытовой диалог* в телерекламе – виртуальный, стереотипизированный социальный контекст, мини-драма, представляющая определенную умело подмеченную и выделенную из массы авторами рекламных текстов повседневно-бытовую ситуацию. Через этот сегмент публицистического дискурса проходит одна из связующих цепочек, одна из коррелятивных зон взаимообогащения разговорно-бытового и публицистического стилей литературного языка. А. Совински и письменный рекламный текст благодаря его описательной, убеждающей функциям рассматривает в структуре разговорной речи [Мoeskelmann 1978: 41].

Иррадированный в бытовую ситуацию рекламируемый товар (услуга и т.д.) – основа его положительного восприятия и пример для подражания другими, «своими», «такими же», привлечение его представителями массовой аудитории в собственную повседневность. Диалогизация бытовой ситуации в национально маркированной повседневной культуре телерекламы делает информативно-манипулятивный текст содержательно конкретным, эмоционально действенным. Стереотипный положительный образ бытовой повседневности предназначен стать символом идентификации адресата с такими же лицами, он стимулирует социально-психологическое отождествление «я тоже принадлежу к ..». Рекламодатели при этом эксплуатируют ситуации, известные с детства, с семейно-бытовой среды как первичной ячейки формирования социально-культурных ценностей. Этот факт обозначают как апелляцию к архетипу, архаичному сознанию в телерекламе [Сальникова 2002].

Кроме того, бытовой диалог в телерекламе подчинен прагматической цели благодаря удачному сочетанию разговорно-бытовых конструкций с литературно обработанным синтаксисом. Такой *прескриптивный диалог* – образец разговорно-бытового стиля литературного языка.

Как и в любой бытовой коммуникации, в бытовых диалогах телерекламы основу лексико-фразеологического уровня составляют общеупотребительные, стилистически нейтральные языковые единицы. Часть рекламного лексикона в *драматизированной рекламе* имеет признаки повседневности и разговорности. Такими на лексическом уровне являются названия родства, в том числе и сокращенные (ба 'бабуся', онучку, мама, мамуля, дїду, діти, тато, синку), вторичные номинации родных и близких с положительной оценкой (любий 'чоловік', люба 'дружина'), названия лиц по гендерному признаку (дівчата, хлопці, жінка, чоловік), разговорные варианты имен собственных (Таня, Люба, Міша, Костя; Петрівна), имена собственные с суффиксом -их- (Коржинчиха), -к- (Ориська), универбы (напр., цифра (цифровое аналоговое телевидение), два чотирнадцять (вместо 2 грн. 14 коп.), уменьшительно-ласкательные словоформы на -ик- (майонезик), окказиональные новообразования (снікерсуй, міксуй, планшетуй), жаргонизмы (ес 'так', 'ось'), экспрессивные номинации (повиздыхати).

В телерекламных бытовых диалогах они «монтируются» в рекомендательные реплики-ответы (– У мене молочниця. – Молочниця?! Неприємно, але рішення є – **«Дифлюзол»**. Від фармацевтичної кампанії «Артеріум»), а также в реплики-утверждения (– Відтепер на сніданок тільки **молоко «Легкий ранок»**; Шарик: Найкраща **сметана** – з борцем), реплики, производимые с целью вызвать интерес (Чи вірите ви, що збільшиться об'єм після першого миття **шампунем?**), реплики-аргументы (Дитина: Мама завжди купує **«Наш сік»** та каже, що він корисний. Та для мене він просто .. м-м .. смачний).

Повседневно-бытовая фразеология в диалогизованных телерекламах привносит национально-культурный колорит. С этой точки зрения была показательна реклама МТС-коннекта: внук приезжает к бабушке в деревню и не видит для себя достойных для общения, а бабушка его виртуальных знакомых оценивает с помощью таких знаков культуры: – З цією не дружи. **Худа як тріска. Довго не протягне.**

Фраземы-клише применяют с манипулятивной целью: для выразительности сопоставлений утилитарного и предметно-конкретного значения. Ср. диалог телерекламы банковских услуг: – За кредит Ви сплачуєте всього 2 грн. 14 коп. На день. – Як два чотирнадцять?! – **Як за одне яйце!** – Ви отримуєте готівку від банку «Ренесанс-кредит» та сплачуєте всього 2 грн. 14 коп. На день.

Стереотипные выражения в структуре драматизированной телерекламы – это непринужденные повседневно-бытовые клише-поздравления (– Привіт! – Привіт!; – Усім привіт!; – Ой, добрий день!), клише-обращения (– Чого бажаєте?), а также целые предложения типа **Ти ба, як просто!; Як ти там?; Гарно виглядаєш; Ти ж знаєш, я не...**

Повседневно-бытовые клише являются знаками стереотипной обыденной ситуации, в которой применяется рекламируемый продукт, напр.: а) продукт питания – сметана (Шарик: Найкраща сметана – з борцем. Матроскін: Найкраща сметана наша з Простоквашино. Свіжа. Натуральна. Мама: **Що хо-**

чете на обід? Дитина: Мені – деруни зі сметаною. Сметана «Простоквашино» – найкраща для ваших страв), конфеты (Одного разу до Петренків приїхала теща. – **Це до чаю.** – **А по телевизору сказали, що солодке на ніч шкідливо**); б) лекарственное средство: – **Люба, у тебе є що-небудь від болю у спині. Мені здається, я бачив якісь таблетки.** – Так, у жовтому тюбику; – **Знову їси на ходу?** – 30 секунд до ефіру. – **Знову печія. Як невчасно!** – Спробуй Гевіксон; в) средство ухода за чем-либо: – **Чим перемо?** – Тайдом. Мені дуже важливо, що я можу дуже надійно відчувати себе з Тайдом.

Еще одна разновидность повседневно-бытовых фразем-клише выполняет в драматизированной телерекламе собственно манипулятивную функцию, склоняя потребителя к подражанию (– **Я також спробую.** – **Якщо Олена вибирає..** – **О! Вам обов'язково сподобається**).

На фоне лексико-фразеологических особенностей бытового диалога в структуре речевого жанра «драматизированная телереклама» выразительным предстает именно синтаксический уровень. Прежде всего в диалогизированной телерекламе применяют легкие для восприятия простые синтаксические конструкции – повествовательные, вопросительные, восклицательные. В целом исследователи рекламных текстов отмечают абсолютное преимущество простых предложений в нем: по одному из свидетельств, их средний показатель – 83,15 % от общего количества синтаксических структур [Тюфтії 2010: 5, 16].

Простое предложение в разыгрываемом общении – синтаксическая модель объяснения, повествования, четкого определения бытовой неофициальной ситуации, например: Мама: – **Ось невидані плями від борщу в шкільній їдальні. Це тепер можна носити тільки вдома**; Мама: – **Після прання Тайдом ми маємо багато чудових білих речей**; – **Зараз тренер прийде**; – **Та що ти таке кажеш. Скільки років ми разом і я ні разу не бачив у тебе герпесу тощо.**

Из формально-синтаксических особенностей устного бытового диалога в телерекламе определяем и ситуативно маркированные – неполные, эллиптические предложения как типично разговорные конструкции и синтаксические единицы, эквивалентные предложению. Они отражают явления синтаксической компрессии, лаконизма, непринужденность обмена мнениями в разыгрываемых экранных мини-драмах и такой важный признак устной разговорной речи, как непосредственность общения, не требующей развернутых конструкций.

Продукт, процесс как центр мини-драмы представляется в контекстуально неполных структурах (или структурах с синтаксическим нулем глагола-предиката), например: Журналіст: – **Чи є у вас невідіпані улюблені речі під домашнім арештом?** Син: – **Моя улюблена водолазка. Раніш я ходив у ній в школу. Тепер на ній плями**» (сама улюблена (невідіпанна) водолазка). В другом диалоге рекламируют освежающий напиток с фруктовыми наполнителями, перечисляемые в неполных высказываниях-презентациях с тождественным незамещенным предикатом: Хлопці: **Дівчата, ви з чим будете пиво пити? – З сухариками? – З чіпсами? – Чи з горішками?** Дівчата: – **Я буду з**

вишнею. – **Я – з лимоном.** – **А я – з малиною.** Освіжаючий **ОБОЛОНЬ Beer Mix** – винний коктейль із цілком натуральних фруктів – вишні, лимона або малини.

Односоставные простые предложения, в том числе и как компонент структуры сложных, органично отражают ситуативные контакты лиц, ср. реплики: *Привіт! Як ти там? **Гарно виглядаєш;** – **Що ви робите, щоб ваша зачіска була об'ємною?** – **Беру пасмо волосся, накручую його, а потім розтягую.***

В информативно-манипулятивной модели *бытового диалога* телерекламы важным компонентом является экспрессивный *разговорный синтаксис*: отрицательные слова-предложения: Журналист: – *Чим хотіли б ви визволити улюблені речі з-під домашнього арешту?* Мама: – **Ні.** Не може бути, утвердительные слова-предложения: *Мені здається, я бачив якість таблетки.* – **Так, у жовтому тубикові, Mr. Proper з формулою ефект-магніт швидко впорається з чистотою.** – **Так, так,** ми хочемо, щоб шкарпетки після гімнастики були **білосніжними**; эффе́ктные аксиологические компоненты с высокой степенью положительной семантики: – *Ну як? Мама:* – **Чудово!;** – *Насправді цю випрала Аріелем.* – **Ні! Оце так! Диво! – Важко повірити. – Я не очікувала!** Такие элементы находятся в сильной позиции в структуре диалогов, выполняют роль манипулятора: через отрицание / утверждение определенной возможности демонстрируется, доказывается эффективность той или иной рекламируемой реалии.

В экспрессивизации реплик большое значение имеют разговорные частицы, междометия: – **А то! Ось Сніжана. Сестри Коржинчихи. Ориська маленька;** – **Ух, так швидко!**

Еще один важный языковой и тексто-композиционный параметр тележанра «*драматизированная реклама*» – отражение процесса корреляции элементов *повседневной культуры* в культуре повседневности, когда разговорно-бытовая практика восприятия, оценки и применения товаров и услуг сочетается с авторитетным научно-популярным, научно-просветительским объяснением природы и пользы рекламируемых реалий: Онук: **Як підключитися до національної цифрової мережі телебачення? В магазині електроніки вибрати приймач цифрового телебачення T2. ... Вибрати. ... Увімкніть приймач. З'єднайте його вхід з антеною, а вихід з телевізором. Через 5 хвилин налаштування у вас 24 канали у відмінній якості. І головне – безкоштовно.**

Иронический контекст, доброжелательный бытовой юмор – основа успеха рекламной продукции. На стереотипных социокультурных ситуациях сельской коммуникации построен *бытовой диалог* в рекламе «Киевстар-Интернет» (октябрь, 2011 г.). Здесь использован национальный юмористический колорит деревенских баб Палажки и Параски (персонажи произведения И. Нечужа-Левицкого), которые ссорятся каждый день и друг без друга жить не могут. Ситуацию в современных условиях спасает Интернет: – **Петрівно, як спалося? Комарі не заважали?** – **Так вони ж ще вчора тебе покусали**

та повиздыхали. – Петрівно, то не твої гуси від тебе полетіли? – А мої з тебе регочуть. – Що, Петрівно, в кабінку вже не влазиш? – Перебираюся до дочки в місто. – Хоч відпочину без тебе. – Мамуля, це мобільний Інтернет. Натискаєш ось тут і розмовляєш зі своєю Петрівною. – О! Ах ти ж! /Ми потурбувалися, щоб завдяки Інтернету ви стали іще ближче/. – Саша, а де буква «ё»? /Київстар з думкою про вас/. Табуированное бранное выражение в этом бытовом диалоге редуцировано до вопросительной реплики-намека «А где тут буква «ё»?» (Въедливость в отношениях соседки сохраняют и в виртуальном общении).

Итак, через язык рекламы, в частности *драматизированной телерекламы с бытовым диалогом*, ее композиционно-смысловую структуру, повседневность представлена в ежедневной телекоммуникации как константа культурной действительности, утилитарно-прагматическая сущность которой связана с ее функцией сохранить, продолжить и доустроить жизнь человека, обеспечить физический и психический комфорт человека в повседневной сфере. Через *драматизированную рекламу* проходит один из векторов взаимодействия разговорно-бытового и публицистического стилей литературного языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- МОЕСКЕЛМАНН J. (1978): Zander, Soenke: Form und Funktion des Werbeslogans: Untersuchung der Sprache und werbepsychologischen Methoden in den Slogans. In: *Goepfingler Arbeiten zur Germanistik*, Nr. 26, с.38–45.
- ЗІРКА, В. В. (2005): *Мовна парадигма маніпулятивної гри в рекламі*. К.
- КОВАЛЕВСЬКА, Т. Ю. (2001): Вступна стаття. In: Т. Ю. Ковалевська – Г. Д. Сологуб – О. В. Ставченко: *Асоціативний словник української рекламної лексики*. Одеса: Астропринт, 2001, с. 3–6.
- КОВАЛЕНКО, Є. (2007): Прагмалінгвістичні особливості українських рекламних текстів. In: *Лінгвістичні студії*, Вип. 15, с. 450–453.
- КОЛТЫШЕВА, Е. Ю. (2008): *Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте (на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин)*. Ярославль.
- КОМИХ, Н. Г. (2011): Соціологічний дискурс: особливості відтворення. In: *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*, Т. 24 (63), № 2, с. 234–238.
- ЛИВШИЦ, Т. Н. (1999): *Реклама в прагмалінгвістическом аспекте*. Таганрог.
- РІЗУН, В. В. (2008): *Теорія масової комунікації*. К.
- САЛЬНИКОВА, Е. (2002): *Эстетика рекламы: культурные корни и лейтмотивы*. М.
- ТЮФТІЙ, Є. С. (2010): *Синтаксис української реклами: структура та семантична типологія*. Дніпропетровськ.

НАТАЛИЯ БОГАТЫРЕВА

Россия, Киров

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ (К ВОПРОСУ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» И РАССКАЗЕ «ТЬМА»)

ABSTRACT:

The article offers the typological juxtaposition of Dostoyevsky's and Andreev's stories ("Notes from Underground" and "The Darkness") in the context of the existential conception of personality. The Underground Man rejects reason as the dominant faculty and posits the free exercise of individual will as most important. So does Aleksey, Andreev's character, after "rebirth of convictions". But women characters of both stories are nearer to authors' ideals of kindness, Christian love and brotherhood.

KEY WORDS:

Dostoyevsky – Andreev – existential conception of personality – rationalism – existential rebellion – "rebirth of convictions" – alienation – duality – Underground Man.

Проблема воздействия идей Ф. М. Достоевского на экзистенциальную мысль Л. Андреева представляет для исследователя особый интерес. Достоевский уже достаточно давно осознается как предтеча русской и западноевропейской экзистенциальной философии. В работах Николая Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (1923) и Льва Шестова «Преодоление самоочевидностей» (1921) повести и романы писателя рассматриваются с позиций религиозного экзистенциализма. В 70-е гг. XX века начинается интенсивное исследование влияния Достоевского на творчество европейских философов-экзистенциалистов Ж. П. Сартра, А. Камю, А. Кафки.

Особенности экзистенциальной мысли Андреева-философа активно исследуются с конца прошлого столетия. Характеризуя природу художественно-философской цельности творчества Л. Андреева, В. А. Келдыш замечает: «В произведениях Андреева – впервые столь отчетливо на русской почве – выразились как художественно экспрессионистская, так и философски экзистенциалистская тенденции. <...> И одна, и другая тенденции приобщали писате-

ля к ключевой для «серебряного века» проблеме личности, над которой неотступно и по-разному размышлял Л. Андреев уже с самого начала пути» [Келдыш 2010: 380].

Повесть Достоевского «Записки из подполья» и андреевская повесть «Тьма» сопоставлялись с позиций хорошо знакомой в русской литературе мотивно-сюжетной ситуации «падения–воскресения», встречи героя-идеолога с падшей женщиной [Беззубов 1984, Тамарченко 2007]. Целиком посвящена сопоставительному анализу повестей статья Г. Б. Курляндской [Курляндская 1983]. Предмет анализа в этой статье – особенности авторской позиции, основы философской антропологии и формы психологического анализа в данных произведениях. Экзистенциальные переключки этих повестей в современном литературоведении не затрагивались. Между тем, Достоевский и Андреев своими художественными открытиями влияли на развитие экзистенциальной мысли позднейшей эпохи. Мы рассмотрим вопрос о типологической близости и расхождениях между названными авторами в экзистенциальной трактовке личности.

Философы определяют два главных признака экзистенциальной концепции человека: во-первых, высокий пафос защиты целостного бытия личности, признание ее «абсолютно самодостаточной, несводимой ни к какой высшей инстанции»; во-вторых, «отрицание субстанциальной сущности личности, полагание ее содержания всецело ситуативным...» [Евлампиев 2008: 82].

Монолог Подпольного в первой части повести Достоевского философиями определяется как увертюра ко всей экзистенциальной философии. Это декларация крайнего индивидуализма, вызов всему миру, бунт против законов природы, постулатов математики, всех и всяческих стен. Защита личности, неповторимой и целостной индивидуальности волнует его до истощения. Его сознание и слово постоянно дwoятся, отражая экзистенциальное противостояние отчужденной личности позитивизму, рационализму, просветительской антропологии. Подпольный открыл главную экзистенциальную истину: «Я один, а они – все» [Достоевский 1973, т. 5: 165].

Философией Подпольного восхищался Лев Шестов, приписывая все мысли «антигероя» самому автору. Философ сетует, что «Записки...» «не обсуждаются и далее не называются по имени ни в одном философском учебнике», между тем как «диалектика Достоевского, как в «Записках из подполья», так и в других его произведениях, может быть свободно поставлена наряду с диалектикой какого угодно из признанных европейских философов» [Шестов 1993: 48].

Шестов как бы сознательно замечает и вдохновенно трактует только один полюс в философии Достоевского, но упорно игнорирует другой – необходимость преодоления экзистенциального одиночества, признание субстанциальной сущности личности, ее внутреннего нравственного ядра, совпадающего с Христовой правдой. Мимо внимания философа проходит вторая, сюжетная часть повести – история встречи Подпольного с Лизой.

Иначе подошел к экзистенциальной проблематике Достоевского Н. А. Бердяев, который отметил «амбивалентное отношение писателя к личностному

началу» [Бердяев 1923]. Для Достоевского столь же важна слиянность отдельного «я» с целым, как и пафос защиты индивидуальности, вольного, свободного хотения, которое, однако, грозит перерасти в эгоцентрическое, разрушительное своеволие.

Позицию Алексея, главного героя Л. Андреева, в начале рассказа можно назвать подчеркнуто антиэкзистенциальной. Его вера подкрепляется классическим метафизическим разумом. Андреевский герой не философствует, он действует. Его жизнь подчинена «безусловности факта, которая всю прежнюю жизнь его вытянула в одну прямую огненную линию, оперила ее, как стрелу» [Андреев 1990–1996, т. 2: 295]. Он может быть отнесен к категории рационалистов, которых Подпольный у Достоевского определяет как «деятелей», взирая на них с величайшим высокомерием и презрением.

Экзистенциальное беспокойство в повести «Тьма» свойственно скорее героине, проститутке Любе. Её поведение с иррациональными, неустойчивыми реакциями, со взрывами отчаяния, ненависти и презрения ближе к философии Подпольного.

Этически ситуацию первых глав рассказа Андреева можно назвать парадоксально двойственной. В соответствии с намерениями и поступками герой как бы соотносит себя с Христом – он жертвует собой ради людей, ради таких, как Люба, – грязных, падших. Но по сути, он поглощен самолюбованием, высокомерием и самодовольством, существует в состоянии «нравственной сытости» [Горнфельд 2002: 62].

В нем уживаются высокая жертвенность, высокая цель – и несовместимые с христианским сознанием презрение к людям, гордыня и высокомерие. Самодовольная мысль о своем избранничестве и оскорбительное пренебрежение к «горькой братии» приводят к тому, что в один из моментов спора с девушкой террорист в пароксизме ненависти срывается на неистовый, истеричный крик: «Проститутка! Дрянь! Молчи! <...> Да, хороший! Честный всю жизнь! Чистый! А ты? А кто ты, дрянь, зверюка несчастная?» [т. 2: 286–287]

Героиня, напротив, жила в ощущении экзистенциального противостояния всему миру, враждебному и несправедливому по отношению к ней, испытывавая гнетущее чувство одиночества и бессмысленности существования («А я вот мертвая – понимаешь, подлец, мертвая я» [т. 2: 278]). Поэтому и ненавидела всех – и посетителей, и товарок. Поэтому «много народу по морде била», а удовлетворения не находила, мечтая «хорошего ударить».

Л. Андреев дал в повести поединок двух гордецов, каждый из которых стремится властвовать, насладиться унижением другого. Если Люба изначально находилась в ситуации экзистенциального бунта, то герой внезапно, «вдруг», приходит к «опрокидыванию всех прежних истин». Парадоксальные ядовитые вопросы проститутки («Какое же ты имеешь право быть хорошим, когда я – плохая?») заставляют его испытать потрясение, за которым следует «перерождение убеждений». Почва выбита у него из-под ног, все «самоочевидности» поставлены под сомнение: «Подумать только – у меня было все, даже бессмертие – и теперь ничего этого нет...» [т. 2: 288]. Он начинает мыслить и поступать

ситуативно, экзистенциально. Он «точно повис в воздухе. Почва ушла из-под его ног, и он не знает, что это такое: начало гибели или чудо нового рождения?» [Шестов 1993, т. 2: 40]. Итогом поединка стало погружение героя в «пустоту и тайну» – иррациональное, бессознательное прошлое, стихийный бунтарский дух предков, для которых «бунт был религией и религия – бунтом» [т. 2: 287].

Достоевский и Андреев оказались типологически созвучными в убеждении, что разумом человек всецело не определяется. Философски обе повести представляют собой сокрушительную критику метафизического разума. Но что остается у человека в «иррациональном остатке»? Ответы одного и другого художника различны.

Достоевский убежден в том, что сущность мира и человека – свободная духовная субстанция, выражающая себя в нравственном чувстве. Это особенно ярко проявляется в поведении героини «Записок». Лиза у Достоевского, смиряясь перед «стеной», сохраняет способность всю себя отдавать другому, жертвовать собой во имя и в осуществление любви. Она воплощает практически ту часть нравственного сознания человека, которую Подпольный подавляет и отрицает. Но даже у него прорываются неожиданные признания: «Я не могу... Мне не дают быть добрым» [Достоевский 1973, т. 5: 176].

У Андреева за пределами рационального – «пустота и тайна», заполняемые стихийным бунтом, экзистенциальным хаосом. Но ценность этого бунта – в стремлении спрашивать за каждого страдающего, «мертвого» при жизни (как Люба и ее товарки), в попытке понять и защитить самое униженное существо, вызвать переворот в его сознании.

Люба у Андреева первоначально близка к иррациональной бунтарской программе Подпольного. Но именно она, «живущая бунтом», активно ощущает в себе готовность к переменам, к преодолению экзистенциального одиночества и отчуждения. Пустоту за пределами рации она старается заполнить живым участием, готовностью к единению с героями духа. Личностное начало героиня готова принести в жертву. И в этом, в глазах автора, ее благое «преображение». Она готова идти к «хорошим», она преисполнена благодарности и любви к террористу Алексею, интуитивно повторяя жест Марии Магдалины, обнимающей ноги Христа [См. об этом: Н. Д. Тамарченко 2007].

Поэтому и финал андреевской повести прочитывается по-иному. Как верно заметил Н. Д. Тамарченко, «... пресловутая формула «стыдно быть хорошим» автором отнюдь не утверждена. Ее значение – в другом: герой перестает совпадать со своей правдой» [Тамарченко 2007: 150]. В финале ощущается авторское намерение подчеркнуть, что и герой оказывается на пороге открытия новой истины: «И, улыбаясь насмешливо, с **высоты своей новой, неведомой миру и страшной правды** (Выделено нами. – Н.Б.), глядел он на молоденького, взволнованного офицера и равнодушно покачивал ногою. По-видимому, это правда трагедии в ожидании казни, правда той последней жертвы ради последнего человека, которая сродни жертве Христовой. Гуманистическая мысль рассказа была писателю чрезвычайно дорога, о чем сви-

детельствует его признание в письме к А. И. Сумбаташвили-Южину: «Понять «Тьму», не возмущившись, принять к сердцу ее человечность – это значит ... и автору дать неожиданный подарок» [Сарибекова: 1979, с.110].

Таким образом, Достоевский и Андреев сходятся в том, что выводят своих героев-идеологов за пределы рационализма, метафизических умопостигаемых сущностей. При этом интуитивные попытки преодоления гордыни, экзистенциального одиночества, отчуждения, раздвоенности отданы героиням.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АНДРЕЕВ, Л. (1990-1996): *Собр. соч. в 6 т. М. 1990–1996*. Т.2. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
- БЕЗЗУБОВ, В. И. (1984): *Андреев и Достоевский*. In: В.И. Беззубов, Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин.
- БЕРДЯЕВ, Н. А.: *Мирозерцание Достоевского*. Прага. 1923. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/duhrev07.htm>
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1973): *Полн. собр. соч. в 30-ти томах*. Т.5. Л. С.100 –177.
- ГОРНФЕЛЬД, А. Г. (2002): «Тьма» Леонида Андреева. In: Критика начала XX века. М. С. 60–64.
- ЕВЛАМПИЕВ, И. И. (2008): *Становление европейской неклассической философии*. СПб.
- КЕЛДЫШ, В. А. (2010): *О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы*. М.: ИМЛИ РАН.
- КУРЛЯНДСКАЯ, Г. Б. (1983): *Рассказ Андреева «Тьма» и «Записки из подполья» Достоевского*. In: Творчество Леонида Андреева. Исследования и материалы. Курск. С. 26–34.
- САРИБЕКОВА, Л. (1979): «...Я – оптимист!»: *Из неопубликованных писем Л. Андреева к Александру Сумбаташвили-Южину*. In: Литературная Грузия. № 10. С. 98 –116.
- ТАМАРЧЕНКО, Н. Д. (2007): *Русская повесть Серебряного века. (Проблемы поэтики сюжета и жанра)*. Intrada. М.
- ШЕСТОВ, Лев. (1993): *Преодоление самоочевидностей*. In: Шестов, Л. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М. С.25–92.

ДАРЬЯ ВАЛЕНТИНОВА

Чехия, Оломоуц

СЕМАНТИКА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМАТИКА ЕЁ ОТРАЖЕНИЯ В ИХ ДЕФИНИЦИЯХ

АБСТРАКТ:

This article deals with analysis of Russian and Czech legal terminology (criminal legal terminology in particular). The author analyzes terms excerpted from Russian Criminal law and Czech Criminal law. Studying the specifics of term semantics in general the author tries to analyze, how presence or absence of the term definition can affect law perception by the citizens and legal consciousness of Russian and Czech speaking people.

KEY WORDS:

Criminal law – terminology – criminal-law terminology – law-making techniques – concept – law-perception – legal consciousness – definition.

Лексическое значение термина и его дефиниция.

Лексическое значение термина представляется областью, интересной для изучения, т.к. его структура отличается от структуры лексического значения слова общенародного языка. Многие учёные отмечают в качестве важнейшего конституирующего фактора термина его связь с терминологией, системность отношений с другими терминами. То есть – терминосистема служит для отдельного термина чем-то вроде контекста, на фоне которого раскрывается его значение, это своеобразный «ключ» к его трактовке.

Большинство исследователей согласны в мнении, что рассматривать собственно лингвистические особенности терминологических единиц можно только при анализе терминов в «естественных условиях», то есть в той языковой среде, где такая единица применяется по своему прямому назначению, в своей основной функции, т.е. в функции наименования и выражения специального понятия, границы которого обозначены дефиницией.

Способность термина обозначать понятие является его важнейшей чертой. При этом системные связи между терминами внутри одной терминологической системы отражают аналогичные отношения между отражаемыми ими понятиями одной области знаний. В нашей работе мы, вслед за многими лингвистами и терминоведами (Виноградов В. В., Лотте Д. С., Шелов С. Д., Lotko E., Даниленко В. П. и др.), считаем, что сущность лексического значения термина проявляется именно в его связи с понятием, то есть, иными словами, лексическое значение термина (является выражением понятия, объём которого либо очерчивается в дефиниции термина, либо объясняется в теории той или иной области знаний. Именно поэтому мы считаем важным изучение сходств / различий в объёмах понятий, отражаемых аналогическими терминами в родственных языках.

Однако прежде хотелось бы сказать несколько слов о проблематике наличия / отсутствия дефиниции у юридических терминов, в особенности - терминов уголовного права.

В задачи настоящей работы не входит исследование природы дефиниции, её структуры или изучение типов определений, используемых для объяснения семантики уголовно-правовых терминов. Мы будем считать определением высказывание, которое непосредственно, без отсылок к другим источникам, раскрывает необходимые и достаточные признаки соответствующего понятия и отграничивает их от других.

Основной функцией юридического определения мы будем, вслед за Н.Н. Вопленко и М. Л. Давыдовой, признавать внесение ясности в процесс правового регулирования, обеспечение единообразного понимания воли законодателя [Вопленко, Давыдова 2001: 66].

Дефиниция - один из особо значимых способов объяснения и фиксации терминологического значения, потому что именно она позволяет вербально идентифицировать понятийную сторону языка, причем позволяет делать это с наибольшей точностью. Поэтому неудивительно, что наличие дефиниции считается одним из конституирующих признаков термина.

Именно критерий наличия / отсутствия дефиниции лёг в основу отбора материала для нашего исследования. Для нашего исследования мы выбрали из Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и кодекса *Trestní zákoník České republiky* (далее – *TrZ ČR*) четыре категории терминов: 1) термины, имеющие дефиницию непосредственно в тексте закона (напр., рус.: *аф-фект, бандитизм, вымогательство, грабеж, клевета* и др., чеш.: *krádež, kuplířství, lichva, zpronevěra* и др.), 2) термины, дефиниция которых не приведена в кодексах, но её можно сформулировать по смыслу нескольких статей кодексов (напр., рус.: *вменяемость, преступное деяние, деяние* и др., чеш.: *příčetnost, protiprávnost, zavinění* и др.), 3) термины, не имеющие дефиниции в тексте закона, но имеющие довольно подробную и распространённую дефиницию хотя бы в одном из привлечённых к исследованию словарей (напр.: *vyhrožování, násilí, opomenutí, škoda, újma* и др.), 4) термины и терминологические сочетания, которые не имеют ни нормативной дефиниции в тексте за-

кона, ни словарной дефиниции в упомянутых выше словарях, но, тем не менее, являются, с нашей точки зрения, терминами юридическими, и уголовно-правовыми. Это такие русские термины как *вражда*, *жестокое обращение (с животными)*, *жестокость* и др., чешские - *společensky prospěšná činnost*, *státní příslušník*, *surový způsob spáchání trestného činu*, *trestně odpovědná osoba*, *trestní rozsudek* и др.

Наличие или отсутствие дефиниции у термина может непосредственно влиять на формирование общего правовопонимания и правосознания у читателей закона, то есть обычных граждан, не специалистов в области юриспруденции, иначе - у носителей «обыденного сознания».

На практике (в реальном употреблении и функционировании терминологии) часто оказывается, что далеко не каждый термин имеет так или иначе закреплённую дефиницию. Это может быть связано со многими факторами, в частности – с динамичностью языковой системы и тем обстоятельством, что законодательная техника и лексикографическая практика не всегда успевают за изменениями, происходящими в языке и правовой науке.

Однако тот факт, что отсутствие определения часто объяснимо и вызвано объективными причинами, не снимает важности формирования дефиниций для таких терминов, которые его до сих пор не имеют. Как мы уже упоминали, часто дефиниция – в той или иной форме – «витаает в воздухе», предполагается специалистами по уголовному праву, подразумевается ими в научных работах, однако не является очевидной и доступной для субъектов права – носителей «обыденного сознания».

Оценочный компонент семантики юридических терминов и его влияние на формирование правосознания общества.

Большинство исследований, посвящённых терминологии права, опирается на определённые требования, выдвигаемые по отношению к юридическому термину, который призван максимально точно и верно отразить определённое понятие и сделать его значение ясным для субъекта права, то есть читателя закона, воспринимающего закон как источник представлений о целостной системе норм и правил, необычайно важных для регулирования его собственного поведения. Основная цель этих требований – добиться минимизирования возможности двоякой или неточной трактовки конкретных юридических понятий, не допустить смешивания этих понятий в сознании индивида со значениями их омонимов, известных ему из повседневного обихода, общелитературного языка.

Чаще всего два из этих требований, несмотря на то, что оба представляются разумными и призванными служить обеспечению наибольшей степени терминологичности лексических единиц, обозначающих те или иные юридические (в нашем случае – уголовно-правовые) понятия, вступают между собой в противоречие.

Первое из этих требований – это требование «общепризнанности» термина, то есть в качестве термина предпочитается известное и уже имеющееся в язы-

ке слово, а не вновь изобретённый законодателем неологизм [Хижняк 1997; Милославская 2000]. Именно его следствием часто является приоритет исконных, незаимствованных слов в юридической терминологии.

Второе – требование однозначности термина, фиксированности его семантики, точности в представлении отражаемого понятия, чёткость семантических границ, а также – связанная с ним стилистическая неэкспрессивность, нулевая эмоциональная окрашенность. Это требование выдвигается как лингвистами [Лотко 2003; Филипец-Чермак 1985; Поштолкова 1984: 12; 1983: 66; Реформатский 1961 и др.], так и специалистами в области юридической техники [Ушаков 1991; Законодательный процесс 2000 и др.].

Ярче всего это противоречие иллюстрируется во мнении, что при языковом выражении правовых категорий законодатель должен стремиться к точности, близкой математической формуле, а доступность используемых терминов и выражений при том должна быть сродни народным пословицам и поговоркам [Ушаков 1991: 36].

Наш материал ярко иллюстрирует это противоречие, т.к. в текстах УК РФ, равно как и TrZ ČR широко используются термины, выраженные исконными, архаичными лексическими единицами, которые – как нам кажется – не могут не связываться в сознании читателя закона с общеупотребительными словами общелитературного языка. А значит – имеет место риск переноса общелитературного (обычно – более широкого) значения на термин. А также – у субъекта права может формироваться ложное впечатление о том, что закон (который призван быть одним из самых чётких и ясных в своих формулировках), разрешая использование эмоционально окрашенных, а также многозначных слов, является сам по себе областью, допускающей множество пониманий или трактовок.

Часто лексемы, используемые для обозначения тех или иных понятий в общеупотребительном языке и являющиеся вместе с этими понятиями частью «наивного» сознания, не совпадают с единицами, употребляющимися в качестве юридических терминов и отражающими юридические понятия, и поэтому ложно ориентируют читателя нормативного акта, предполагающего, что он точно понимает общеупотребительные слова, являющиеся юридическими терминами.

Д. Милославская даже предполагает, что, учитывая различную интерпретацию общеупотребительных слов, имеющих терминологические омонимы, во многих случаях было бы разумнее использовать как раз новое слово (вопреки требованию об «общеупотребительности термина»), возможно даже заимствование, чем пользоваться словами общеупотребительного языка, которые могут быть неверно, неточно интерпретированы читателем [Милославская 2000: 108].

Наш материал позволяет нам говорить о том, что такие примеры есть как в русском, так и в чешском уголовном законе. В русском языке это такие термины, как, например, *вражда*, *жестокое обращение*, *ненависть*, *особо крупный размер*, *(особая) жестокость*, *неосторожность*, *ответственность*, *злоупотребление доверием* и др.

К сожалению, именно они чаще всего либо не имеют ни нормативной, ни словарной дефиниции, либо имеют только последнюю, отличающуюся в данном случае опасной лаконичностью, граничащей с неполнотой (см., напр., дефиницию термина *злоупотребление доверием*).

Рассмотрим конкретный пример:

Термин *особая жестокость* употреблён в тексте некоторых статей Особенной части УК (ст.105, 111, 112) как одно из дополнительных обстоятельств совершения деяния. Термин *жестокое обращение* мы находим в тексте статей 110, 156, 245 и 356, где он используется и как название самостоятельного преступления (ст. 245, Жестокое обращение с животными), так и способ совершения преступления (ст. 110, Доведение до самоубийства). При этом в тексте закона не объясняется, что же понимается под этими терминологическими сочетаниями (а с нашей точки зрения, они являются именно терминологическими, поскольку представляют собой точные обозначения вполне конкретных действий и обстоятельств, а понимание этих конкретных действий и обстоятельств играет важную роль в интерпретации, понимании, а значит и в функционировании закона).

Используемые словари также не дают определений этим понятиям. В то время как общелитературное значение этих слов опирается на семантику существительного *жестокость*, производного, в свою очередь, от прилагательного *жестокий*: «1. Крайне суровый и грубый, беспощадный, бессердечный, безжалостный. 2. Очень сильный, превышающий обычную степень, размеры (о чем-н. неприятном, влекущим за собой для кого-н. дурные последствия)» [Ушаков Д., <http://ushdict.narod.ru/>, 19.01.2013].

Здесь вновь налицо дефиниция, составленная из синонимических экспрессивно окрашенных, оценочных определений. Это оправданно и понятно, если речь идёт об описании значения слова общелитературного языка, потому что именно синонимический подбор позволяет донести смысл значения до как можно большего количества пользователей, а эмоциональная составляющая в семантике этого слова действительно неотъемлема.

Однако такая субъективная оценочность без описания фактической сущности понятия не может и не должна использоваться для определения термина юридического, где субъективные трактовки могут стать причиной сложностей в правильном восприятии закона. Подобное употребление терминов не оставляет субъекту никакой другой возможности, кроме как использования имеющейся в его сознании «обыденной» (эмоциональной, субъективной, оценочной) семантики их общеязыковых омонимов. А при последовательном употреблении в тексте закона подобных лексем складывается общее восприятие нормативного акта как текста, «разрешающего» вольные и субъективные трактовки ключевых понятий.

Представляется, что такие термины требуют особо пристального внимания как юристов, так и лингвистов (лексикографов). Разработка нормативных, а также специальных словарных дефиниций подобных терминов может сыграть очень важную роль в повышении уровня правосознания российских граждан.

Существуют исследования, которые говорят о целесообразности и оправданности использования экспрессивно-выразительных средств в текстах законов, в частности – в уголовном законодательстве [Кострова 2002: 65; Макшанцева 2001: 4–6 и др.].

Действительно, формирование юридической терминологии представляет собой сложный исторический процесс, который определяется не только развитием права как отрасли, но и всей системой государственных отношений, особенностями мировоззрения данного общества, историей его взаимодействия с другими этносами и правовыми системами. Характер юридической терминологии имеет, таким образом, ярко выраженные национальные черты, раскрывающие специфику исторического развития данного общества. Тесная связь юридической терминологии с общественной жизнью делает невозможным полную «защиту» термина от оценочного компонента [Макшанцева 2001: 7].

Мы считаем, что эта точка зрения не противоречит высказанному нами выше мнению о том, что оценочность и связь с полисемичными «омонимами» из общелитературного языка не должны служить помехой для правильного и однозначного понимания закона. Скорее здесь можно говорить о возможности усиления эмоционального воздействия на читателя, субъекта права с помощью определённых выразительных средств. Однако – с нашей точки зрения – это всегда должно сопровождаться стремлением законодателя определить чёткие семантические границы используемых в качестве терминов лексических единиц. Точность лучше всего достигается нормативными дефинициями или описательными параграфами в тексте закона, ибо таким образом нейтрализуется риск «нераспознавания» слова как термина, а положительные стороны эмоционального воздействия на читателя сохраняются.

В этом отношении чешский *Trestní zákoník*, в отличие от русского Уголовного Кодекса, кажется нам более успешным примером реализации описанных выше принципов построения законодательного текста, несмотря на кажущуюся на первый взгляд архаичность, «нагруженность» и семантическую неоднозначность терминов, в нём используемых.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1975): *Избранные труды: Исследования по русской грамматике*. Москва.
- ВОПЛЕНКО, Н. Н., ДАВЫДОВА М. Л. (2001): *Правовые дефиниции в современном российском законодательстве*. In: *Вестник нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. Нижний Новгород, 2001., № 1. Электронное издание: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_11%283%29/8.pdf, 02.04.2012.
- ДАНИЛЕНКО, В. П. (1972): *Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии. Терминология и норма*. In: *О языке терминологических стандартов*. Москва. С. 5–32.
- Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии*: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Р. Ф. Васильев. Москва: Юриспруденция, 2000. С.97–111.
- КОСТРОВА, М. Б. (2002): *Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования*. In: *Журнал российского права*. 2002. №8. С. 63–73.
- ЛОТТЕ, Д. С. (1968): *Как работать с терминологией: основы и методы*. Москва: Издательство «Наука».
- МАКШАНЦЕВА, Е. А (2001): *Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина (на материале русского и английского языков)*. Автореферат на соискание ученой степени к.ф.н. Саратов.
- МИЛОСЛАВСКАЯ, Д. И. (2000): *Типовые трудности семантической интерпретации юридического*

- текста. In: *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*. Барнаул, АГУ. С.102–105.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А. А. (1961): *Что такое термин и терминология*. In: *Вопросы терминологии*. – Москва. С.51–54.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 07.08.2011) // «Собрание законодательства РФ»*. – 1996, 17.06. – № 25, ст.2954.
- УШАКОВ, А. А. (1991): *Право, язык, кибернетика. Правоведение. № 2*. 1991. С. 35–41.
- УШАКОВ, Д. Н. (2000): *Большой толковый словарь современного русского языка в 4т*. Москва. Электронное издание: <http://ushdict.narod.ru/> (19.01.2013).
- ХИЖНЯК, С. П. (1997): *Юридическая терминология: формирование и состав*. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- ШЕЛОВ, Д. С. (2003): *Термин. Терминологичность. Терминологические определения*. Санкт-Петербург.
- FILIPES, J. ČERMÁK, F. (1985): *Česká lexikologie*. Praha: Academia.
- LOTKO, E. (2003): *Slovník lingvistických termínů pro filology*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- POŠTOLKOVÁ, B. (1984): *Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny. Studie ČSAV*. Praha: Academia.
- POŠTOLKOVÁ, B., ROUDNÝ, M., TEJNOR, A. (1983): *O české terminologii*. Praha: Academia.
- Zákon č. 40/2009 Sb., Trestní zákoník České republiky, v platném znění*: <http://business.center.cz/business/pravo/zakony/trestni-zakonik/>, 04.01.2013

ОЛЕГ ВОЛОДИМИРОВИЧ ДЕМЕНЧУК

Україна, Рівне

СЕМАНТИЧНА ДЕРИВАЦІЯ ПЕРЦЕПТИВНОЇ ЛЕКСИКИ

ABSTRACT:

The article focuses on the regular polysemy of perception vocabulary, denoting the situation of discomfort sensations. The peculiarities of the Ukrainian and Polish discomfort nouns semantic potential are ascertained, as well as the dynamics of their semantic paradigm development is determined. The dynamics of the semantic paradigm is viewed in the aspect of a derivational type of situation – the motivation relation of a derivational potential of the source state of affairs and derivational implication of the target state of affairs.

KEY WORDS:

Thematic class – regular polysemy – perception vocabulary – perceptive – subject of perceptual-informational state – perceptual object – argument schema – actant – state of affairs.

Регулярна багатозначність перцептивної лексики (перцептивів) розглядалася в аспекті: регулярних семантичних зв'язків (Ю. Д. Апресян, О. В. Падучева, О. О. Тараненко), параметрів діатетичного та категоріального зсувів (Г. І. Кустова, Р. Й. Розіна), базових когнітивних стратегій прототипового сценарію фрейму (Г. А. Залізник, В. М. Телія, R. Langacker). Відповідно до зазначених аспектів виокремлювалися моделі регулярної багатозначності окремих перцептивів, розглядалася специфіка реалізації основних механізмів їх семантичної деривації, з'ясувалися основні стратегії розширення похідних значень. У перспективі побудови динамічної моделі значення, що моделюється за зразком комплексу ієрархічно упорядкованих семантичних репрезентацій різних мовних вимірів (див. [Деменчук 2011]), необхідним і доцільним є аналіз семантичної деривації окремих семантичних класів перцептивної лексики.

Мета розвідки – описати семантичну деривацію перцептивної лексики, з'ясувати особливості семантичного потенціалу та динаміку розвитку семантичної парадигми перцептивів у польській та українській мовах.

Об'єктом дослідження слугуватимуть іменники на позначення дискомфортичних відчуттів, які виникають у людини як результат: а) розладу (дисфункції) в

її внутрішніх системах (*печія, нудота, свербіж; zgaga, mdłości, nudności, swędzenie; heartburn, nausea, itch*); б) відсутності необхідних для її життєдіяльності умов (*спрага, жага, голод; pragnienie, głód, łaknienie; hunger, thirst*).

Аналіз регулярної багатозначності «дискомфортних» перцептивів проводиться із врахуванням параметрів реляційного виміру, що передбачає встановлення особливостей морфолого-синтаксичних позицій учасників відповідно до тих синтаксичних відношень, які ці учасники реалізують у межах заданої ситуацією конструкції. Доцільність аналізу семантичної деривації іменника за параметрами саме реляційного виміру зумовлена чинником широкого синтаксичного застосування іменника, оскільки “в реченні він здатен виступати практично у будь-якій синтаксичній ролі, позначаючи агента дії і щось, що піддається дії, адресата дії і його знаряддя тощо” [Кубрякова 2008: 85].

Модель прототипної ситуації дискомфорتنних перцептивів має такий набір спільних семантичних компонентів:

а) Суб'єкт відчуває дискомфорт, оскільки виникає реакція на Об'єкт розладу (*Вона відчуває нудоту*) або необхідність задовольнити Об'єкт бажання (*Він відчуває спрагу*);

б) Об'єкт може бути локалізований у певній частині тіла Суб'єкта (*печія у горлі, свербіж у носі*) або охоплювати Суб'єкта в цілому (*Мене мучить спрага*);

в) Об'єкт зумовлює у Суб'єкта відчуття дискомфорту у певний спосіб каузації (*Його палила спрага*) або вияву (*Нудота підступала до горла*);

г) Об'єкт спричинюється до змін стану Суб'єкта (*У мене у роті пересохло від спраги*);

г) Об'єкт може бути каузований (ініційований: *Сік викликав нудоту*, пролонгований: *Сік загострив печію* або нейтралізований: *Сік утамував голод та спрагу*) іншим Об'єктом.

Відповідно до моделі прототипної ситуації, «дискомфортні» перцептиви реалізують аргументні схеми трьох типів: а) субперцептивну, представлену перехідною конструкцією потерпання *X відчуває (переносить, терпить) Y* та неперехідною конструкцією (фізіологічного) потерпання *X потерпає (нездужає, страждає) від Y*; б) каузативно-субперцептивну у форматі перехідних конструкцій: способу каузації *Y каузує (палить, мучить, допікає) X*; каузації наслідку на основі смислових компонентів: ‘нейтралізація’ *Z каузує (утамовує, стримує, приглушує) Y*, ‘пролонгація’ *Z каузує (загострює, посилює) Y*, ‘ініціація’ *Z каузує (викликає, збуджує) Y* та неперехідної конструкції каузації наслідку *Z каузує (доводить до, призводить до) Y*; в) диспозитивно-субперцептивну у вигляді неперехідної конструкції перцептивного руху (охоплення) *Y наближається, підступає, підбирається до (виявляється, охоплюючи) X*.

Субперцептивна схема «дискомфортних» перцептивів може бути втілена у вигляді перехідної або неперехідної конструкції потерпання. Обидві конструкції реалізують сценарій, відповідно до якого суб'єкт перцептивно-інформаційного стану (Перцепієнт) кваліфікує відчуття як вияв фізіологічного дискомфорту, пор.: *nudność* – “charakterystyczne nie mile uczucie w dolku podsercowym i przelyku poprzedzajace wymioty”: *Chora czuje się oslabiona, miewa nudności i ucisk w dol-*

ки [SJP]. Різниця, однак, полягає в тому, що перехідна конструкція представляє ситуацію такою, що є завжди актуальною для Перцепієнта, пор.: *нудота* – “неприємне, м'яке відчуття у шлунку й горлі, після якого часто настає блювання”: *Знехотя підвелася вона, поїла і раптом відчула нудоту* [СУМ V: 452]. Власне з цієї причини конструкція не допускає виведення ролі Перцепієнта у комунікативну позицію «периферія» або «за кадром», пор.: **Нудота відчулася нею* або **Відчулася нудота*. Ситуація потерпання, яку представляє неперехідна конструкція, переважно кваліфікується як потенційний стан справ, настання якого закономірно пов'язано з виявом певної причини. Саме така функція – у вигляді базової семантичної ролі Причина – часто приписується учасникові перцептивного об'єкта неперехідної конструкції, пор.: *Там, де автонанування відсутнє, треба розробити точний графік нанування, щоб худоба не терпіла від спраги* [СУМ IX: 595]. Неперехідна конструкція може актуалізувати (представити таким, що є актуальним для Перцепієнта) ситуацію фізіологічного потерпання. Однак у цьому випадку актуальність «поширюється» не на Перцепієнта загалом, а на його окремих атрибут – частину тіла, де локалізується перцептивний об'єкт. Саме через це неперехідна конструкція допускає: розщеплення перцептивного актанта з виокремленням семантичної зони поміна *анатоміса*, пор.: *У мене голова паморочиться від голоду*.

Як можна помітити, дериваційні стратегії, відзначені варіантами конструкцій субперцептивної схеми, зводяться до зміни прагматичної перспективи, яка, залежно від інтерпретації режиму стану справ (актуальний vs. потенційний), засвідчує похідність на основі зміни комунікативного рангу учасників перцептивної ситуації. Введення у концепт ситуації учасника ‘контролер (ініціатор) каузації’ змінює перспективу дериваційної стратегії, що відповідно змінює конфігурацію аргументної схеми: субперцептивна схема набуває іпостасі схеми каузативно-субперцептивної.

Ситуація, яку кодує каузативно-субперцептивна схема, осмислюється в перспективі двох семантичних компонентів прототипної ситуації: «Об'єкт зумовлює у Суб'єкта відчуття дискомфорту у певний спосіб каузації» та «Об'єкт може бути каузований іншим Об'єктом» (див. вище). Обидва компоненти представляють каузацію дискомфортного стану таким, що зумовлений чинником певного контролера каузації. Однак, якщо у першому випадку контролером каузації є перцептивний об'єкт (*печія, нудота, голод* тощо), то у другому – це ситуативний (фоновий) об'єкт, що спричиняється до вияву перцептивного об'єкта. Коли обидва компоненти входять у перспективу того ж концепту ситуації, вони відповідно розподіляються через базові семантичні ролі Каузатора та Фонового Каузатора, пор.: *Після оселедця* (Фоновий Каузатор), *що ним снідали хлопці, мучила спрага* (Каузатор) [СУМ IX: 595]. Поза тим між зазначеними семантичними компонентами та конструкціями, що втілюють ці компоненти, є істотна різниця.

Перший компонент, втілюючись у вигляді конструкції способу каузації, акцентує увагу на способі каузації дискомфортного стану суб'єкта. Ознака ‘спосіб каузації’ є ключовою ознакою тематичного класу дієслів, внутрішня форма яких указує на те, як перцептивний об'єкт впливає на Перцепієнта і викликає

у нього дискомфортні відчуття, пор.: *Вода кругом човна ще більше дразнила його; печія й смага ще гірше пекла його в грудях, у горлі* [СУМ VI: 348–349] :: *Głód skręca kiszki, szarpie wnętrzności* [SJP]. Власне на основі смислу способу каузації каузативно-субперцептивна схема реалізує свій дериваційний потенціал, пор.: *згага – “пристрасне бажання, жадова чого-небудь; жага”*: *Дика, непереможна згага життя палить всередині, сповняє усю його істоту...* [СУМ III: 507] (*палити* – “дуже хвилювати, непокоїти, мучити (про певні відчуття, переживання і т. ін.)” [СУМ VI: 28]). Реалізуючи сценарій «каузація емоційного стану», каузативно-субперцептивна схема без перешкод «прописує» тематичне дієслово, яке так чи інакше вказує на спосіб каузації (у нашому випадку емоційного) стану справ. Такого типу перенесення здійснюється на основі денотативної аналогії за параметром зміни таксономічної характеристики учасника: ФІЗИОЛОГІЧНЕ БАЖАННЯ vs. ЕМОЦІЙНЕ БАЖАННЯ.

Другий компонент, набуваючи іпостасі перехідної або неперехідної конструкції каузації наслідку, вказує на стадію каузації або фазу каузації дискомфортного стану суб'єкта.

Стадія каузації – це фіксований момент, який засвідчує зумовленість дискомфортного стану в інтервалі певного періоду часу – «часу спостереження» (див. [Плунгян 2003: 296]), пор.: *Zapach pieluch wiszących przy garnkach doprowadził do mdłości i wymiotów* [SJP] – стадія каузації в цьому випадку може бути осмислена в перспективі двох показників: Пунктива, якщо ситуація кваліфікується як миттєва подія, або Комплетива, якщо у фокусі уваги – смисл досягнення природної межі. Така невизначеність зумовлена чинником реакцій, які Перцепієнт може виявляти щодо властивості певного стимульного подразника. Один суб'єкт може бути більш стійким до певного типу стимулу (і тоді його реакція кваліфікуватиметься як відтермінований результат), інший – менш вибагливим (і тому виявлятиме миттєву реакцію на стимул). У будь-якому випадку суб'єкт «приречений» на кінцевий результат, оскільки не в стані контролювати фізіологічний поклик.

Як і в попередньому випадку, вихідна ситуація оцінюється з перспективи інактивного суб'єкта на основі смислових компонентів довільності та неконтрольованості. Осмислення ситуації у режимі контрольованої агентивності створює передумову для реалізації похідного значення на основі смислового компонента каузації емоційного стану, пор.: *BTW dołączam się do prośby Piotra Puclika o jakieś screeny z nowego frontendu – jestem nowym userem Joggera, a już stary doprowadził mnie parę razy do mdłości* [KJP]. Контрольованість у цьому випадку кваліфікується як властивість раціонально осмислювати свої вчинки. Каузація емоційного стану лише засвідчує факт небажання Перцепієнта прикладати ментальні зусилля, щоб протистояти впливові контролера каузації, і свідчить, скоріше за все, про його суб'єктивну заангажованість (адже об'єктивно стара версія відеогри сама по собі не може спричинити вияв емоційного стану). З цієї перспективи логічним виглядає вживання дієслова в ітеративному значенні (*parę razy*), яке фіксує точку «мінімального ступеня вияву властивості суб'єкта» на шкалі регулярно повторюваної ситуації.

Якщо неперехідна конструкція описує дискомфортний стан у певному (виокремленому) часовому фрагменті спостереження і тому лише гіпотетично допускає існування інших часових інтервалів, то перехідна конструкція вводить у фокус уваги фрагмент, який реально співвіднесений з іншим фрагментом (така співвіднесеність кваліфікується в термінах фазових значень, див. [Плунгян 2003: 307]). З цієї перспективи фаза каузації як смисл перехідної конструкції каузації наслідку засвідчує факт зумовленості дискомфортного стану суб'єкта стосовно більш раннього моменту часу, пор.: *Stone śledzie wywołały pragnienie* – У момент T_1 Y (*pragnienie*) не існував; Z каузував Y , і в момент T_2 Y існує (див. [Апресян 1995: 75]).

Перехідна конструкція представляє стан справ таким, що реалізується в інтервалі довготривалого проміжку часу, який охоплює суміжні (попередній та актуальний) часові інтервали. Саме через це каузація дискомфортного стану, яку представляє перехідна конструкція, не передбачає ані миттєвого наслідку, пор.: *“Солоні оселедці (раптово, зненацька, відразу) викликали спрагу, ані відтермінованого результату, пор.: “Солоні оселедці (нарешті, під кінець, кінець кінцем) викликали спрагу.*

Основна ідея перехідної конструкції каузації наслідку – представити ситуацію як новий стан справ, що виник як результат переривання поточного стану справ. У такому ракурсі контролер каузації осмислюється як суб'єкт вторгнення, що викликає перебіг у перцептивно-інформаційних системах суб'єкта. У внутрішніх (фізіологічних) системах Перцепієнта такий перебіг, скоріше за все, є деструктивним, оскільки його наслідком є певні фізіологічні дисфункції, неприємні відчуття і, як результат, дискомфорт. В інтелектуальних системах такий перебіг, навпаки, може бути креативним, наприклад, у ситуації стимулювання ментальних зусиль Перцепієнта, пор.: *Trunek rozwiązywał mi usta, podniecał dowcip i zapomniał wywoływał obrazy* [SJP]. Саме смисли деструктивізму і креативізму визначають дериваційні стратегії цільової конструкції каузації наслідку. Реалізовані на основі імплікативних семантичних відношень, такі стратегії засвідчують залучення актанта на основі смислових компонентів: креативного, пор.: *wywoływać podziw, zachwył, entuzjazm, wzruszenie, zainteresowanie, uśmiech, dyskusję, polemikę*, або деструктивного, пор.: *wywołać skandal, zgorzienie, niezadowolienie, oburzenie, panikę, popłoch, sprzeciw, kłótnię, awanturę, bójkę, zamęt, rozruchy, rewolucję, wojnę*, перцептивного наслідку.

Диспозитивно-субперцептивна схема представляє ситуацію дискомфорту у вигляді неперехідної конструкції перцептивного руху. Конструкція описує ситуацію дискомфортного стану, виникнення якого зумовлене чинником переміщення перцептивного об'єкта у внутрішніх системах Перцепієнта. Такого типу переміщення кваліфікується як локальна експансія, що засвідчує вияв дискомфортного відчуття в певному органі або частині тіла суб'єкта перцептивно-інформаційного стану. Орган або частина тіла в цьому випадку осмислюються скоріше як потенційні вмістища дискомфорту, які можуть бути (попередньо або паралельно) задіяні в разі дисфункції іншого органа / частини тіла або загального перебою у внутрішніх системах Перцепієнта, пор.: *В плечі боліло, аж ну-*

дота підступала до горла [СУМ V: 452]. У контексті ситуації «перцептивний рух» такого типу дисфункція або перебіг кваліфікуються як феномен фонової каузації. З цієї перспективи ситуацію «перцептивного руху» можна вважати одним із симптоматичних виявів дисфункції у внутрішніх системах Перцепієнта, що формально засвідчує вбудованість конструкції перцептивного руху в місткішу конструкцію фонової каузації, пор.: *В плечі боліло, аж нудота підступала до горла, паморочилося у голові, і все тіло здригалося від лихоманки*. Підтвердженням існування такого типу ємкої конструкції доводить факт паралельної (разом із конструкцією перцептивного руху) реалізації конструкції емоційного руху, пор.: *Голод почав йому докучати і разом з голодом почала злість підступати під серце* [СУМ VI: 509]. Конструкція емоційного руху використовує той самий сценарій похідності, що й конструкція перцептивного руху. Сценарій передбачає зміну таксономічного класу учасника на основі відношення денотативної аналогії: змінюється тип рухомого об'єкта (ФІЗІОЛОГІЧНЕ ВІДЧУТТЯ vs. ЕМОЦІЙНЕ ВІДЧУТТЯ).

Розподілена в перспективі субперцептивної, каузативно-субперцептивної та диспозитивно-субперцептивної схем, семантична деривація дискомфортичних перцептивів використовує стратегії конверсивних, актантних та імплікативних дериваційних відношень. Конверсивні відношення визначають дериваційні стратегії конструкцій субперцептивної схеми. Похідність свідчить про зміну комунікативного рангу учасників перцептивної ситуації, реалізація якої зумовлена чинником інтерпретації стану справ на основі смислових компонентів 'актуальний' vs. 'потенційний'. Дериваційна стратегія в цьому випадку засвідчує діатетичний зсув, який, понижуючи комунікативний ранг учасника перцептивного об'єкта, переводить актуальну ситуацію в потенційний стан справ. Основним дериваційним типом, який використовує каузативно-субперцептивна схема, є тип актантних семантичних відношень, що регламентують введення в концепт ситуації «дискомфортний стан» додаткового учасника за смисловою ознакою 'контролер каузації'. Диспозитивно-субперцептивна схема, використовуючи стратегії імплікативних семантичних відношень, кваліфікується як похідна від субперцептивної схеми. Такого типу схема використовує імплікації субперцептивної схеми, що реалізує смисл наслідку фізіологічного потерпання. Основним типом відношення мотивованості для диспозитивно-субперцептивної схеми є відношення денотативної аналогії, яке засвідчує зміну онтологічної (таксономічної) характеристики перцептивного учасника.

Использованные источники:

СЛОВНИК УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (1970-1980): За ред. Г. К. Білодіда. Київ.
KORPUS JEZYKA POLSKIEGO, <http://korpus.pwn.pl/>

SŁOWNIK JEZYKA POLSKIEGO (1997): Pod redakcją Witolda Doroszewskiego. Warszawa.

Использованная литература:

АПРЕСЯН, Ю.Д. (1995): *Избранные труды. Лексическая семантика*. Том 1. Москва.

ДЕМЕНЧУК, О.В. (2011): Динамічні моделі семантичного опису лексики. Ін: *Мовознавство*, №1, с. 13-28.

КУБРЯКОВА, Е.С. (2008): *Части речи в ономазиологическом освещении*. Москва.

ПЛУНГЯН В.А. (2003) *Общая морфология: Введение в проблематику*. Москва.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ КАЛИНИЧЕНКО

Украина, Ровно

НАШ СОВРЕМЕНИК МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

ABSTRACT:

The process of formation and functioning of the imperial myth in Russian literature, which is based on a possibility of a dialogue with the Authority, is defined in this article.

KEY WORDS:

Lomonosov – Russian literature – ode – imperial myth – dialogue.

Название этой статьи, конечно же, сильно противоречит незаинтересованности и вялости, с которыми постсоветская гуманитаристика отозвалась на недавний трехсотлетний юбилей великого помора. Но смею настаивать: Ломоносов – наш современник. Мы существуем в грандиозном духовном пространстве мифа, который давно следует называть его именем – Ломоносовского имперского мифа русской литературы. И не только русской.

Все это нужно объяснить.

Начну с мифа. Его не следует путать с мифами о самом Ломоносове. Их хрестоматийный образец – стихи Некрасова: «...Скоро сам узнаешь в школе, / Как архангельский мужик / По своей и божьей воле / Стал разумен и велик» [Некрасов 1965–1967: 1, 249]. Написано в 1856 году, в пору расцвета российского интеллигентского народолюбия. Тут Ломоносов – всем знакомый и понятный герой культурного мифа. В советские годы этот миф не утратил своей значимости, соединившись с мифами про кухарку, способную управлять государством, и необходимость «*учиться, учиться и еще раз учиться*». Но это не очень интересно, поскольку давно устарело.

Другое дело Ломоносовский имперский миф. Он не стареет. Первым о нем сказал Пушкин в стихотворении «Отрок» (1830): «*Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря; / Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака! / Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы: / Будешь умы уловлять, будешь помощник царям*» [Пушкин 1937–1959: 3, кн. 1, 241].

О чем это? Нет ни одного достоверного факта, свидетельствующего, что Ломоносов был «*помощник царям*». Они его помощи не искали. И Пушкин это отлично знал. Но знал о Ломоносове еще и то, о чем Некрасов не хотел или не умел подумать. Четыре строки его стихотворения – это выражение самой сущности Ломоносовского мифа, который был жизненно важен и для самого Пушкина.

Воплощение этого мифа связано с излюбленным жанром Ломоносова – с одой. Оды он писал в основном к годовщинам царствования пяти российских самодержцев, при которых довелось жить и творить. Но главный, центральный объект восхваления – Петр Великий. Для него Ломоносов находил самые яркие, вдохновенные слова: «*Он Бог, он Бог твой был, Россия!*» [Ломоносов 1950–1959: 8, 109]; «*Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой*» [Ломоносов 1950–1959: 8, 699]. Был ли искренен в этом славословии? В 1761 году он представил своему покровителю И. И. Шувалову записку «О сохранении и размножении российского народа». В полном объеме она была опубликована только спустя сто двадцать лет, в 1871 году. Есть в ней и суждения о Петре Великом, о том, что пришлось претерпеть русскому народу в ходе и в результате его преобразований: «...заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!» [Ломоносов 1950–1959: 6, 396]. Адресуя этот текст фавориту Елизаветы, он, конечно же, был вынужден сдерживаться. Но сказал немало. И сказанное совершенно определенно противоречит словам «*Он Бог, он Бог твой был, Россия!*». Какой уж это «*Бог*», – это, скорее, злой гений. И чудо, что народ такое насилие над собой вытерпел, вынес: «*Российский народ гибок!*».

Получается, что, расточая хвалы Петру, Ломоносов писал не то, что втайне думал о зиждителе российских имперских основ. Кривил, выходит, душой в этих похвалах. Лыстил, намеренно и последовательно лыстил Петру – как, впрочем, и всем его преемникам. Но смею настаивать: вопрос о лести не должен нас сильно интересовать. Не с Ломоносова все началось. Еще Л.В. Пумпянский в статье «Ломоносов и немецкая школа разума» (конец 1930-х годов) вскрыл истоки этой лести в русской панегирической поэзии конца XVII и начала XVIII веков [Пумпянский 1983].

Что же оставалось Ломоносову? Оставалось воспользоваться всей своей европейской ученостью и опытом предшественников, гениально реформировать и русский стих, и литературный язык, чтобы в результате появились чеканные строки: «*Он Бог, он Бог твой был, Россия!*»; «*Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой*». И многие другие великолепные стихи, созданные рукой настоящего поэта. Но не оригинальные, не самобытные по главной мысли – просто отличные стихи.

И они не являются концентрированным выражением Ломоносовского мифа. Этот миф вообще не закреплен в материи стиха, не выражен словесно.

Найти подходящую цитату, сказав: вот здесь сосредоточена самая сущность этого мифа, – не получится. Миф не создается как текст. Миф не пишут – в нем существуют. И Ломоносов – первый, кто собственной жизнью воплотил этот миф. Вечный имперский миф русской литературы.

У него глубочайшие исторические корни. Фигура правителя, единолично воплощающего всю полноту власти, в этой стране всегда окутывалась пеленой мифов. Он – сверхъестественное существо, «*помазанник божий*», он, как написал певец уже советской эпохи, даже после смерти «*живее всех живых*». Народная мифология включала элементы непокорности, бунтарства, сопротивления «*недоброму*», «*неистинному*» царю – что и случалось неоднократно. Мифы, функционировавшие среди людей, причастных к европейской образованности, были другими, звавшими на всех поприщах истово служить Царю и Отчеству, а позже, в пору существования уже советской империи, отечеству социалистическому. Даже в пору сталинского террора имперская мифология определяла сознание политических деятелей, интеллектуалов и даровитых художников той поры. Кто решался назвать Сталина тираном? И не в одном страхе дело. В неизменной сущности и главной функции российского имперского мифа. Он примирял и примиряет человека с действительностью. Какой бы вопиюще несправедливой, даже невыносимо трагической ни была она, имперский миф всегда рядом и говорит каждому: ты страдаешь не один, великие испытания выпали на долю всего народа и государства; но пойми, что так нужно, ведь правда и справедливость существуют, они, недоступные пониманию обыкновенных людей, воплощаются деяниями того, кто находится на вершине власти. Всё будет хорошо, нужно это понять, потерпеть, напрячься, навалиться – каждому, всем миром, всей страной.

Не собираюсь настаивать на приоритете Ломоносова в формировании имперского мифа о «*добрых*» царях и премудрых генсеках. Его имперский миф говорит о другом: о возможности и необходимости вступать в диалог с властью – говорить с ней. О чем говорить? Да о самом, конечно, важном: о судьбах страны, о ее настоящем и будущем, об участии народа. И в этом приоритет Ломоносова очевиден. Но напомним то, на чем уже настаивал выше: нельзя отыскать в его одах текстуально выраженные проявления, следы этого мифа. Не получится, повторяю: миф не пишут – *мифом живут*. И даже знаменитая 17-я строфа из оды Екатерине II «*на преславное Ея восшествие на Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года*» не может рассматриваться как непосредственное воплощение этого мифа:

*«Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святыя
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.*

*Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготы,
То Бог благословит ваш дом».*

Ломоносов не рассчитывал и не мог рассчитывать, что кто-нибудь из пяти монархов, к которым он обращался, возьмет да и ответит ему. Пусть не слышат, пусть не отвечают – пусть. Свои оды он превращал в программу государственного, экономического, культурного и национального возрождения и прогресса России, всеобщего блага и процветания ее населения. Вопреки реальности собственных, нередко очень непростых отношений с властными структурами, вопреки необходимости уверять в названиях своих од: «*в изъявление истинной радости и верноподданного усердия искренняго поздравления приносится от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова*» [Ломоносов 1950–1959: 8, 772]. Вопреки всему этому он жил с надеждой быть услышанным. Не сейчас, так завтра. Не этот император или императрица – так, может быть, преемник. Это была надежда человека, жившего мифом.

Наивно? Безнадежно? По существу, именно так. И наивно, и безнадежно. Ведь никто не услышал, никто не ответил – это известно. Но судить так позволительно, если только сами мы абсолютно глухи к сущности этого мифа, если ни в чем с ним не связаны – а уж это очень сомнительно.

И если российский венценосцы так и не услышали Ломоносова, так никогда и не вступили ни словом, ни делом в диалог с ним, то российская интеллигенция этот миф приняла как свой. Как желанный, выстраданный и дающий надежду, ту единственную, что примиряет с жизнью. Без нее хоть головой в прорубь, хоть к цыганам, завить горе веревочкой или уже в советское время, – в диссиденты, в катакомбы самиздата. Словом, в стихотворении «Отрок» Пушкин все объяснил очень точно. Вся жизнь Ломоносова в этом мифе. Жизнь, прожитая с надеждой быть услышанным властью. И этой надеждой Ломоносов обольстил многих других российских художников. Пушкин и об этом написал: «*будешь умы уловлять*».

Обо всех, кто был «*уловлен*» в «*мрежи*» Ломоносовского мифа, кто связал с ним собственное существование, сказать просто невозможно. Имя им – легион. Сосредоточимся поэтому только на собратях Ломоносова по литературному цеху. Но и эта задача необъятна. Поэтому скажу о самых известных деятелях русской литературы.

Первым свое воплощение Ломоносовского мифа явил Державин. Заговорил с императрицей Екатериной. Своей знаменитой одой «Фелица» (1782) побудил ее по-настоящему прислушаться, удивиться и даже умилиться. Эта реакция предопределила все в дальнейшем его творчестве. Главной задачей стало «*истину царям с улыбкой говорить*». Истина, произносимая с улыбкой, истинна приятная, – это истина существенно девальвированная. Дело жизни для Державина стал такой вот специфический диалог с властью.

Зато Карамзин никогда не пытался выставить истину дамой, приятной во всех отношениях. Наоборот. Его беседы с Александром I, «записки» и «мемо-

рандумы», подававшиеся на высочайшее имя, были полны достоинства и смелости. «Я не боюсь ничего», – он имел право это утверждать. И главный труд его жизни – «История Государства Российского» – творение человека, сделавшего категорический императив Ломоносовского мифа основным принципом собственной жизни. Его «История» написана, конечно, для самого широкого круга читателей. Но главным своим адресатом Карамзин видел все-таки именно власть – венценосцев, монархов. А себя ощущал человеком, которому дано право вступать с ними в доверительный и конструктивный диалог: *«Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия ещё более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твёрдое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветёт Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!»* [Карамзин 1988: XIV].

И Пушкин, подобно Карамзину, всегда ощущал собственную неразрывную связь с Ломоносовским мифом. Даже в знаменитом стихотворении «Деревня», которое в советские времена перевозили как образец его революционности, есть несомненная связь с Ломоносовским мифом. Россия измучена, истерзана крепостничеством: *«Здесь тягостный ярем до гроба все влекут»*. Но освобождение крестьян мыслится как добровольный шаг высшей власти: *«Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный / И рабство, падшее по манию царя...»* [Пушкин 1937–1959: 2, кн. 1, 90–91]. Сила и право у власти, она – единственный субъект российской истории. Это и побуждало Пушкина адресовать императору Николаю I, который после разгрома декабристов твердой рукой взнуздывал Россию, такие строки: *«Семейным сходством будь же горд; / Во всем будь пращурю подобен...»* [Пушкин 1937–1959: 3, кн. 1, 40]. Как похоже на стихи Ломоносова, в которых Елизавета восхвалялась именно как дочь и преемница великого императора: *«Мы славу дочери зрим Петровой»*.

Великие властители дум русского общества – Герцен, Достоевский, Толстой – все они тоже были уловлены в сети Ломоносовского мифа. Жили этим мифом, подчиняя ему и бытие, и творчество.

«Колокол» Герцена и Огарева – набат над Россией. Но набат, который раньше других должен был услышать государь император. Это осознанная и последовательная позиция его издателей. 15 февраля 1858 года, т.е. в самом начале подготовки к освобождению крестьян, «Колокол» обращается к Александру II: *«...наш путь вперед назначен, мы идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает; ...мы убеждены, что Александр II не равнодушно примет приветствие людей, которые сильно любят Россию... Они желали бы, чтоб Александр II видел в них представителей свободной русской речи, противников всему останавливающему развитие... – но не врагов!»* [Герцен 1954–1964: 13, 197]. И уже после того, как Реформа свершилась, когда стало ясно, что мужику она дала не свободу, но новую кабалу, даже тогда «Колокол» продолжал взывать к императору.

О Достоевском много говорить не приходится. Все очевидно. Петрашевец, переживший ужас казни, каторжник, ссыльный. Автор великих романов, которые человечеству до сих пор не дают покоя. Но в конце жизни – сближение с властью, прямое общение, прямой диалог с членами царской фамилии.

Важнее сказать о Льве Толстом. Он, по выражению А. Блока, «*Солнце над Россией*» или, по словам другого его современника, «*зеркало русской революции*». Но и Толстой не устоял перед искушением Ломоносовского мифа. 1 марта 1881 года террористами был убит освободитель крестьян Александр II. И Лев Толстой обратился к его сыну Александру III, попросил простить убийц: «*Государь! Если бы вы сделали это, позвали этих людей, дали бы им денег и послали их куда-нибудь в Америку и написали бы манифест со словами сверху: “а я говорю: любите врагов своих”, не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом вашим...*» [Толстой 1978–1985: 18, 885–886]. Император не внял призыву. Толстому не пришлось стать его *собакой* и *рабом*. Но само это обещание, в искренности которого сомневаться не приходится, могло возникнуть только в духовном контексте Ломоносовского мифа. Впрочем, Толстой все-таки не мог и не хотел полностью подчиниться чужой, извне заимствованной мысли. Ломоносовский миф он перекроил под себя: не на власть нужно надеяться, не к ней обращаться. Он сам претендовал быть духовной властью. И ведь получилось! Ему внимали все, все подчинялись его духовному авторитету. Даже советская власть без Толстого не сумела обойтись.

О писателях советского времени, о конкретике их связей с Ломоносовским мифом говорить просто грустно. В их восприятии он превратился в миф однозначного служения, да еще и с привкусом страха. Все ясно настолько, что конкретные детали и приводить нет необходимости. Кто не пел о власти, кто на власть не надеялся? Даже не соглашаясь, даже противясь, либеральничая и подсвистывая, – и пели, и надеялись. Ломоносовский миф был в крови, в генах.

Но остановимся. Хватит о писателях, о властителях дум. Да и современных властителей дум как-то не наблюдается. Поэтому в заключение несколько необходимых слов о нас самих. О тех, кто составляет абсолютное большинство нашей вполне суверенной страны, уже двадцать лет как разорвавшей связи с имперским российским прошлым. Наши связи с Ломоносовским мифом – как с ними? Тоже разорваны? Не сомневайтесь: сохранились. Возникли новые нюансы, детали, деталюшки и завитки. Но главное осталось неизменным.

Кто сегодня реализует всю полноту власти? Кто определяет экономические, социальные и остальные приоритеты? Именно те, которые два десятка лет назад в той, прежней, в лету канувшей стране вели вполне успешный, результативный диалог с той, прежней, бывшей властью. Диалог, приносивший вполне осязаемые плоды, обеспечивавший и социальный статус и достаток какой-никакой. Сегодня они сами стали властью. Имеются, конечно, и представители новейшей генерации, но разница между первыми и вторыми невелика. И каковы же наши сегодняшние отношения с ними? Да таковы, что вполне соответствуют сущности мифа, с которым прожил свою жизнь Ломоносов.

Разве не верим в возможность диалога с властью, не даем наказы ее носителям, которых избираем совокупным волеизъявлением? Хотим, чтобы власть досталась именно тому, а не этому. Волнуемся, ссоримся. И главное: ведь верим, что наказы могут быть выполнены, что доверие может быть оправдано. Верим, что услышат, что сделают, как надо.

Тень Ломоносова по сей день неотступно стоит у нас за плечами. Он – наш современник. Мы существуем в духовном пространстве мифа, от которого неотделимо его имя, – Ломоносовского имперского мифа русской литературы.

Использованная литература:

ГЕРЦЕН, А.И. (1954–1964): *Собр. соч. в тридцати томах*. М.

КАРАМЗИН, Н.М. (1988): *История государства Российского. Кн. 1*. М.

ЛОМОНОСОВ, М.В. (1950–1959): *Полн. собр. соч. в десяти томах*. М.; Л.

НЕКРАСОВ, Н.А. (1965–1967): *Собр. соч. в восьми томах*. М.

ПУМПЯНСКИЙ, Л.В. (1983): Ломоносов и немецкая школа разума. In: *XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте*. Л., с. 3–44.

ПУШКИН, А.С. (1937–1959): *Полн. собр. соч. в шестнадцати томах*. М.; Л.

ТОЛСТОЙ, Л.Н. (1978–1985): *Собр. соч. в двадцати двух томах*. М.

HANA MRÁZKOVÁ

Česká republika, Olomouc

FITOMORFNÍ METAFORA V SYSTÉMU EXPRESIVNÍCH POJMENOVÁNÍ ŽENY V RUŠTINĚ

ABSTRACT:

In this article the term expressivity and individual types of expressivity are analysed. Special attention is paid to adherent and inherent expressivity of plant metaphors, which denote persons of feminine gender. Expressive words are analysed from the point of view of their meanings and motivation to their use.

KEY WORDS:

Expressivity – adherent expressivity – inherent expressivity – metaphor – plant metaphors – pejorative.

Jedním z charakteristických rysů každodenní komunikace je nenucenost, barvitost a **expresivita**. Švýcarský lingvista Ch. Bally chápal expresivitu jako pouhé vyjádření citového zaujetí mluvčího. Toto úzké pojetí bylo následně dalšími lingvisty rozšířeno o volní prvky. J. Mistrík emocionálnost považoval jen za jednu ze složek expresivity a zdůrazňoval, že „nie každá expresia je emocionálna, ale každý prejav emócie je expresívny“ [Grepl 1967: 15]. Podle J. Zimy patří do oblasti expresivity „nejen aktualizace motivované citově, ale i jiné záměrné aktualizace, např. prostředky obrazného vyjadřování (tzv. prostředky básnické), prostředky jazykové komiky apod“ [Grepl 1967: 15]. Expresivitou se kromě již zmíněného J. Zimy zabýval i M. Grepl, V. Machek, I. Němec, A. Získal aj. V ruskojazyčném prostředí tento jev zkoumali L. A. Bulachovskij, V. I. Šachovskij, F. A. Litvin, I. A. Sternin, V. N. Telija, V. K. Charčenko, S. V. Marčenko, E. P. Molostova, V. V. Chimik a další.

J. Zima rozlišuje tři druhy expresivity: inherentní, adherentní a kontextovou. **Inherentně** expresivní výrazy se vyznačují neobvyklostí formy a jejich expresivita je zřejmá i bez kontextu (např. *цеспыччо*). K **adherentní** expresivitě dochází tehdy, když „skutečnost v podstatě neutrální označujeme slovem, jehož význam má znaky nadměrnosti [...] a právě svou nadměrností působí významovou nápadnost“ [Zima 1961: 43] (např. *кyпyццa* – hloupá žena). U **kontextové** expresivity se význam slova

nemění. Tento typ je zapříčiněn „interferencí dvou různých stylistických vrstev“ [Zima 1961: 43].

V tomto článku věnujeme pozornost inherentně a adherentně expresivním pojmenováním (EP), jež vznikla metaforickým přenesením významu. V ruském jazyce patří mezi nejproduktivnější metafory ty, během nichž dochází k přenesení pojmenování ze světa fauny (зооморфная метафора) a flory (растительная/фитоморфная м.), z oblasti neživých předmětů – nástrojů (орудийная м.), pokrmů (гастрономическая м.) apod.

Jako příklad přenesení významu rostlina – žena uvádíme: *девушка-ромашка, женьшень, камелия, коряга, мимоза, незабудка, божий одуванчик, персик, роза, бесплодная смороквина, хризантема, фиалка и ягода*. Jako inherentně expresivní hodnotíme slova *женьшень* a *незабудка*, kde je nápadnost založena na hláskovém složení: *женьшень* – *женщина*; *незабудка* – *девушка, на которую не забудешь*.

Při analýze EP jsme primárně vycházeli z významů uvedených ve výkladových slovnících. Nedostatek příkladů nás však donutil hledat použití těchto expresiv i na internetu (viz. Použitá literatura). Zde jsme pak často našli další kontexty, v nichž se dané výrazy vyskytují.

Nejčastěji je u těchto EP pojmenování zmiňován **vzhled** ženy/dívky: *коряга, незабудка, персик, роза, хризантема, ягода*, přičemž *персик, роза* a *ягода* označují **krásnou**, přitažlivou ženu. V případě, kdy je žena přirovnávána k broskvi, je pozornost věnována zejména její půvabné pleti nebo „sladkému“ úsměvu (stejně jako u expresiva **ягодка**). U ženy-růže se zmiňuje především její půvab a něžnost.

- *Женщина-роза. В ней сочетается вся красота и мудрость в гармонии с Божьей природой. Ею любитесь каждый мужчина... Высокий и стройный стебель, словно женский стан. Веточки, словно поднятые руки к небу. Каждый темно-зеленый листик как маленький кусочек чудесного, свободного платья.*
- *Есть женщины прекрасные, как розы, / в них – красота и тонкий аромат, / любовь к ним – сон, мираж, виденье, грезы, / они мужчин притягивают взгляд.*

Dívčina krása je podtrhována i v jednom z významů substantiva **незабудка**. «Говорят - девушка **незабудка** - это...»

- «Красивая девушка».
- «Такую встретишь, никогда не забудешь, как прекрасный цветок на болоте».

Výraz **божий одуванчик** se vžil pro stařenku s šedivými či bílými vlasy. Dochází tedy k přenesení pojmenování na základě vnější podobnosti: bílé ochmýřené nažky – bílé vlasy staré ženy; a asociaci se stářím, kterou odkvétající rostlina vyvolává. *По узенькой улочке в частном секторе, давно забывшей, что такое асфальт, брела старушка, маленькая, седенькая, одним словом – «божий одуванчик»*.

Ošklivou ženu/dívku naopak nazývají **коряга** - «некрасивая, неизящная девушка, женщина» [БСРЖ 2000: 282]. Opodstatnění pro takové použití je třeba

hledat v základním významu slova *коряга* – «суковатый (часто погрузившийся в воду) кусок сваленного, подгнившего дерева». Slovo *хриза* se v argotu vyskytuje ve významu «высокая худощавая женщина» (пренебр.) [БСРЖ 2000: 655]. Přestože je chryzantéma krásná květina, v námi nalezeném významu slouží jako pejorativní pojmenování vysoké a hubené ženy. V tomto případě je dominantní příznak (krása a pestrost) vytěsněn a zdůrazňuje se pouze délka a tenkost stonku. Zajímavé je však srovnání feminin *хриза* a *хризантема*. Zatímco první řadíme mezi pejorativní, druhé je meliorativní: *хризантема* – «любимая девушка» (г. Таганрог) (мол. одобр.) [БСРЖ 2000: 655].

Pojmenování *коряга*, *мимоза*, *незабудка*, *божий одуванчик* a *девушка-ромашка* hodnotí ženu z pohledu jejích **povahových rysů**. Za naivní je považována *незабудка* – «наивная девушка, стремящаяся к красоте и гармонии» (шутл.) [БСРЖ 2000: 381]. Výraz *девушка-ромашка* se používá ve významu: «наивная, невинная девушка». Na internetu jsme na dotaz: «*Девушка-ромашка... Что за тип женщины? Можете описать?*» našli odpovědi, z nichž jednoznačně vyplývá, že se jedná o dobrou dívku:

- «Наивные, добрые, ласковые, спокойные, никому не желают зла, даже если их обидят. Не видят в людях зла, предпочитают видеть только хорошее. В общем, не стервы. Жаль только что розовые очки по отношению к людскому обману, ну, никак снимать не хотим. Вот такие мы девушки - цветочки».
- «*Это такая милашка-очаровашка!! Очень добрая!!! Прямо на меня похожа....хи....*»
- «*Это я! Это девушка, которая имеет полный мир романтики.... Ну, короче, романтичная, не много наивная и т.д.*»

Samotné květině bývají připisovány přívlastky: milá, půvabná, skromná. Květ heřmánku připodobňují k udiveným očím dívky a bílé okvětní lístky k jejím řasám. S touto rostlinou se můžeme setkat i v ruském folkloru a poezii. Např. «*В мае и ирис цветет, и пион, / Красуется мак в своей яркой рубашке, / Но только опять я иду на поклон / Пусть к скромной, но милой для сердца ромашке.*»

U feminin *коряга* jsou kromě vzhledu zmiňovány také negativní povahové rysy – «*тупая, глупая, недалекая девушка*». I v českém jazyce najdeme expresiva *pařez* či *poleno* ve smyslu „hloupý člověk“. V ruském jazyce se pro hloupého člověka vžilo slovo *дерево* – «*глупый, непонятливый человек, тупица, бездарность*» (уничиж. бран. разг.) [ХИМ 2004: 140]. Přenesení významu je motivováno skutečností, že dřevo není (v porovnání s kamenem) příliš spolehlivý materiál.

Expresivum *мимоза* se vyskytuje i v češtině, nikoli však pod jejím botanickým názvem, nýbrž lidovým (*citlivka*). Svě pojmenování rostlina dostala kvůli vysoké citlivosti (na sebemenší dotek reaguje sevřením a sklopením listů), což se následně odrazilo i do expresivního pojmenování – «*легко ранимый, слишком чувствительный человек (чаще о женщине)*» (шутл.) «*Такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы*» [ХИМ 2004: 324]. (Adjektivum *чувствительный* samo o sobě nelze považovat za negativní, avšak intenzifikátor *слишком* zde vyjadřuje odchylku od normy,

což je vždy hodnoceno negativně.) Na tomto případě tedy můžeme jasně vidět přenesení: vlastnost rostliny – vlastnost ženy.

Божий одуванчик nazývají stařenku, zpravidla tichou, neškodnou: «старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек (чаще о кроткой, безобидной старой женщине)» [Викисловарь]. *Меня остановила бабушка – «божий одуванчик» – и говорит мне: «Дорогая моя, ехали, попали в аварию. Глаз пострадал, рука. Нужно в деревню. Дай, пожалуйста, денег на дорогу».*

Pojmenování **бесплодная смоковница** se dnes používá převážně ve významu «человек, чья деятельность лишена смысла, не приносит результатов» (ирон.), nicméně původně tak nazývali bezdětnou ženu. Motivaci již poněkud zastaralého expresiva je třeba hledat v Bibli v Matoušově evangeliu (21, 19): „A když uviděl u cesty jeden fíkovník, šel k němu, ale nenašel na něm nic než listí. Řekl mu tedy: „Ať se z tebe navěky už neurodí ovoce!“ A ten fíkovník hned uschl.“

I slovo **камелия**, jež se vžilo ve významu «женщина легкого поведения, куртизанка, кокетка», je již považováno za zastaralé. Toto pojmenování je motivováno postavou z dramatu Alexandra Dumase ml. *Дáма с камелиями*, ženou lehkých mravů.

- **Камелия**

Женщина в прозрачном платье белом, / В туфлях на высоком каблуке, / Ты зачем своим торгуешь телом / От большого дела вдалеке?...

Další dvě pejorativní pojmenování (*женьшень*, *фисташка*) rovněž spojují příznak „pohlavní život“: *женьшень* – «женщина, как правило – любовница, сожительница, подруга» (шутл.) [МС 2003: 156]; *фисташка* – «малолетняя проститутка» (шутл.-ирон.), «несовершеннолетняя проститутка-минутчица» (угол. мол.) [БСРЖ 2000: 627]. Třebaže se měřítka v oblasti etiky poněkud změnila, v ruské společnosti stále není soužití muže a ženy bez uzavření sňatku hodnoceno kladně. Proto je i expresivum **женьшень** pokládáno za pejorativní. Femininum **фисташка** se v argotu a slangu mládeže vyskytuje jako hanlivé pojmenování pro nedospělou prostitutku. V ruském jazyce se vyskytuje spojení «метнуть фистаху» ve významu «совершить половой акт с кем-л.», což odůvodňuje motivaci tohoto EP. Řečík (lidově pistácie) je malý strom nebo keř s drobnými plody. Malé rozměry plodu a malý vzrůst stromku vyvolávají asociaci s malým vzrůstem a tudíž i nedospělostí dívky.

Z pohledu **vnější formy** patří 11 ze 14 EP mezi feminina. U pojmenování *бесплодная смоковница* o tom svědčí i shoda koncovek ženského rodu přídatného a podstatného jména. Maskuliny jsou tedy jen výrazy *женьшень*, *персик* a *божий одуванчик* (zde na mužský rod ukazuje jak nulová koncovka ve slově *одуванчик-о*, tak kongruence v koncovkách u závislého a řídicího členu). **Vnitřní forma** slov *женьшень* a *персик* se však nijak nevztahuje ani k mužskému, ani ženskému světu (stejně jako u feminin *коряга*, *мимоза*, *бесплодная смоковница*, *фисташка* či *ягодка*). Ženský komponent obsahují pojmenování *камелия*, *незабудка*, *девошка-ромашка* a *роза*, jelikož květiny jsou všeobecně pokládány za univerzální dárek pro ženu. Třebaže jsou i chryzantémy okrasné květiny, mezi femininní pojmenování jsme je nezařadili. Společnost je považuje spíše za květiny, jež se nosí na hrob, a proto se

ženám zpravidla nedávají. Jako femininní jsme označili i pojmenování *божий одуванчик*, jelikož z pampelišek (a jiných lučních květů) si dívky pletly věneček, kterým si pak zkrášlovaly svůj účes.

Klasifikovat EP z hlediska meliorativnosti/pejorativnosti není vždy snadné. Jak píše E. M. Volf v knize *Функциональная семантика оценки*, mnohým hodnotícím slovům nebo slovním spojením nelze bez znalosti kontextu připsat znaménko /+/-/ či /-/. Mnohdy dochází k tomu, že jedno EP může v různých kontextech vyjadřovat protikladná hodnocení. Jako příklad můžeme uvést již zmíněný výraz *божий одуванчик*, který se používá v hovorové řeči i ironicky. Z námi nalezených kontextů sice vyplývá, že tato stařenka vyvolává u lidí spíše soucit, nicméně vyvstává otázka, zda lze sešlému, bezbrannému člověku přiřknout znaménko /+/. Jak čeští (J. Zima, I. Němec) tak ruští lingvisté (V. V. Chimik, G. A. Kuttubajevová, V. K. Charčenko) došli k závěru, že mezi EP jsou bohatěji zastoupeny výrazy **pejorativní**.

Jedním z vysvětlení toho, proč negativní charakteristiky převládají nad pozitivními, je podle V. K. Charčenko skutečnost, že člověk přijímá dobré jako normu a ostřeji reaguje na jakékoliv narušení této normy. V. V. Chimik tento fakt vnímá jako důsledek známého sociálně-psychologického fenoménu: zlo, negativní jevy a záporná hodnocení jsou v lidském vědomí zobrazovány barvitěji a rozmanitěji než interpretace dobra a kladných hodnocení. I. Němec poznamenává, že pozitivní pocity (lásku, obdiv, sympatie, úctu apod.) můžeme svým chováním projevovat snáze a častěji než emoce negativní (nelibost, nesympatie, zášť, odpor, opovržení, vztek atd.). Jestliže se nemůžeme tak lehce odreagovat, dáváme průchod svým emocím prostřednictvím pejorativních výrazů.

Pouze EP ze sémantických okruhů obsahujících jevy, které jsou společností považovány za vyšší, bývají častěji hodnocena jako meliorativní. Taková expresivní pojmenování zpravidla spadají do oblasti pohádek a bájí (př. *фея* – «*красивая, очаровательная женщина*»; *принцесса* – «*эпитет по отношению к девушке, женщине /обычно с оттенком любви, нежности, ласки/*») nebo do okruhu náboženského (př. *ангел* – «*тот, кто является идеалом, воплощением, олицетворением чего-л. положительного*»). Rostliny sice do této kategorie nespádají, nicméně je zcela pochopitelné, že okrasné květiny nazývají ženu/dívku, která je krásná (ať již z hlediska svého vzhledu či povahových rysů). To je také odůvodněním skutečnosti, že poměr mezi námi analyzovanými EP je 1:1.

POUŽITÁ LITERATURA:

- GREPL, M. (1967): *Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi*. Brno.
 NĚMEC, I. (1972): Slovtvorný význam a expresivita. *Slovo a slovesnost*, r. 33, 1972, č. 2–3, s. 116–121.
 ZIMA, J. (1961): *Expresivita slova v současné češtině*. Praha.
 ВОЛЬФ, Е. М. (2006): *Функциональная семантика оценки*. Москва.
 МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА Т. Г. (2000): *Большой словарь русского жаргона*. СПб.
 НИКИТИНА Т. Г. (2003): *Словарь молодежного сленга*. СПб.
 ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. URL: <http://ozhegov.info>
 ХИМИК В. В. (2004): *Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики*. СПб.
Matouš, 21. kapitola. URL: <http://www.etf.cuni.cz/~rovnanim/bible/nbk/Mt21.php>
Бесплодная смоковница. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords/
Божий одуванчик. URL: <http://www.proza.ru/2009/05/15/920>
«Божий одуванчик» разводит на деньги. URL: <http://kurjer.info/2012/11/01/bozhij-oduvanchik-razvodit-na-dengi/>

Говорят-//Девушка незабудка//,это.... URL: <http://otvet.mail.ru/question/35862993>
Девушка-ромашка. URL: <http://www.cyclopedia.ru/111/196/2711183.html>
„Девушка – Ромашка“... Что это за тип женщин? Можете описать? URL: <http://otvet.mail.ru/question/16391476>
Есть женщины прекрасные, как розы! URL: <http://anna-zitta.mirtesen.ru/blog/43562369501/Est-zhenshinyi-prekrasnyie,kak-rozyi!>
Как роза женщина прекрасна И ароматна и нежна...? URL: <http://otvet.mail.ru/question/46658844/>
Камелия. URL: <http://www.ironicpoetry.ru/autors/irtenev-igor/kameliya.html>
Коряга. URL: <http://sleng.info/words/128/%EA>
Метнуть фистаху. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/>
Ромашка. URL: <http://www.aroma.su/articles.php?id=30>

ТАТЬЯНА СИНЯВСКАЯ-СУЙКОВСКА

Польша, Гданьск

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЕДИНИЦ ПЕРЕВОДА: ОТ ЯЗЫКА К ТЕКСТУ И ДИСКУРСУ

ABSTRACT:

In the article the assumption is made, that text typology for translation purposes cannot be based on the criterion of language functions yet should be drawn upon discourse functions which are determined by text categories, such as, for example, impersonality, hypothetical or non-hypothetical character of the text etc.

KEY WORDS:

Translation for special purposes – discourse analysis – text typology – language functions – discourse functions – text categories.

Свои рассуждения мы хотели бы начать с определения перевода авторства И. С. Алексеевой, которое, по нашему мнению, наиболее полно отражает тенденции в современном переводоведении: «Перевод – это деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает варианты в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности» [Алексеева 2004: 7]. Варианты перевода и вариативные ресурсы языка – это в данном случае нечто иное, как признание правомерности положений теории скопоса, согласно которой нет эквивалентности, которая бы обязывала все виды перевода. В каждом конкретном случае она зависит от его цели. Пример Кристианы Норд: диплом об окончании школы в Англии, переведенный на немецкий язык, не будет функционировать в качестве диплома об окончании школы в Германии, а будет всего лишь информировать потенциального работодателя об оценках, полученных кандидатом в своей родной стране. Таких примеров можно привести множество. При таком подходе функция текста, понимаемая как реализация намерений отправителя, также оказывается не чем-то заранее заданным, а каждый раз заново устанавливаемым (идентифицируемым) получателем [Nord 1994: 109] Соот-

ответственно в этом случае невозможно говорить о «сохранении» функции текста оригинала, а лишь о создании такого текста, получатель которого сможет опознать в нем функции, актуализованные той или иной переводческой стратегией, причем функции эти могут не быть аналогичными функциям в тексте оригинала, а лишь совместимыми со свойственными данной культуре нормами функционирования таких текстов [Nord 1994: 110].

Следующим ключевым элементом в определении И. С. Алексеевой является тип текста и, соответственно, текстоцентрический принцип в методике перевода, впервые научно обоснованный в ставшей уже классической статье К. Райс [Райс 1978]. И если сам принцип не вызывает возражений (наоборот – лишь приветствуется, см. подробнее [Алексеева 2008; Синявская-Суйковска 2011]), то понятие тип текста и базирующие на нем типологии требуют, на наш взгляд, более пристального внимания.

Тип текста является основополагающим элементом в модели перевода, на его основании выделяются единицы перевода, устанавливаются их функции и решается вопрос о соответствующих стратегиях и тактиках. Что же имеется в виду под этим понятием в современном переводоведении и каковы критерии установления функциональности единиц перевода?

Удивительно, но и К. Райс, и впоследствии К. Норд кладут в основу своих типологий, основывающихся на типах текстов, языковые функции (К. Райс вслед за К. Бюлером, К. Норд – вслед за Р. Якобсоном), ср.: «Рассмотрение попыток создания классификации типов текстов, приемлемой для решения задач перевода, приводит к неизбежному выводу, что при анализе типа текста и переводчик, и критик должны исходить из одинакового критерия. В качестве такового скорее всего способен выступать материал, из которого состоит текст: *язык*. Поскольку текст может быть создан лишь средствами языка (для математических формул перевод не нужен), при анализе необходимо исследовать, какие функции выполняет язык в данном тексте» [Райс 1978: 212]. Похожим образом о функциях текста высказывается К. Норд: «The communicative function of a text has to be considered within the framework of the transcultural, possibly universal, communicative functions of language in general which can be classified according to various models. In translator training, a model based on the concepts elaborated by the German psychologist Karl Buhler (1934) and the Czech functionalist Roman Jakobson (1960) has proved useful» [Nord 1994: 111]. Оставляя в стороне уже и тот факт, что в современной лингвистике состав и число языковых и/или речевых функций варьируется от исследователя к исследователю и несоразмерно превышает количество функций, выделенных К. Бюлером и Р. Якобсоном (о различных истолкованиях понятия «функция» и их различных классификациях см. [Киклевич 2008]), можно задаться вопросом: а правомерно ли вообще строить типологию текстов на основании языковых и/или речевых функций? Почему, говоря о переводе текстов, мы не говорим о текстовых функциях тех или иных языковых единиц и функциях текста как такового? А ведь уже давно замечено (по крайней мере, в лингвистике), что «входя в структурно-смысловое текстовое целое, главные номинативные и коммуникативные единицы систе-

мы языка слово и предложение превращаются в «текстослова» и «текстопредложения», в семантике и синтактике которых сочетаются характеристики, идущие как от системы языка, так и от «системы текста» [Гончарова 2003: 12]. Более того: «Семантика «текстослов» может значительно отличаться от семантики изолированных слов, и только в тексте, осмысляясь, слово актуализирует значение. Даже у самой нейтральной единицы, включенной в высказывание/текст, возможны семантические приращения» [Чернявская 2010: 13]. Явления, о которых речь, очевидны уже в рамках одного языка, и не только на лексическом, но и на грамматическом уровнях: в зависимости от типа текста в русском языке дифференцируется предложное управление именных предлогов: *согласно к чему* в деловой речи (*согласно к данному приказу*), *согласно чего* в юридическом и медицинском дискурсе (*согласно моей воли*) (так называемое синонимическое распределение по дискурсам). По дискурсам распределяется и возможность образования некоторых отглагольных существительных. Так, например, от глагола *пользоваться* можно образовать существительное *пользование*, но его употребление строго ограничивается рамками юридического дискурса, в котором ему приписывается совершенно определенное значение (см. статью *Пользование* на dic.academic.ru). А в технических текстах синонимом *пользования* является *эксплуатация*, и не иначе.

Более того, тексты во всем своем жанровом разнообразии, т.е. в своей конвенциональной форме, не начало, которое и влияет на выбор тех или иных грамматических и лексических форм. И если раньше можно было бы говорить в этом смысле о стиле, то на сегодняшний день, на наш взгляд, в современной лингвистике существует понятие, которое дает все необходимые инструменты для анализа текста и создания типологии текстов, и таким понятием является дискурс: «Дискурс – это «язык в языке», представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир» [Степанов 1995: 44]. Тип текста в этом смысле – это именно тип дискурса, в котором этот текст функционирует в своей стабилизированной - жанровой форме. Именно поэтому та интуитивная типология текстов, предлагаемая уже давно (см., например, [Адмони 1994; Grucza 1981]) на основании стилистической дифференциации, заключающаяся в примарном делении всех текстов на художественные и специальные (и далее - по типам дискурсов: научные, медицинские, юридические, технические и т.д.) и представляется оптимальной для переводоведения. Более того, осознание того, что текстопорождение в рамках одного дискурса происходит в рамках определенных категорий, т.е. тип дискурса накладывает на текстопорождение определенные ограничения, т.е. за дискурсом помимо всех в той или иной мере приписываемых ему характеристик, стоит не в меньшей мере (если не в основной) – грамматика (ср.: «В понимании многих зарубежных исследователей, по справедливому замечанию Ю. С. Степанова, дискурс означал просто «данность текста», т.е. сами тексты; лишь значительно позже зарубежные лингвисты осознали, что «дис-

курс» – это не только «данность текста», но и некая стоящая за этой «данностью» система, прежде всего грамматика» [Гурочкина 1999: 12]), должно привести к выделению и анализу определенных текстовых категорий. Именно они позволят дифференцировать тексты по дискурсам и – как универсальный параметр – дадут возможность выявить национальную специфику реализации каждой из таких текстовых категорий в рамках того или иного национального дискурса. Здесь, несомненно, полезными окажутся исследования отечественных ученых-стилистов, прежде всего М. Н. Кожинной, Т. В. Матвеевой, З. Я. Туряевой, Н. С. Болотновой, А. Ф. Папиной и т.д.

Беспокойство может вызывать тот факт, что на сегодняшний день не установлено окончательное количество дискурсов, вероятно, оно и не будет установлено, ср.: «По всей видимости, для каждого типа дискурса следует строить собственную его модель, и лишь при этом условии появляется возможность представить «язык в языке» как особую и лингвистическую, и социальную данность, а главное – воссоздать ментальность «возможного мира» [Кубрякова 2000: 19]. Задачей каждой частной теории перевода, таким образом, будет описание типов текстов с учетом их жанровой специфики с точки зрения их принадлежности к тому или иному дискурсу и, принимая во внимание приведенное выше определение дискурса Ю. С. Степанова о том, что за каждым дискурсом стоит грамматика, – выявление в этих текстах текстовых категорий и анализ национальной специфики их реализации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АДМОНИ, В. Г. (1994): *Система форм речевого высказывания*. СПб.
- АЛЕКСЕЕВА, И. С. (2004): *Введение в переводоведение*. Москва, Санкт-Петербург.
- АЛЕКСЕЕВА, И. С. (2008): *Современное состояние теории перевода в России (критический обзор)*. In: Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 9. Вып 1. СПб. 2008. С. 26–39.
- ГОНЧАРОВА, Е. А. (2003): *Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания*. In: Текст – Дискурс – Стиль. СПб.
- ГУРОЧКИНА, А. Г. (1999): Понятие дискурса в современном языкознании. In: Л. А. Манерко (Ed.), *Номинация и дискурс. Межвузовский сборник научных трудов*. Рязань. 1999. С. 12–15.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2008): *Притяжение языка. Том 2: Функциональная лингвистика*. Olsztyn 2008.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (2000): *О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике*. In: *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты*. М. С. 7–25.
- РАЙС, К. (1978): Классификация текстов и методы перевода. In: *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М. С. 202–225.
- СИНЯВСКАЯ-СУЙКОВСКА, Т. (2011): Проблемы перевода юридических текстов и их решение в рамках функционально-текстового подхода. In: Z. Nowożenowa (ed.), *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst*. Gdańsk. S. 245–253.
- СТЕПАНОВ, Ю. С.: Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности. In: *Язык и наука конца 20 века*. М. 1995. С. 35–73.
- ЧЕРНЯВСКАЯ, В. Е. (2010): *Интерпретация научного текста*. М.
- GRUCZA, F.: *Zagadnienia translatoryki*. In: F. Gruzca (ed.), *Glottodydaktyka a translatoryka*. Warszawa. 1981. S. 9–29.
- NORD, Ch. (1994): Text in Situations (a functional model for text analysis in translation teaching). In: *Перевод и лингвистика текста: Сборник статей*. М. С. 105–127.

ТЕТЯНА МИКОЛАЇВНА СУКАЛЕНКО

Україна, Київ

ПАСПОРТ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖУ «МОСКАЛЬ»

ABSTRACT:

The article presents the concept “linguistic-cultural type” is regarded from the angle of linguistic culturology and linguistic *personology*. The author specifies principles of systemic modeling of linguistic-cultural types and devises the model of their description. The article suggests the model of description of the linguistic-cultural type “moskal” introduced in Ukrainian artistic discourse of XIX century with due regard for its conceptual, image-bearing and value characteristics.

KEY WORDS:

Linguistic culturology – cultural concept – linguistic-cultural type – Ukrainian artistic discourse of XIX century – linguistic subject – model subject – communicative type – communicative behavior – the linguistic-cultural type “moskal” – passport of the linguistic-cultural type “moskal”.

Основою для виділення особливого виду концепту – концепту типізованої особистості – послужили досягнення лінгвоконцептології та лінгвоперсонології і становлення нового напрямку в лінгвістиці, теорії лінгвокультурних типажів [Бондаренко 2010: 74].

Вивчення лінгвокультурних типажів бере свій початок з вивчення мовної особистості. Л.О. Ставицька зауважувала, що «вивчення української мовної особистості передбачає синтетичний підхід з урахуванням психологічного, соціологічного, лінгвістичного й культурологічного підходів. Останній передбачає моделювання лінгвокультурних типажів» [Ставицька 2010].

Дослідники в галузі теорії лінгвокультурних типажів ([В.І. Карасик, 2005; 2010]; [О.О. Дмитрієва, 2005; 2007]; [В.В. Дерев'янська, 2008]; [Є.А. Єліна, 2005]; [М.В. Мироненко, 2005]; [М.В. Міщенко, 2005]; [В.М. Радван, 2005]; [О.Ю. Скачко, 2005]; [О.А. Ярмахова, 2005]; [Л.І. Макарова, 2006]; [Л.П. Селіверстова, 2007]; [Г.Ю. Коровіна, 2008]; [І.О. Мурзінова, 2009]; [Л.А. Васильєва, 2010]; [І.С. Шильнікова, 2010]; [І.В. Щеглова, 2010]; [О.О. Ярошенко, 2011] [А.В. Асадуллаєва, 2011]; [С.В. Попова, 2012], [А.О. Рощина, 2012] внесли свій вклад у розвиток мовознавства, поповнюючи його знаннями

про типи особистостей, які існують у соціумах і втілюють важливі культурно-специфічні характеристики.

Наукова новизна роботи полягає в запропонованій схемі моделювання лінгвокультурного типажу, уточненні поняття «лінгвокультурний типаж» і встановленні місця цього поняття в ряду лінгвокультурологічних понять, у виявленні найважливіших поняттєвих ознак типажу «москаль» в українському художньому дискурсі XIX століття, в описі найбільш типових образно-перцептивних та оцінних його характеристик.

Мета статті – описати поняттєві, образно-перцептивні та оцінні характеристики типажу «москаль».

Матеріалом для дослідження слугували дані лексикографічних джерел (тлумачних, синонімічних, енциклопедичних словників); результати спрямованого асоціативного експерименту; художні тексти XIX століття.

При дослідженні та описі лінгвокультурного типажу «москаль» поряд з іншими методами, нами використовувався «експериментальний метод, різновидом якого в дослідженні виступає анкетування» [Гуляева 2009: 41].

У праці з метою виявлення образно-оцінних характеристик лінгвокультурного типажу «москаль» і ставлення сучасних носіїв української лінгвокультури до зазначеного типажу нами було проведено в 2012 році анкетування інформантів. Збір інформації проводився методом письмового анкетування рідною випробовуваних мовою. Було опитано більше ніж 500 представників української лінгвокультури у віці від 18 до 21 років. В якості інформантів виступили студенти вищих навчальних закладів України. Їм було запропоновано дати відповідь на питання: *Чи існує типаж «москаль» у сучасному суспільстві? Яким ви його уявляєте? (коротко опишіть). Чи збігається цей типаж (за матеріалами української літератури XIX ст.) з сучасними уявленнями? (так чи ні, чому?)*

Лінгвокультурний типаж визначено як узагальнене уявлення про осіб, релевантне для тієї чи іншої лінгвокультури [Карасик, Дмитриєва 2005].

Услід за В.І. Карасиком, ми вважаємо лінгвокультурний типаж різновидом лінгвокультурного концепту [Карасик, Дмитриєва: 2005] і розглядаємо типаж «москаль» як концепт типізованої особистості, що володіє певними ознаками вербальної та невербальної поведінки і ціннісними характеристиками, що виявляються як на поняттєвому, так і на образно-асоціативному рівнях [Мурзінова 2010: 63-64].

Будучи різновидом концепту, лінгвокультурний типаж має поняттєву, образну й ціннісну складові. Поняттєвий компонент може бути досліджений за допомогою аналізу словникових та інших дефініцій, що дозволяють встановити конститутивні ознаки поняття [Бондаренко 2010: 74-75].

У словниках української мови слово москаль одержує таку інтерпретацію: 1) вояк, солдат: *Баба-повитуха в чистій сорочці, командувала молодицями, неначе генерал москалями* (Нечуй-Левицький, III, 1956, 109); *Нема нікого, тільки москалі на варті* (Михайло Коцюбинський, III, 1956, 350); *Не маршуй, наче москаль на м'юштрі* (Квітка); 2) росіянин [СУМ 1970: 808]:

Говорять [галичани-емігранти] *увесь час по-російськи, але з таким «акцентом», що навіть не москалям «вуха в'януть»* (Леся Українка, V, 1956, 362).

Аналогічне значення подають інші тлумачні словники, але з ремарками: застаріле, розмовне слово: *москаль* – заст. 1) вояк, солдат; 2) розм. росіянин [ВТССУМ 2005: 541], [НТСУМ 2004: 229]. Варто зауважити, що академічні словники не дають жодної маркованої помітки, що це лайливе чи образливе слово.

У словнику В.І. Даля лексема *москаль* вживається на позначення: «москвич, росіянин, солдат, військовослужбовець» [Даль 1989: 349].

У словнику Б.Д. Грінченка зафіксовано слово *москаль* у таких значеннях: 1) великорос; 2) солдат; 3) сорт льону; 4) сорт часнику; 5) комаха [Грінченко 1958: 447].

Словник-довідник В.В. Жайворонка «Знаки української етнокультури» також фіксує слово **москаль** (зменшене, також іронічне – москалик) – 1) стара назва вояка, солдата: *Пан постановив оддати Миколу в москалі* (І.С. Нечуй-Левицький); 2) стара народна назва росіянина (росіянки), згодом зневажливо-іронічна: *Не слухала Катерина Ні батька, ні нььки, Полюбила москалика, Як знало серденько* (Т.Г. Шевченко) [Жайворонок 2006: 377].

Приміром, «Етимологічний словник української мови» наводить паралелі з чеської, словацької та польської мов: *moskal* «росіянин» [ЕСУМ 1982-2004: 519].

В «Енциклопедії українознавства» знаходимо слово *москаль*: «В українській, польській та ін. слов'янських мовах прийнята для росіян також назва “москалі”» [ЕУ 1993: 2609].

Універсальний словник-енциклопедія також фіксує лексему *москаль* – «народна назва вояка армії Російської імперії у XVIII-XIX ст.; специфічна соціальна група професійних військових (набір здійснювався переважно з кріпаків жеребкуванням, служба тривала 25 років), яку піддавали активній русифікації, у побуті спілкувалися каліченою рос. мовою (по-московськи), звідки й поняття; фольклорний персонаж *москаль* часто характерник, винахідливий та спритний» [УСЕ 2006].

У поезіях Т.Г. Шевченка дослідники зафіксували 1219 вживання словоформ і похідних від «москаль» і жодного разу, як підкреслює І.Фаріон, «поет не називає північних сусідів “росіянами”» [Фаріон 2010].

Ірина Фаріон зауважує, що «етнонім “москаль” зостався промовистим похідним назви Московщина – народ підсвідомо не погоджувався з викраденням у нього назви Русь у варіанті Росія, а отже, і похідних від неї, а тому вживав органічної самоочевидної назви “москаль” і “Московщина”» [Фаріон 2010: 23].

Варто зазначити, що типаж «москаль» на поняттєвому рівні функціонує з такими значеннями: 1) вояк, солдат; 2) росіянин; 3) специфічна соціальна група професійних військових, яку піддавали активній русифікації; 4) у побуті москалі спілкувався каліченою російською мовою (по-московськи).

При описі образних характеристик лінгвокультурного типуажу «москаль» був використаний алгоритм, розроблений О.А. Дмитрієвою [Дмитрієва 2007: 41 - 42].

Типаж «москаль» слід описувати як з погляду соціально-історичних умов, так і з боку перцептивно-образних уявлень про нього, що містить зовнішність,

вік, стать, соціальне походження, місце проживання, мовні особливості, манери поведінки, види діяльності та дозвілля тощо.

Розглянемо «паспорт лінгвокультурного типажу» (термін О.А. Дмитрієвої) «москаль», куди входять найбільш важливі образно-перцептивні та оцінні характеристики.

1. **Зовнішній вигляд.** Параметричні дані можуть бути пов'язані з ціннісними характеристиками і навпаки [Дмитрієва 2007: 87].

Варто зауважити, що одяг є елементом зовнішності. Для деяких типажів одяг виступає як соціальний символ:

Не вернувся із походу

Гусарин-москаль.

Чого ж мені його шкода,

Чого його жаль?

Що на йому жупан куций,

Що гусарин чорноусий,

Що Машею звав?

(Т.Г. Шевченко, Не вернувся із походу, гусарин - москаль, с. 429).

Як відомо, жупан – давній тип слов'янського верхнього одягу. У XVII-XVIII ст. був частиною святкового чоловічого або жіночого костюма заможної козацької старшини, шляхти та міщан, а пізніше набув поширення в селянському побуті [Жупан].

Наявність жупану була ознакою заможності. О.Дмитрієва зауважувала: «При моделюванні типажу якість тканини (дорога, добротна або, навпаки, дешева), з якої зшитий одяг, є додатковою образно-перцептивною ознакою» [Дмитрієва 2007: 87]. Наприклад, жупан шили з дорогих тканин – штофу, парчі або з тонкого фабричного сукна, частіше синього або зеленого кольору...

Жупан, який з часом стали носити в парі зі свитою, закріпився у першій половині XIX ст. в костюмі заможного сільського населення Подніпров'я [Жупан]. Куций жупан – недостатньої довжини; короткий.

У 1854 році для офіцерів встановлена схожа з солдатською похідна шинель сірого кольору [Богоявленський], тобто верхній формений одяг особливого крою – із складкою на спині й хлястиком: *За плечима його теліпався ранець та торбина з сухарями; через плече висіла сіра московська шинеля, скручена, як обід. Мабуть, здалека йшов москаль, бо підбився і насилу-насилу волік свої притомлені ноги* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 32).

Також москалі носили мундир – «військовий або цивільний формений парадний одяг із золотим або срібним шиттям»: *З Хомишиної хатини вийшов Василь і пішов по улиці до церкви. На йому був московський мундир з червоним коміром, козирок з червоною стрічкою навкруги. Мідні гудзики блищали на сонці, а на грудях теліпалось дві медалі* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 37).

На нашу думку, вік також є елементом зовнішності. Для деяких типажів, як зауважує О.А. Дмитрієва, «це центральна ознака, як, наприклад, сувора регламентованість віку, в ряді інших типажів вік не має значення чи вказується

факультативно, залежно від стереотипного уявлення про певний типаж» [Дмитрієва 2007: 87].

У художній літературі XIX ст. представлена широка палітра типу «москаль»: за віком – як молоді, середнього віку, так і старі: *Трапився Марині москаль, яких багато на світі, не поганий і не гарний, вже немолодий, і не сподобався їй. Пішла Марина світ за очі, як з мосту та в воду...* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 49); *По дорозі йшов молодий москаль додому по білету* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 32).

При описі зовнішнього вигляду лінгвокультурного типу «москаль» маємо змогу вивести загальні або універсальні характеристики його зовнішності:

– *Високий і худий: Високий та тонкий стояв перед нею син* [Василь]: **чорні кучері, лице, одяга – все припало пилом** (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 33).

– *Гарний: Виходила вона проти череди і вгляділа Василя, як він сидів на окопі; загляділа вона його карі очі, чорні брови, стан тоненький, і впали їй в думку ті очі, ті брови, і випали з думки і вівиці, і корови, і череда...* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 35);

– *Сестриці, голубочки, чи йти мені за москаля?* – питала Ганна у дівчат.

– *Йди, Ганно, – раяли дівчата, – не жених – то твій талан трапляється тобі: гарний, моторний, чорнобривий, хоч москаль* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 42).

Наведені текстові фрагменти розкривають характерні риси зовнішнього вигляду москаля: високий, тонкий, кароокий, чорнобривий. Проілюструємо типові характеристики, отримані нами в результаті опитування респондентів, з метою опису зовнішнього вигляду розглянутого лінгвокультурного типу: москаль – чоловік середнього віку, високий; як худорлявий, так і товстий; гарний зовні; представницький чоловік з певною манерою поведінки.

Як бачимо, матеріал художньої літератури практично повністю підтверджує образ, закріплений у мовній свідомості українців.

2. Гендерна приналежність. На думку О.А. Дмитрієвої та Є.В. Гуляєвої, ця ознака в характеристиках типажів може варіюватися: «Один типаж належить виключно до однієї статі, інші представлені як чоловічою, так і жіночою статтю. Іноді першою на слово – визначення типу йде як реакція у вигляді вказівки певного гендеру, а далі, в процесі розгортання образно-перцептивної ситуації, вказується інший» [Дмитрієва 2007: 87].

Відомо, що українську дівчину, яка вийшла заміж за «москаля», називали «московкою»:

«Йди, дочко, – каже, – нехай тебе бог благословить! Хоч будеш московка, зате ж будеш вільна, не панщанна. (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 42); *І яких думок не передумала московка, сидячи за гребенем! Не раз вона плакала і тужила за ним, як за мертвим* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 63).

3. **Походження або визначений типажем соціальний статус.** «Цей пункт характеризує певною мірою ціннісні пріоритети типуажу» [Дмитриєва 2007: 87]:

За матеріалами українських художніх текстів XIX в., москаль – незаможний чоловік:

*Вона [Ганна] знала, що **Василь** [москаль] був бідний, знала вона, що й сама привезла од матері порожню скриню* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 44).

Пор: у мовній свідомості українців москаль асоціюється з багатством. Розглянемо ще один аспект, який дозволяє доповнити образ розглянутого типуажу – **місце проживання**.

За матеріалами українських художніх текстів XIX в., москалі проживали в селах:

«Господи! – подумав москаль. – П'ять літ вже як я вийшов з Момотів, а вже вони й більші стали, вже й церква нова, і верби понад ставками поросли такі великі... (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 32).

4. **Місце проживання, характер житла.** Наведені відомості виступають в якості артефактів для моделювання типуажу.

Нова, білесенька хатка: *В зеленій огород, в веселий садочок дивилася біла хата, як трьома очима, трьома блискучими новими вікнами, з червоними, помальованими рамами ...* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 44);

І чисто, й по-хазяйськи було в хаті: *В хаті по-хазяйськи, чисто, лавки й вікна помиті, а на вікнах стоять в кухликах квіти* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 46).

5. **Сфера діяльності** фіксує особливості комунікативної поведінки типуажу в процесі забезпечення життєвих цінностей [Дмитриєва 2007: 88].

В XVIII – XIX століття жителі східної Білорусії та України так називали солдатів і чиновників Російської імперії [Вікіпедія]. Найчастіше москалями в часи Шевченка називали всіх, хто служив у царській армії, незалежно від чину й національності [Вікіпедія].

Москалі перебували на військовій службі, про що свідчать такі приклади з текстів української літератури XIX століття: *Як же не пильнувати матері, коли вона [Хомиха Варка] шила сорочку задля сина свого Василя, котрого виглядала що божого дня, котрого вона не бачила вже п'ять років, з того часу, як його **взяли в москалі*** (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 33).

«У творах І.С. Нечуя-Левицького «в москалі» також набирали в українських селах в армію на 5 років. Звичайно, місцеве населення таких не любило. Але у них були переваги: вони і вся їхня родина були вільними, не кріпаками. Правда, в будь-який момент їх могли знову призвати в армію у зв'язку з повстаннями або військовими діями» [Вікіпедія]:

– Тільки бог зна, чи довго я хазяйнуватиму отут в своїй господі! – промовив Василь, підперши голову рукою. – Не тепер, то в четвер мене повернуть до війська, і я покину і хазяйство, і тебе, моя доле, і хто

зна, коли мене бог поверне до своєї господи! (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 47).

6. **Дозвілля** також вказує на ціннісну шкалу пріоритетів і спосіб життя типажу.

В оповіданні І.С. Нечуя-Левицького «Дві московки» москалі люблять гуляти, грати в карти, пити горілку, про що свідчить приклад з тексту: *Гуляють наші москалі, грають в карти, п'ють горілку. А мені така гулянка не в думці...* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 48).

7. **Сімейний стан** фіксує ціннісні пріоритети, оскільки сім'я виступає пріоритетом для ряду лінгвокультурних типажів, водночас інші типажі не асоціюються з цією ознакою.

Москалі були одруженими. В оповіданні І.С. Нечуя-Левицького «Дві московки» москаль дуже сильно любить свою дружину: *Не люблю я швендяти по світу, між чужими людьми, по чужих хатах. Люблю я своє село, своє хазяйство, свою хату – та тебе, моя доле* (І.С. Нечуй-Левицький, Дві московки, с. 48).

8. **«Мовні особливості»** є засобом для лінгвістичного портретування лінгвокультурного типажу; так, ряд типажів мають яскраво виражену мовну специфіку. Манера мовлення, мовна компетентність, стиль спілкування – всі ці параметри допомагають встановити релевантні ознаки лінгвокультурного типажу [Дмитрієва 2007: 87-89].

Наприклад, Тарас Шевченко писав: «... На москалів не вважайте, нехай вони собі пишуть по-своєму, а ми по-своєму. У їх народ і слово, і у нас народ і слово. А чие краще, нехай судять люди».

Як відомо, москалі в побуті спілкувалися каліченою російською мовою (помосковськи), звідки й поняття:

[Солдат]: *Ну, што и говорить! Вить вы – природные певцы. У нас по словица есть: хахлы никуда не годятся, да голос у них хорош* (І.С. Нечуй-Левицький, Москаль-чарівник); Сю штуку написав москаль по-нашому і дуже поперевертав слова (Котл.).

Пор.: Залучаючи дані анкетування, відзначимо, інформанти писали, що уявляють собі найчастіше. Москаль – росіянин, має неприязнь до українського народу; зневажає українську мову, культуру, говорить по-російськи.

За текстами української літератури XIX ст. серед образно-перцептивних ознак лінгвокультурного типажу «москаль» виділимо такі позитивні риси характеру: працьовитий, господар, здатний на справжні почуття тощо.

Пор: типаж «москаль» у свідомості носіїв української лінгвокультури має такі позитивні риси характеру: поважний, розумний, працьовитий. Типаж «москаль» в українському художньому дискурсі XIX в. асоціюється також із негативними рисами характеру: злий, жорстокий, сердитий, може підняти руку на жінку, схильний до обману, хитрий, спокушає молодих дівчат тощо.

Пор.: типажу «москаль» у мовній свідомості українців з деяким перебільшенням притаманні такі негативні риси характеру: лихий, бездушний, ледачий, хитрий, скупий, злий, нечемний, невихований, агресивний, пи-

хатий, брехливий, аморальний, жорстокий, суворий, економний, сумний, нещирий. Отже, типаж «москаль» як у російській, так і в українській мовах переважно володіє вираженою негативною конотацією. Зазвичай побутує з відтінком презирливості (зверхності), також в іронічному, жартівливому сенсі в свідомості носіїв української лінгвокультури. Матеріал художньої літератури частково підтверджує образ, закріплений у мовній свідомості українців.

ВИКОРИСТАНІ ДЖЕРЕЛА:

- БОГОЯВЛЕНСЬКИЙ, Л. *Обмундирування військове* // <http://vseslova.com.ua/word>
- БОНДАРЕНКО, Т. (2010): *Лінгвокультурний типаж «англійський дворецький»*. *Лінгвокультурные типажі: признаки, характеристики, ценности*. Волгоград: Парадигма, с. 74–90.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови* (2005): К.: Перун, 1728 с.
- Википедія – свободная енциклопедія // ru.wikipedia.org
- ГРИНЧЕНКО, Б. (1958): *Словарь української мови*. К., т. 2, с. 447.
- ГУЛЯЄВА, Е. (2009): *Лінгвокультурний типаж «американський адвокат»*. Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: 10.02.19 – «Теория языка». Волгоград, 177 с.
- ДАЛЬ, В. (1989): *Толковый словарь живого великорусского языка*, М.: Рус. яз., т.2, с. 349.
- ДМИТРИЄВА, О. (2007): *Лінгвокультурные типажі России и Франции XIX века*. Волгоград. *Етимологічний словник української мови* (1982–2004): К., т. 3, с. 519.
- Енциклопедія українознавства* (1993): Львів, Т.7, с. 2609.
- ЖАЙВОРОНОК, В. (2006): *Знаки української етнокультури*. К.: Довіра, с. 377.
- Жупан* // <http://traditions.org.ua/odiah/1483-zhupan>
- КАРАСИК, В. И., Дмитриева, О.А.: *Лінгвокультурний типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажі: сб. науч. тр.* Волгоград: Парадигма, с. 5–25.
- Лінгвокультурные типажі: признаки, характеристики, ценности* (2010): Волгоград: Парадигма, 228 с.
- МУРЗИНОВА, И. (2010): *Лінгвокультурний типаж «британская королева»*. *Лінгвокультурные типажі: признаки, характеристики, ценности*. Волгоград: Парадигма, с. 62–74.
- Новий тлумачний словник української мови* (2004): К. т. 2, с. 229.
- Словник української мови: у 11т.* (1970–1980): К.: Наук. думка, т. 4, с. 808.
- СТАВИЦЬКА Л.О.: *Соціолінгвістика: про мову «тут» і «тепер»*. *Слово Просвіти*. – 7 квітня 2010 року. <http://slovoprosvity.org/2010/04/07/> [7 квітня 2010 року].
- Універсальний словник-енциклопедія* (2006): К. http://hohlopedia.org.ua/use_universalnyy_slovnyk_entsyklopediya/page/moskal.13372
- ФАРІОН І.: *Тлумачення слова москаль*. http://www.traducionalist.info/blog/movoznavec_irina_farion_tlumachennja_slova_moskal/2010-01-16-578

ГАЛИНА МИРОСЛАВІВНА СЮТА

Україна, Київ

ДОСЛІДЖЕННЯ МОВИ ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ В УКРАЇНІСТИЦІ

ABSTRACT:

The most essential (for the Ukrainian linguostylistics) paradigms of investigation of belles-lettres style. Factors of formation of scientific interest to some specific objects of analysis are indicated. Changeability and // or unchangeability of methods of investigation, which are applied to systemic and occasional linguopoetic phenomena, is depicted. Emphasis is placed on the postulate that methodology of investigation of any phenomenon of poetic language should encourage searching for relevant notions as well as distinguishing objects of research and applicable methods.

KEY WORDS:

Linguostylistics – belles-lettres style – poetic language – idiostyle – methodology of investigation – object of investigation – scientific paradigm.

З історичного погляду художній стиль є основою становлення літературної мови, тому з'ясування визначальних для його динаміки внутрішньо-структурних і зовнішньо-лінгвальних процесів, констатація змінюваності / стабільності емоційно-експресивного змісту виразових засобів мови художньої літератури (далі – МХЛ) – важливе завдання стилістики та історії літературної мови.

Традиційно МХЛ є об'єктом вивчення *лінгвостилістики*, у річищі якої розглядається як функціональний різновид літературної мови із власними законами внутрішнього розвитку, тенденціями до збереження / оновлення традиційних засобів, словника, акцентування індивідуально-авторського складника, актуалізації специфічних граматико-стилістичних явищ тощо (О. Курилович, С. Єрмоленко, В. Русанівський, А. Мойсієнко, Л. Ставицька, Л. Пустовіт, Г. Вокальчук, Н. Гуйванюк). Вивчення цих аспектів пов'язане з певною методологією, конкретним лінгвістичним інструментом стратифікації та опису поетичного матеріалу. Це зумовлює наступність і / або співіснування наукових дослідницьких парадигм, зміна яких скоординована з розвитком поетичної мови і лінгвістичної свідомості.

Узагальнення напрацьованого в україністиці досвіду дає підстави вичленувати два основні напрями, в контексті яких МХЛ постає об'єктом розгляду:

- лінгвопоетики («передбачає виявлення традиційної та індивідуально-авторської образності, що міститься у лексико-семантичній сполучуваності, текстових зв'язках мовних елементів» [Українська 2007, 813];
- історії української літературної мови (пор.: «поглиблене вивчення історії української літературної мови має спиратися також на нові дані лінгвостилістичних досліджень мови творів як старої, так і нової української літератури» [Бевзенко 1991: 205]).

Цілеспрямоване осмислення сутнісних ознак МХЛ розпочалося у 1920–1930-ті роки, коли увагу дослідників «привертають лексико-семантичні процеси [...], характерні явища індивідуального словотворення, динамічні процеси в синтаксисі, пов'язані з актуалізацією усно-розмовних структур, типові наскрізні мотиви (або ключові слова) в індивідуальних стилях, процеси символізації слів-понять, набуття ними функцій мовних знаків національної культури» [Українська 2007: 463]. Для цього періоду знакові праці про мову творів Г. Сковороди (П. Бузук, О. Синявський, Д. Багалій), Т. Шевченка (О. Синявський, М. Сулима, Г. Левченко, В. Ільїн, Л. Булаховський), І. Котляревського (О. Синявський), *Лесі Українки* (М. Сулима).

Згодом (к. 1940–1950-ті рр.) науковий інтерес змістився у площину визначення рис індивідуальної мовотворчості, вивчення металогічних засобів МХЛ (Л. Булаховський, В. Ващенко, П. Плющ, Т. Комаринець, К. Дорошенко, І. Журба, Т. Зайцева, І. Губаржевський, Ю. Івакін, Б. Кобилянський). Пріоритетним джерелом залишається мова творів Т. Шевченка. На цьому тлі помітно вирізнялися розвідки Ю. Шевельова про мову сучасної поезії (зокрема – П. Тичини), про співвідношення у ній традиції і новаторства тощо. Дослідники оперували поняттями *словник мови, мовні засоби інтимізації, народність, народнопоетичні джерела, народнопоетична традиція, книжні елементи, лексика, фразеологія, старослов'янізм, образ, епітет*.

Корелюючи свої наукові запити й методику з тенденціями світового й слов'янського мовознавства, українська лінгвостилістика 1960–1970-х років розвивалася під знаком статистичних методів визначення диференційних ознак функціональних стилів, що позначилося й на теорії та практиці дослідження МХЛ у її загальнодискурсивному та індивідуально-авторському вимірах. Структуралістські й статистичні підходи до опису різнорівневих явищ художнього стилю (фонетичних, словотвірних, лексико-фразеологічних, синтаксичних) застосовували В. Ващенко, І. Білодід, С. Ермоленко, Л. Полюга, М. Плющ, З. Франко. І хоч у системі домінантних сьогодні наукових координат антропоцентризму ці методи недієві, заперечувати їх актуальність на тому історичному етапі розвитку мовознавства було б некоректно.

Із середини 1980-х рр. починається новий період вивчення МХЛ. Праці цього періоду зорієнтовані на вивчення естетики художнього слова, засобів експлікації концептуальної, мовної, художньої та індивідуальної картини

світу (С. Єрмоленко, М. Коцюбинська, Л. Лисиченко, Л. Мацько, А. Мойсієнко, Л. Пустовіт, Л. Ставицька, Г. Вокальчук, В. Калашник, О. Маленко, Г. Сюта, С. Бибик, Л. Кравець та ін.). Метамова цього періоду, спираючись на традиційні поняття, збагачується термінами, пов'язаними з розвитком новітніх дослідницьких парадигм та відповідного їм інструментарію для аналізу явищ художньої мови. У цей час одним із найбільш актуальних і плідних став *метод функціонально-семантичного аналізу*. Він детермінував формування мікросистеми термінів, які описують специфічні зв'язки всередині згрупованих за певними параметрами системних об'єднань лексики й кваліфікують відношення між компонентами цих об'єднань: *образна парадигма, лексико-тематична група, асоціативно-семантичне поле, асоціативно-семантична група, ім'я поля, ядерна зона (лексика), навколоядерна зона (лексика), периферійна зона (лексика)*. Саме ж поняття *лексико-семантичне поле* визначає методику опрацювання фрагмента художнього дискурсу, авторського ідіолекту чи конкретного тексту з виокремленням ідеографічних смислово містких і стилістично маркованих ключових компонентів, з урахуванням валентності ядерного слова й синонімічних із ним одиниць поетичного тексту. З цього погляду дослідники осмислюють найбільш показові для МХЛ лексико-семантичні процеси, зокрема явища метафоризації (С. Єрмоленко, Л. Пустовіт), семантичні відношення у рамках певних лексичних груп (О. Маленко, Л. Мялковська, О. Задорожна, В. Красавіна, Л. Прокопович), вплив сполучуваності на семантику й оцінність слова (С. Єрмоленко, Н. Сологуб, Л. Пустовіт, Л. Тиха). Показові також поняття, визначені як ім'я поля, змодельованого в тому чи тому фрагменті національної словесності. Крім універсальних понять (*час, простір, людина, природа, мова, народ, земля*), об'єктом аналізу слугували системні зв'язки номінацій емоцій та станів (*любов, щастя, біль*), абстракти (*правда, віра, душа, пам'ять*).

Лінгвокогнітивний підхід до інтерпретації МХЛ визначив актуальність понять *концепт, концептуальна картина світу, концептосфера, метафоричний сценарій, фрейм, слот, донорська / реципієнтна метафорична зона* (О. Селіванова, Г. Яворська, В. Іващенко, К. Голобородько, Л. Кравець).

Новаторські тези теорії текстології актуалізувалися у 1990-х роках у зв'язку з превалюванням у літературно-творчій практиці цього періоду постмодерністської течії. Постулат *діалогічності* й пов'язане з ним положення *інтертекстуальності* («немає тексту крім інтертексту») стали засадничими для аналізу мовних систем поезії та прози кінця ХХ – початку ХХІ ст. (О. Переломова, О. Маленко, Г. Сюта, І. Дегтярьова). У відповідній інтерпретаційній парадигмі нового змісту набули терміни *цитація, ремінісценція, алюзія*, що корелюють із категоріями культурної пам'яті, культурного досвіду, з ідентифікацією свого й чужого слова // висловлення у тексті, їх «вписуванням» у вертикальний контекст національної та світової культури.

Новий напрямок вивчення МХЛ репрезентує *стилістика декодування* (або *стилістика сприйняття*), спрямована на виявлення динамічності текстових

структур з урахуванням позатекстового досвіду реципієнта. Відповідну методику застосовує А. Мойсієнко для інтерпретації поезій Т. Шевченка [Мойсієнко 1997].

Актуальні для аналізу МХЛ такі її категорійні ознаки, як *естетичність* та *експресивність*.

Стабільність наукового інтересу до питань *естетичності* МХЛ мотивована, зокрема, однією з визначальних функцій художнього стилю як функціонального різновиду літературної мови – естетично впливати на свідомість соціуму. На тлі численних традиційних трактувань естетичних значень, актуалізованих в образних структурах тропеїчного і нетропеїчного характеру, нове розуміння естетики слова виявляє обґрунтоване в працях С. Єрмоленко поняття *мовно-естетичний знак національної культури* [Єрмоленко 1999: 358]. Такий знак є упізнаваним, відтворюваним, здатним до трансформації із збереженням семантико-асоціативного стрижня, а його декодування потребує від реципієнта певного культурно-лінгвального досвіду. Методологічну цінність цього аспекту визначає перспектива вивчення історії літературної мови через дослідження проблеми «мова і культура» (пор. також праці В. Жайворонка, В. Кононенка, Л. Мацько, О. Комара та ін.).

Найбільш продуктивний період осмислення *експресивності* як параметра семантичної й оцінної деривації одиниць у МХЛ, обґрунтування її конкретизувальних термінів (*експресема*, *експресемоїд*, *експресивне значення*, *експресивний відтінок*) припадає в українській лінгвостилістиці на 1960–1980-ті роки (І. Грицютенко, В. Чабаненко, Н. Іваницька, С. Єрмоленко). Зокрема, поняття *експресивні засоби мови* означає мовні засоби, що виступають «інтенсифікаторами виразності, чинниками, здатними збільшувати виразність лінгвального знака (морфеми, способи творення слів, стилістичні прийоми і т. ін.)» [Чабаненко 1984: 15]. Водночас слово, імплементоване у мовно-виражальну систему художнього тексту, набуває ознак *експресеми*, оскільки реалізує потенціал його функціонування в індивідуальних контекстах, що в сукупності становлять культурно-історичну парадигму (І. Грицютенко). Сьогодні поняття *експресія*, *експресивність* категоризовані як терміни в енциклопедії «Українська мова».

Крім обґрунтування й простеження категорійних ознак МХЛ, результативними методиками її опису виявилися також *рівнево-структурний аналіз* та *вивчення системотворчих параметрів ідіостилів*.

Рівнево-структурний аналіз МХЛ співвідноситься зі з'ясуванням виражального, експресивно-стилістичного значення одиниць різних мовних рівнів. Відповідно до цього констатуємо актуальність досліджень із *фоностилістики*, *словотвірної стилістики*, *лексичної стилістики*, *граматичної стилістики*.

Фоностилістика «вивчає звукову будову мови з погляду можливостей створення додаткових стилістичних ефектів, зокрема алітерацій, асонансів, звуконаслідування, варіантів ритмомелодики і под. у художньому стилі» [Українська 2007: 673]. В останні десятиліття ХХ ст. активізуються студії *звукоасоціативної природи мови* (А. Критенко, І. Качуровський, Г. Сюта, Н. Дащенко), які доводять, що у другій половині ХХ ст. однією з визначальних

характеристик МХЛ у її жанровому поетичному різновиді стає *паронімічна атракція*. Звук у лінгвокреативній свідомості поетів спрямований і на естетичний план (асонанс, алітерація), і на змістовий, коли співзвучність детермінує контекстне зближення неспоріднених в узусі лексем, встановлення ситуативних смислових (синонімічних, антонімічних) відношень.

Суб'єктивний струмінь МХЛ визначає добір індивідуально маркованих експлікаторів оцінної семантики, зокрема й словотвірного рівня. Відповідні процеси – предмет вивчення в межах *стилістики словотвору*, яка в українському мовознавстві започаткована у працях 30-х років ХХ ст. Зокрема Б. Томашевський стверджував, що основна причина оказіонального словотворення – це намагання авторів максимально використати виразові потенції слова.

Характерно, що інтерес до явищ поетичного словотвору – нерівномірний, історично змінний. Якщо у 1960-х роках увагу зосереджували на словотвірних типах самостійних частин мови в ідіостилях письменників (Г. Вакула), на стилістичній функції композитів (Л. Лисиченко), то сьогодні акценти помітно зміщені на змістовий та експресивно-оцінний потенціал авторських неолексем, їхню відповідність системі мови (Г. Вокальчук, А. Калетник, О. Рудь, В. Герман, Н. Гаврилюк, Н. Адах).

Найбільш значний корпус досліджень МХЛ виконаний у ракурсі *лексичної стилістики*. Ці праці висвітлюють мову поезії, прози (рідше – драматургії) з погляду специфіки «використання різних семантичних груп лексики, виявлення стилістичного потенціалу слова залежно від його місця у синонімічно-антонімічних відношеннях, від текстового вживання, співвідношення з експресивними стилями (книжна, розмовна, нейтральна лексика)» [Українська 2007: 673]. Знакові вектори репрезентації словника МХЛ сформували студії, в який здійснено системний опис:

- *фольклоризмів*, усталена практика використання яких має розвиток в авторських ідіостилях (С. Єрмоленко, Н. Данилюк, Л. Пустовіт, Г. Сюта, О. Маленко, Л. Козловська), засвідчуючи єдність традиційного і новаторського у МХЛ.
- *власних назв* – «від загальновідомих, давно усталених символів (імена міфологічних героїв, біблійні назви) до антропонімів, топонімів, значущих для самих поетів (імена їх родичів, знайомих; назви населених пунктів та ін.)» [Пустовіт 1999]. Теоретичні засади онімізації художнього тексту з'ясовано у працях Ю. Карпенка, Л. Белея;
- *агіонімів* та *сакральних понять* – лексеми із тематичної групи назв Бога, Божої Матері, біблійних персонажів, церковних свят, які активно представлені в ідіостилях українських письменників – від Т. Шевченка (Н. Бойко, С. Іванова) до сучасних авторів (М. Коцюбинська, Л. Дмитришин, Н. Грицик, О. Бірюкова);
- *іншостильових елементів* (суспільно-політичної лексики, науково-технічних термінів тощо) у мовотворчості шістдесятників – І. Драча, М. Вінграновського, Л. Костенко (Л. Пустовіт, Т. Ковалевська, О. Маленко, Л. Гливінська, Л. Тиха).

- жаргонної, сленгової, просторічної лексики в ідіосистемах представників авангардної та постмодерної літератури як типових зразків «естетизації низького» (Л. Ставицька, І. Олійник, Т. Єщенко, Т. Берест, І. Дегтярьова).

У 70–80-х роках ХХ ст. на основі праць Л. Кадомцевої, С. Єрмоленко, З. Сікорської та ін. оформився вектор *граматичної стилістики* (відповідний термін став синтезувальним для понять *стилістичні засоби морфології та синтаксису*). Її основний ракурс в аспекті аналізу МХЛ – *експресивний синтаксис* – відбиває зосередження дослідницьких інтересів на незвичних конструкціях, що перебувають на периферії синтаксичної системи літературної мови (напр., парцельовані речення, приєднувальні конструкції, риторичні питання), однак в умовах художнього тексту набувають нового, *експресивно-стилістичного* звучання (А. Загнітко, Н. Гуйванюк, О. Кондратенко, Н. Грипас, Н. Дзюбак, Н. Цівун, О. Галайбіда). Пріоритетними об'єктами аналізу, крім мови класиків української літератури, постають ідіостилі Б. Антоненка-Давидовича, М. Рильського, Л. Костенко, письменників-постмодерністів.

Давню традицію в українському мовознавстві має вивчення *авторських ідіостилів*: із здійснюваного у першій третині ХХ ст. осмислення сутнісних ознак мовотворчості Т. Шевченка, І. Котляревського, Г. Сковороди, власне, розпочалося становлення української *стилістики*. Названі мовні постаті – знакові з погляду стабільності утримання до них наукового інтересу, засвідчуваного у різні періоди розвитку лінгвостилістики та в проекції на різні лінгвістичні парадигми. Водночас, за спостереженням С. Бевзенка, до 1960-х рр тільки епізодичними об'єктами розгляду слугувала мова творів Г. Квітки-Основ'яненка (З. Веселовська), А. Свидницького (М. Хращевський), М. Коцюбинського (М. Ладухін, О. Гончар), Лесі Українки (М. Сулима), Остапа Вишні (М. Осипів), А. Головка (О. Матвієнко), О. Корнійчука (Н. Каганович), І. Микитенка (В. Масальський), І. Ле (І. Кириченко), М. Рильського (Г. Майфет) [Бевзенко 1991: 207]. Із кінця 50–60-х років ХХ ст. дослідження індивідуальної мовотворчості набуває системного характеру.

Сьогодні стилістичні параметри *індивідуальної творчості* висвітлено у численних працях різних наукових жанрів і форматів – у статтях, монографіях, дисертаціях (С. Єрмоленко, В. Русанівський, Л. Пустовіт, Л. Ставицька, В. Калашник, Ю. Голобородько, С. Бирик, О. Тищенко, Л. Зіневич, Л. М'ялковська та ін.). Окрім традиційного вивчення особливостей лексики, фразеології, синтаксису, образних засобів, у них апробовано методіку репрезентації певного етапу розвитку художнього стилю і – відповідно – літературної мови крізь призму сутнісних ознак мовотворчості письменників цього періоду [Русанівський 2001; Єрмоленко 1999; Муромцева 2008].

Із 1990-х рр. одним із пріоритетних об'єктів лінгвостилістичного розгляду стає мовотворчість авторів діаспори. Дослідники простежують еволюцію словника, семантико-стилістичну актуалізацію різнорівневих явищ у поезії та прозі авторів Празької школи (О. Семенець, Л. Дмитришин), Нью-Йоркської групи (В. Русанівський, А. Мойсієнко, Г. Сюта, Л. Залеська-Онишкевич, Н. Грицик,

О. Бірюкова), у мовостилі Яра Славутича (Н. Сологуб, Л. Селіверстова). Загалом ці студії забезпечують достатньо вичерпний опис диференційних ознак діаспорного сегменту національного художнього стилю, а також визначають ті аспекти, які проєктуються на структуру літературної мови, на динаміку стильових норм, вписують діаспорну словесність в український лінгвокультурний універсум.

Здійснений огляд підтверджує значущість МХЛ як об'єкта лінгвостилістичного аналізу, засвідчує стабільність наукового інтересу до явищ та одиниць художнього стилю у різних його жанрових різновидах (поезія, проза, драматургія). Водночас така постійність пов'язана з пошуком релевантних понять щодо інтерпретації пріоритетних для того чи того періоду мікрооб'єктів дослідження, випрацювання адекватних методик, які засвідчують динаміку лінгвістичної свідомості, що виявляється в оновленні наукових дослідницьких парадигм, зміни акцентів у висвітленні того чи того явища художнього дискурсу.

ЛІТЕРАТУРА:

- БЕВЗЕНКО, С. (1991): *Історія українського мовознавства. Історія вивчення української мови*. Київ. s. 206–211.
- ЕРМОЛЕНКО, С. (1999): *Нариси з української словесності (Стилістика та культура мови)*. – Київ.
- МОЙСІЄНКО, А. (1997): *Слово в аперцепційній системі поетичного тексту. Декодування Шевченкового вірша*. Київ.
- МУРОМЦЕВА, О. (2008): *З історії української літературної мови: Вибрані праці*. Харків.
- ПУСТОВИТ, Л. (1999): Мова художньої прози 40–50-х років // In: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Українська мова*. Opole. s. 134–145.
- РУСАНІВСЬКИЙ, В. (2001): *Історія української літературної мови*. Київ.
- СТАВИЦЬКА, Л. (2000): *Естетика слова в українській поезії 10–30-х років ХХ ст.* Київ.
- УКРАЇНСЬКА (2007): *Українська мова: Енциклопедія*. Київ.
- ЧАБАНЕНКО, В. (1984): *Основи мовної експресії*. – Київ.

ЭЛЬЖБЕТА ТЫШКОВСКА-КАСПШАК

Польша, Вроцлав

КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

ABSTRACT:

In Daniil Kharms's writings there can be observed a significant convergence with Henri Bergson's philosophical system. The concept of time found in the Russian vanguard artist's works seems to be similar to that of Bergson. Kharms perceives time as a category of reality unknowable to the human mind. Time is bilinear: objective – as a category of physics, and subjective – as the time of human existence.

KEY WORDS:

Daniil Kharms – Henri Bergson – Russian avant-garde – Philosophy of life – Time.

В начале XX века в искусстве, особенно авангардистском, время становится ведущим принципом творчества [Иванов 1974: 45–46]. Рефлексию обэриутов о времени можно свести к замечанию Введенского: «Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном его понимании. Наша логика и наш язык скользят по поверхности времени» [Введенский 1993: 79]. Обэриуты чувствовали связь между временем и языком и считали, что концепция непрерывного прямолинейного времени заложена в самом языке. Пользуясь языком, словом человек заключает любое движение в границы начала и конца, прошлого и будущего. Таким образом язык становится средством защиты от мира. Разделяя время на части и называя их, человек старается сохранить собственную личность, определяя ее существование во времени. Постоянное деление мира на отдельные составляющие, содержащие еще более мелкие части, напоминает бесконечную западную настоящего времени.

Даниил Хармс в своем творчестве представил особую концепцию времени, которая выражена не только в идейном плане, но и в поэтике его произведений. Эта концепция во многом совпадает с представлением времени в философии Анри Бергсона, одного из крупнейших философов XX века, представителя интуитивизма и философии жизни. В начале XX века идеи Бергсона стали

близки многим интеллектуалам, и не только атеистам, а также католическим интеллигентам. В России работам Бергсона не пришлось долго ждать своего издания: в 1909–1914 гг. были опубликованы в русском переводе почти все сочинения Бергсона – в 1911 году в Санкт-Петербурге вышла книга *Исследования об отношении тела к духу*, в 1913 – *Смех в жизни и на сцене*, а в 1914 было издано *Собрание сочинений в 5 томах*, которое содержало самые важные труды философа – *Творческая эволюция* составила первый том, а *Материя и память* – третий [Нэтеркотт 2008: 307–309].

Философией Анри Бергсона увлекался Александр Туфанов. В 1918 году он публикует статью *О жизни поэзии*, в которой, находясь под сильным влиянием Бергсона и, в особенности, под влиянием его книги *Творческая эволюция*, развивает мысли, ставшие определяющими в его будущей поэтике. В частности, встречается мысль о том, что жизнь есть нечто непрерывное, тогда как разум способен понять лишь то, что определено и лимитировано временем. Эта философская концепция пришла к Туфанову от французского философа. Мысль о том, что мир – в вечном движении, находится в основе теории писателя о зауми: только поэзия способна охватить то, что недоступно разуму. Именно тогда поэт начинает говорить о текучести как о поэтическом принципе, который имел влияние и на Даниила Хармса [Жаккар 1995: 33]. Позже, определяя основы заумного языка, Туфанов указывает на идеи Бергсона в контексте понимания пространства и времени:

«Расширение восприятия времени и пространства (Бергсон и Эйнштейн). Время – качественное множество» [Туфанов 1982: 581].

В творчестве Даниила Хармса можно обнаружить много сходств с философией Бергсона, особенно с его теорией познания, памяти, идеей сознания и творчества, а также концепцией времени. Хармс принял некоторые идеи Бергсона не только посредством теории своего мэтра. Можно предполагать, что он читал главные работы французского философа¹. В дневниковой записи от середины 1925 года отметил, что в Библиотеке новых книг² находятся труды Бергсона *Введение в метафизику*, *Психофизический параллелизм и позитивная метафизика*, *Смех*, *Вопросы философии и психологии*, *Время и свобода воли*, *Длительность и одновременность*, *Материя и память*. *Исследования об отношении тела к духу*, *Непосредственные данные сознания*, *Творческая эволюция*, *Смех в жизни и на сцене* [Хармс 1991].

Через Туфанова Хармс позаимствовал у Бергсона в основном понятие «текучесть», которое для основателя «Левого фланга» первоначально обозначало, что жизнь непрерывная, подвижная и бесконечная. Позже Туфанов связывает «текучесть» с понятием зауми и призывает отказаться от обычных слов,

¹ О. Карпакова указывает на связь творчества обэриутов и философии Николая Лосского [Карпакова]. Вполне возможно, что некоторые идеи Бергсона Хармс принял через Лосского, мысль которого во время становления обэриутов была необыкновенно популярной. На сходства философии Лосского и Бергсона указывает Френсис Нэтеркотт [Нэтеркотт 2008].

² Библиотека открыта Антониной Яковлевной Головиной в 1925 г. в Петербурге на пр. 25 Октября д. 40/42.

которые по его мнению не выражают реальность, а уродуют ее. Он считает, что только полный отказ от реализма дает возможность проникнуть в тайну жизни: «[...] новый художник создаст красоту природы в восприятии, даст эстетическое ощущение самой жизни, схватит самую сущность бытия и, путем непосредственного постижения, урвет у жизни ее животрепещущую тайну» [Туфанов 1991: 125]. Эта идея стала близка Хармсу и нашла свое выражение в лозунгах группировки ОБЭРИУ: «Может быть вы будете утверждать, что наши сюжеты «нереальны» и «нелогичны»? А кто сказал, что житейская логика обязательна для искусства? [...] У искусства своя логика и она не разрушает предмет, но помогает его познать» [ОБЭРИУ 1982: 584]. Хотя обэриуты резко отрицали заумь, но они принимали нереалистический метод как лучший способ выражения реальности. Понятие текучести стало одной из основных черт творчества Хармса, выражая темпоральные свойства реальности, протекание из прошлого в будущее.

С проблемой времени связана и проблема настоящего. В работе *Материя и память* Бергсон рассуждал:

«Что такое для меня настоящий момент? Времени свойственна текучесть: уже истекшее время образует прошлое, настоящим же мы называем то мгновение, где оно течет. Но здесь не может быть речи о математическом мгновении. Без сомнения, существует идеальное настоящее, чисто умозрительное, – неделимая граница, отделяющая прошлое от будущего. Но реальное, конкретное, переживаемое настоящее, то, которое я имею в виду, когда говорю о наличном восприятии, необходимо обладает длительностью. Где же расположить эту длительность? Находится ли она по ту или по эту сторону той математической точки, которую я идеально полагаю, когда думаю о мгновении настоящего? Более, чем очевидно, что она располагается сразу и тут, и там, и то, что я называю “моим настоящим”, разом захватывает и мое прошлое, и мое будущее: прошлое, поскольку “момент, когда я говорю, уже отдален от меня”; будущее, потому что этот же момент наклонен в сторону будущего, именно к будущему устремлен я сам, и если бы я мог зафиксировать это неделимое настоящее, этот бесконечно малый элемент кривой времени, то он указал бы в направлении будущего. Надо признать, таким образом, что то психологическое состояние, которое я называю “моим настоящим” – это вместе с тем сразу и восприятие непосредственного прошлого, и своего рода детерминация непосредственного будущего» [Бергсон 1992].

Хармс некоторые свои мысли об основных понятиях заключил в работе *О существовании, о времени, о пространстве* (1940). Выделяет в ней три составных времени: прошедшее, настоящее и будущее время, которые взаимосвязаны и существуют только вместе. Эти рассуждения писатель доводит до абсурда, утверждая: «[...] мы видим, что прошедшего нет, потому что оно уже прошло, а будущего нет, потому что оно еще не наступило. Значит, остается только одно «настоящее». Но что такое настоящее?

Когда мы произносим это слово, произнесенные буквы этого слова становятся прошедшим, а произнесенные буквы лежат еще в будущем. Значит только тот звук, который произносится сейчас, является “настоящим”.

Но ведь и процесс произнесения этого звука обладает некоторой протяженностью. Следовательно какая-то часть этого процесса “настоящее”, тогда как другие части либо прошедшее, либо будущее. Но то же самое можно сказать и об этой части процесса, которая казалась нам “настоящей”.

Размышляя так, мы видим, что “настоящего” нет» [Хармс 2001: 32].

Подобные рассуждения можно обнаружить и в произведении Хармса *Я решил растрепать одну компанию*, в котором писатель задумывается над смыслом понятия «настоящий момент»:

«Я слышал такое выражение: “Лови момент!”

Легко сказать, но трудно сделать. (...) Я ловил момент, но не поймал и только сломал часы. Теперь я знаю, что это невозможно. Так же невозможно “ловить эпоху”, потому что это такой же момент, только побольше. Другое дело, если сказать: “Запечатлейте то, что происходит в этот момент”. Это совсем другое дело. Вот, например: раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в который ничего не произошло. Я сказал об этом Заболоцкому. Тому это очень понравилось, и он целый день сидел и считал: раз, два, три! И отмечал, что ничего не произошло» [Хармс 2000: 295].

Словить настоящий момент это остановить мир, который в непрерывном движении. «Мир мерцает» – писал Александр Введенский [Введенский 1993: 81], что можно понимать как непрерывную повторимость всего в мире, а также раздробленность и мгновенность всего – даже времени [Друскин 1991: 93–94].

Хармс посвятил проблеме времени много внимания. Его рассуждения нашли свое отражение и в структуре его произведений, между его метафизикой и поэтикой существует прямое взаимодействие, похожее на принцип дополнительности [Подорога 1993: 139–140]. Как и Бергсон, он выделяет две темпоральные линии: историческую и индивидуальную. Бергсон ввел два различных понятия времени: так называемое *линейное время*, которым оперируют в математике и в естественных науках, и *длительность* – то реальное время, которое мы переживаем. Между этими понятиями времени существует непреодолимая пропасть. Математическое время есть просто некая прямая, в которой различные моменты равноправны друг перед другом. На этой прямой совершенно безразлично, прошлое здесь, настоящее или будущее – таких понятий для линейного времени не существует, но для любого человека всегда есть понятие прошлого, настоящего и будущего. Более того, время, понимаемое как единство прошлого, настоящего и будущего, исчезает: прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее есть неуловимое мгновение, которое поймать невозможно. Это переживание времени Бергсон называет *длительностью* [Бергсон 1992].

Сходный с идеей философа подход к времени и у Хармса, что можно проследить на примере темпоральных отношений в рассказе *Утро* (1931). В произведении находим свойственный поэтике Хармса прием повторности и серий-

ности действий, что тоже связано с понятием текучести. Повторяющиеся действия выражают уход времени, которое герой рассказа измеряет количеством сигарет, причем его собственное время идет в обратном направлении по сравнению с временем указанным на часах. В начале произведения рассказчик закуривает папиросу, и у него остается их только две. В повторе он оставляет на утро уже три папиросы, а когда просыпается, закуривает одну из четырех папирос. Повтор охватывает отрывок времени предшествующий началу рассказа – утро, которое оказывается днем. В воспоминании герой просыпается, однако, не днем, как в начале произведения, а ночью, зажигает свет и замечает, что на часах семь минут пятого. В начале рассказа последний раз зафиксированное время это половина третьего. Темпоральная конструкция произведения производит впечатление возвращения к исходной точке, но на самом деле это совершенно другое время [Ямпольский 1998: 122–124].

С понятием времени и особенно текучести связан Хармсовский прием повторности. Во многих его произведениях действия повторяются, как будто пытаясь бесполезно задержать время (если действие производит один и тот же персонаж) или изображая процесс неизбежности ухода личного времени. Довольно ярко это выражено в *Случаях*, особенно в *Случае втором* (1936), где повторяется смерть героев: «Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду» [Хармс 2000: 309]. Похожий прием в произведении *Вываливающаяся старухи* (1936–1037): «Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась. Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась. Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая» [Хармс 2000: 309].

Прием повторности и серийности связан с движением времени, которое отсчитывается очередными действиями. В некоторых произведениях (*Утро*, один из рассказов об Иване Яковлевиче) протекание времени передается через упоминание различного ряда цифр и нумерованные действия – выкурить четыре папиросы, позвонить три раза [Ямпольский 1998: 123].

Хармсовская концепция времени обнаруживает влияние философской системы Анри Бергсона как в идейном плане, так и в композиции произведений. Интертекстуальность эта основана прежде всего на Бергсоновской мысли, представленной в труде *Материя и память*. Хармс, как и французский философ, многие свои рассуждения выводит из достижений науки, но одновременно подчеркивает вескость подхода интуитивного, эмоционального.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БЕРГСОН, А. (1992): *Материя и память*, пер. А. Баулер, М. <http://elenakosilova.narod.ru/studia2/bergson2.htm> (доступ 15.09.2011.)

ВВЕДЕНСКИЙ, А. (1993): *Полное собрание произведений: В 2-х т.* Т. 2, М.

ДРУСКИН, Я. С. (1991): *Коммуникативность в творчестве Александра Введенского*. In: «Театр», № 11.

ЖАККАР, Ж.-Ф. (1995): *Даниил Хармс и конец русского авангарда*, перев. с французского Ф. А. Пе-

- ровской. Санкт-Петербург.
- ИВАНОВ, В. В. (1974): *Категория времени в искусстве и культуре XX века*. In: Б. Ф. Егоров (отв. ред.): Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Ленинград.
- КАРПАКОВА О. (2011): *Философия Н. Лосского и поэтический язык «обэриутов»*. <http://xarms.lipetsk.ru/texts/karp2.html> (доступ 13.09.2011.)
- НЭТЕРКОТТ, Ф. (2008): *Философская встреча. Бергсон в России (1907–1917)*, перев. с французского И. Блауберг. М.
- ОБЭРИУ. In: *Rosyjskie kierunki literackie. Przełom XIX i XX wieku*, pod red. Z. Barańskiego i J. Litwinowa, Warszawa 1982.
- ПОДОРОГА, В. А. (1993): *К вопросу о мерцании мира. Беседа с В. А. Подорогой*, «Логос», № 4.
- ТУФАНОВ, А. (1982): *Основы заумного языка*. In: *Rosyjskie kierunki literackie. Przełom XIX i XX wieku*, pod red. Z. Barańskiego i J. Litwinowa, Warszawa.
- ТУФАНОВ, А. (1991): *Ушкүйники*, сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. (Berkeley Slavic Specialities. Modern Russian Literature a. Culture. Studies and Texts. Vol. 27.) Berkeley 1991, с. 125, [по:] Е. В. Тырышкина, *Источник инспирации в русском литературном авангарде*, «Russian Literature» 2001, Vol. L (50), № 3. http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_quelle.htm#Ftn29 (21.09.2011.)
- ХАРМС, Д. (1991): *Дневниковые записи. «Горло бредит бритвою», составление и комментарии А. Кобринского и А. Устинова*. In: «Глагол», № 4. http://lib.ru/HARMS/xarms_diaries.txt (доступ 21.09.2011.)
- ХАРМС, Д. (2001) *Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений*. Санкт-Петербург.
- ХАРМС, Д. (2000): *Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2*, Санкт-Петербург.
- ЯМПОЛЬСКИЙ М., *Беспамятство как исток*, Москва 1998.

УЛЬЯНА ХОЛОД

Чехия, Оломоуц

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

ABSTRACT:

The article deals with the notion of text as a communicative event which is discourse with all effects caused by extralinguistic and contextual factors. From this perspective theoretical and practical methods of different types of interpretation are taken into consideration aiming to obtain the best didactic skills. There is also an attempt to carry out a functional stylistic analysis of discourse types according to the sphere of its realization in the process of interpreting.

KEY WORDS:

Functional style – interpretation – discourse typology – intent – interaction – implicitness – explicitness – addresser (locutionary source) – listener (locutionary target) – interpreter.

Система функциональных стилей каждого языка зависит от внешних и внутренних факторов. Первые из них представлены историей возникновения и развития национального литературного языка, языковой ситуацией, языковой политикой, развитием науки, техники, литературы и искусства, политическим, экономическим и культурным состоянием страны. Согласно определению функциональной стилистики функциональным стилем является общественно осознанная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания языковых средств, функционально обусловленная социально значимой сферой общения [Селиванова 2011: 85]. К типам функциональных стилей традиционно относят официально-деловой, публицистический, научный, разговорный, художественный. Однако, под влиянием теории языковой коммуникации функциональный стиль начали рассматривать с точки зрения разнообразия сфер человеческой деятельности, специфики роли адресанта и адресата, цели общения, типа, способа и формы общения, типа коммуникации и наборов речевых жанров. Таким образом, функциональная стилистика сблизилась с теорией языковой коммуникации и дискурсологией, потому что к параметрам стиля стали принадлежать не только языковые средства и формы речи, но и комму-

никативные признаки стиля (интенция, особенности интеракции, статус коммуникатов).

Поскольку коммуникативный акт предназначен для передачи и обмена информацией не только в разных языковых системах, но и между разными языковыми системами, то к трем вышеназванным лингвистическим дисциплинам следует присоединить теорию и практику устного и письменного перевода. Транслатология на современном этапе идет в направлении семантико-прагматического воспроизведения текста с учетом конкретной коммуникативной ситуации и внеязыковых факторов. Переводчик исполняет роль интерпретатора информации (текста) одной культурной среды для другой культурной среды и поэтому невозможно воспринимать текст вне дискурса – замкнутой целостной коммуникативной ситуации.

В современной лингвистике нет единства взглядов на толкование термина *дискурс*. Т. ван Дейк определил дискурс как коммуникативное событие (сложное единство языковой формы, значения и действия), воссозданное участниками общения, в котором задействован не только язык в его фактическом использовании, но и ментальные процессы, неминуемо сопровождающие процесс коммуникации [Дейк 1989: 121].

Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (адресанта) и слушателя (адресата), а также самого текста сообщения. Вследствие этого структура дискурса допускает наличие двух диаметрально противоположных ролей – говорящего и адресата, а сам процесс языкового общения рассматривается в этих двух перспективах. Прагмалингвистический подход к рассмотрению структуры дискурса дает возможность выделить в нем область взаимодействия участников коммуникативного акта: говорящего (адресанта), слушателя (адресата) и реальности, отображенной в тексте. Кроме того, еще одной важной характеристикой строения дискурса является фактор ориентации и влияния на слушателя – прагматический контекст. Из вышесказанного следует, что дискурс включает в себя действительность, отраженную в тексте, субъективно-авторское начало и потенциал восприятия [Корольов 2011: 245–246].

Если рассматривать понятие дискурса сквозь призму теории, практики и дидактики устного перевода, то среди многочисленных определений этого социолингвистического феномена следует остановиться на типологии дискурса за сферой общения, где дискурсология тесно переплетена с функциональной лингвистикой и теорией коммуникации. Поэтому тип дискурса за сферой общения характеризуется комплексом не только языковых признаков, но и особенностями статуса коммуникатов, их интеракции, спецификой интенционно-стратегической и интерпретационной программы адресанта и адресата, также ситуативно-контекстуальных параметров [Селиванова 2011: 86]. Переводчик становится неотделимой частью коммуникативного воздействия и должен быть билингвальным, бикультурным креативным медиатором, который реконструирует соответственный контекст и последовательность вербальных (эксплицитных) и невербальных (имплицитных) цепей в их формальном и

содержательном отношении, а далее подтекст. Процесс перевода – это не только система поиска нужных адекватных или эквивалентных вариантов и трансформаций, это коммуникативное событие, действие, во время которого переводчик сознательно или бессознательно включает в текст собственное понимание оригинала и устанавливает баланс соотношений двух языков, культур, онтологий [Селиванова 2010: 547].

Особое место в современном мире постоянной глобализации и роста интенсивности международных контактов в политической, общественной и коммерческой сфере занимает посредничество языковой коммуникации в форме устной или письменной интерпретации (перевода). Возникает вопрос о том, каким образом достичь наивысшего качества перевода? Какие методы обучения и подготовки переводчиков будут способствовать достижению этой цели?

Если остановится на исследовании устного перевода как одного из видов транслатологической деятельности, то следует подчеркнуть, что, исполняя роль перекодирования одного языка на другой, переводчик является не только профессиональным пользователем двух языков, но также профессиональным слушателем и выступающим (оратором). Переводчик устного дискурса должен владеть высокими когнитивными способностями для умения распознать ядро текста, далее умением сориентироваться в конкретной коммуникативной ситуации (распознать цель говорящего за содержанием речи, жестов, мимики, положения тела, возможную реакцию публики), использовать навыки автоматизированных процессов, владеть специальными видами техники устного перевода-антиципацией, инференцией, умением наивысшей концентрации и раздвоения внимания, импровизации и быстрого принятия решения.

Очень важной характеристической чертой устного перевода является тот факт, что весь его процесс происходит в актуальном времени. И в связи с этим возникает потребность незамедлительного перевода без возможности последующей проверки и изменений, без возможности пользования учебными пособиями, которыми обычно пользуются переводчики (словари, глоссарии, параллельные тексты и т. д.). Поэтому большее внимание придается информативности и точности переведенного текста, чем его форме [Hrdinová, Vilímek 2008: 14–15]. Но переводчик работает в разных коммуникативных ситуациях в рамках разных типов и подтипов дискурса: политическом, дипломатическом, научном, мас-медиальном, коммерческом, повседневно-бытовом, художественном, спортивно-игровом и других. А это значит, что в определенных коммуникативных ситуациях (коммерческих, судебных, официальных переговорах) при переводе текста требуется эквивалентность терминов и также поддержание соответственной интонации при произношении текста (открытие конференций, выставок, встреча гостей, пожелания к праздникам или выражение сочувствия). Таким образом, неотделимыми чертами профессионального переводчика являются высокая эрудиция, такт, социально – и этнокультурная подкованность.

В зависимости от методов работы переводчика процесс устного перевода разделяется на два основных типа: синхронный перевод и последователь-

ный (консекутивный). Метод синхронного перевода заключается в том, что перевод происходит одновременно с речью говорящего (адресанта). Он основывается прежде всего на способности человека одновременно слушать и говорить при условии, что предмет обоих дискурсов имеет одинаковый смысл, и на способности межъязыкового перевода. Интервал между текстом оригинала и текстом перевода измеряется несколькими секундами. Это вызывает трудности, потому что переводчик должен сразу слушать, переводить и говорить, не имея возможности выслушать выражение до конца и только может предусматривать возможно его окончания. Чтобы обеспечить высококачественный перевод нужно предоставить переводчику возможность ознакомиться с тематикой предстоящего мероприятия и вспомогательными материалами. Такой вид перевода используется во время больших международных конгрессов, конференций и семинаров, на котором обычно встречаются с большим количеством устной информации. Техническим типом синхронного перевода является перевод в кабинках, во время которого переводчики работают в специальных кабинках, отделенных от зала переговоров, а перевод осуществляется с помощью наушников и микрофона. Другой вид устного перевода – консекутивный – дает возможность переводчику сначала прослушать определенную часть текста оригинала, а затем перевести его. В этом методе важной является способность переводчика хорошо запомнить объем прослушанного и провести умелую интерпретацию на языке перевода. Такой вид перевода идеально подходит для организации деловых встреч и переговоров с иностранными партнерами, деловых презентаций, обедов, выставок, семинаров, разных общественных мероприятий.

Консекутивный перевод можно далее разделить на прерывчатый, когда переводчик делает паузы для осуществления части перевода и непрерывчатый, когда переводится полностью целое высказывание. Непрерывный режим используется особенно для коротких текстов, такие как новости, дискуссии, заметки, поздравления и тосты, а также в переговорах на высшем уровне. При этом переводчик может использовать метод с записыванием главной информации или обойтись без него.

Еще одним интересным методом устного перевода является перевод шепотом (шушотаж), когда переводчик находится между двумя участниками и приглушенным голосом переводит слушателю на ухо. Такой вид перевода используют, если язык, на котором происходит мероприятие, не понимают всего лишь один или два человека. Шушотаж используют на деловых встречах, совещаниях, конференциях, заседаниях суда.

К специфическим видам перевода относится работа гида-переводчика, который занимается переводом речи гидов во время экскурсий по достопримечательностям. Для этой деятельности нужна интенсивная подготовка переводчика в функции межкультурного медиатора. Кроме того, гид-переводчик может исполнять сопровождающий перевод и быть в постоянном контакте с делегацией, обеспечивать перевод таких повседневных коммуника-

тивных ситуаций как например обед в ресторане, прогулка по городу, транспортные проблемы, поселения и другие.

Среди многих возможных типов и подтипов устного перевода, разделение которых за выбором методов соразмерно типам и подтипам дискурса: перевод в зале суда (юридический), в кабинете врача (медицинский), на предприятиях (коммерческий), в радио и на телевидении (мас-медиаальный), перевод фильмов (художественный) и др., важно выделить иной – дидактический подход – за направлением перевода. От этого зависит мера тяжести переводческого процесса, также на базе такого разделения можно создать дидактическую основу обучения студентов – будущих переводчиков. Речь идет о двух типах перевода: монологическом (только в одном направлении – с одного на другой язык) и диалогический перевод (в двух направлениях – постоянное переключение между рабочими языками). В начале обучения практических навыков перевода нужно начинать от монологического перевода, например, из иностранного языка на родной, а позже переходить на диалогический перевод.

На первом этапе курса обучения устному переводу обязательными являются упражнения для тренировки памяти с целью улучшения концентрации (запоминание ряда цифр, имен, хронологии событий, поиск синонимов и т.д.), упражнения для формирования рецептивной компетенции (восприятие и понимание услышанного на материале разных текстов, включая наличие языкового акцента, диалекта), упражнения для пересказывания текстов (чтение незнакомых текстов с перерывами, чтобы студенты могли найти и пересказать главную линию отдельных абзацев и т.д.). Далее следуют упражнения для приобретения навыков трансформации текста (перевод словосочетаний, синтаксических конструкций, прямой речи в косвенную и т.д.) Следующим этапом являются упражнения практических навыков перевода текстов, например перевод части услышанного текста в рамках часового лимита и без возможности исправления [Hrdinová, Vilímek 2008: 82–83].

Устный перевод является узкоспециализированной деятельностью, которая требует, кроме врожденных способностей и всеобщей эрудированности, высокого уровня владения рабочими языками, специфическими профессиональными методами, также умение «погрузиться» в актуальный коммуникативный контекст с его социолингвистическими, психолингвистическими и этнолингвистическими аспектами – в соответствующий дискурс.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

<http://balticttranslations.lv/index.php/tulkosana/mutiska-tulkosana/?lang=Ru>, 10.2.2013

ДЕЙК ВАН, Т. А. (1989): *Макростратегии*. In: В. Кинч: Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс.

КОНДРАТЕНКО, Н. (2009): *Політичний дискурс: сутність, типологія, специфіка функціонування*. In: О. Александрова:

Реклама та PR в масовоінформаційному просторі. Одеса: Астропринт, 21–26

КОРОЛЬОВ, І. (2011): *Дефініції дискурсу в комунікативно-прагматичній науковій парадигмі*. In: Проблеми зіставної семантики, 2011, випуск 10. Київ: Видавничий центр КНЛУ, с. 241–247

СЕЛІВАНОВА, О. (2010): *Лінгвістична енциклопедія*. Полтава: Довкілля – К.

СЕЛІВАНОВА, О. (2011): *Основи теорії мовної комунікації*. Черкаси

СЕЛІВАНОВА, О. (2012): *Світ свідомості в мові*. Черкаси

СУСОВ, И. (2009): *Лингвистическая прагматика*. Винница: Нова книга

HRDINOVÁ, E. M., VILÍMEK V. a kolektiv (2008): *Úvod do teorie, praxe a didaktiky tlumočení*. Ostrava

Конференция «Молодая русистика – новые тенденции и направления»

5 октября 2012 года в университете им. Коменского в Братиславе на кафедре русского языка и литературы состоялась первая международная конференция молодых русистов под названием «Молодая русистика – новые тенденции и направления». В конференции приняло участие 18 молодых русистов из Словакии, Чехии, Венгрии и Эстонии, которые выступили с докладами в лингвистической, литературоведческой, историческо-культурной и транслатологической секциях. Приятным сюрпризом в проведении конференции был высокий процент приехавших участников – из 21 первоначально запланированного доклада на конференции реально прозвучало 18 докладов, из этого десять в секции лингвистической. Рабочими языками конференции были русский и словацкий, большинство докладов было, однако, прочитано на русском языке – в лингвистической секции прозвучали на русском языке все доклады, в литературоведческой, историческо-культурной и транслатологической секции были на русском языке прочитаны все доклады за исключением четырех.

Конференция была торжественно открыта заведующим кафедры русского языка и литературы Философского факультета университета им. Коменского, доцентом Любором Матейко. В торжественном открытии конференции приняли участие также профессор Мария Куса и другие представители как братиславского, так и других университетов.

Конференция отличалась очень приятной и дружеской атмосферой. Лингвистическая секция началась с выступлений, которые были посвящены вопросам преподавания русского языка как иностранного. С докладами по этой теме выступили два чешских участника. Первый доклад, доклад Якуба Конечного из Праги, был посвящен активным процессам в русской фонетике на фоне преподавания русского языка. В докладе были рассмотрены такие активные процессы современной фонетики русского языка, как отверждение некоторых согласных, изменения в ударении в сочетании существительных с предлогом и другие вопросы.

Второй доклад Вероники Каплановой рассматривал использование современных технологий при обучении реалиям России. Кроме значения современных технологий в процессе обучения, в докладе были приведены самые полез-

ные интернетовские источники по обучению культурным и историческим реалиям России.

Следующий блок докладов рассматривал разные проблемы русской лексической системы. Первым докладом здесь был доклад участницы из Оломоуцкого университета им. Палацкого Иваны Гануликовой, в котором автор рассматривала возможности переносного употребления наименований разных животных в гендерном аспекте. Доклад под названием «Можно ли мужчину коровой, а женщину котом звать?» вызвал живую дискуссию.

Доклад Кристины Кржижовой по теме калек в русском языке нового времени рассматривал новые тенденции в заимствовании иноязычных элементов в русский язык. Основой для данного доклада была статья Л. П. Крысина 1997 года, данные которой были сопоставлены с современными тенденциями.

Доклад Катержины Ноймановой рассматривал словарный состав публицистических текстов о стихийных бедствиях в русско-чешском сопоставительном плане. Выводы статьи представляют собой интересный материал для переводов текстов из данной области. Данный доклад открыл ряд нескольких сопоставительных сообщений.

Вторым сопоставительным докладом был доклад Панды Стояновской из Венгрии, который был написан в русско-македонском сопоставительном плане. Доклад сопоставлял усвояемость компьютерных слов в македонском и русском языках. Ввиду актуальности темы он тоже вызвал живую дискуссию, касающуюся, прежде всего, переводов терминов, употребляемых в социальной сети facebook.

Доклад Тимеи Мераи рассматривал проблемы переводимости имен собственных на материале романа Юрия Андруховича «Московиада». В нем были показаны проблемы перевода тех имен собственных, которые должны вызывать у читателя некоторые ассоциации, и ошибки, которые допустили переводчики данного романа на венгерский язык.

Доклад Оксаны Ушаковой сопоставлял слова категории состояния в древнерусских и старочешских памятниках. Слова категории состояния были сопоставлены с разных точек зрения и снабжены интересной статистикой их употребления в чешском и русском языках.

Последние два доклада были посвящены фразеологии. Наряду с нашим докладом по теме новых тенденций в употреблении анимализмов во фразеологии, здесь прозвучал доклад Маркеты Павласовой, посвященный библейской фразеологии в русско-чешском сопоставительном плане. Выбор фразеологических единиц в докладе был ограничен тематическим полем «эмоциональные переживания человека».

Во второй секции доминировали литературоведческие доклады. Рассматривались произведения В. Набокова (в докладе Ольги Ермаковой), поэзия XIX века, конкретно произведения А. А. Фета в докладе Андреи Габуровой, произведения В. Сорокина в аспекте их корректности (в докладе Зузаны Лорковой), предметом анализа была и личность Сергея Довлатова (доклад Ивана Посохина). Кроме докладов, посвященных конкретным произведениям, рассматрива-

лись и некоторые общелитературоведческие темы, такие, как аллюзия и ее место в языке постмодернизма (доклад Юлии Цалтовой). Постмодернизму был посвящен также доклад Нины Цингеровой, которая в нем рассматривала так называемый «цивилизационный нарратив».

Сильвия Надь в своем докладе рассматривала вопросы русской революционной традиции, доклад сосредоточился на описании некоторых аспектов жизни жен декабристов. Исторической теме был посвящен доклад Вероники Кнапцовой из Университета им. Коменского в Братиславе, которая занималась отношением к Ивану Грозному во время сталинизма.

Конференция была торжественно закрыта аспирантом кафедры Зузаной Лорковой и профессором Марией Кусой.

Петра Фойту, Оломоуц, Чехия

Галина Алексеевна Лилич (1926–2012)

In memoriam

23 декабря 2012 года ушла из жизни профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета Галина Алексеевна Лилич, давний друг кафедры славистики Университета им. Палацкого, постоянный гость наших конференций.

Галина Алексеевна родилась 10 июля 1926 года в Мордовии, в селе Троицк. В военный 1943 г. окончила школу и поступила на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, который в то время был в эвакуации в Саратове. В июле 1944 года вместе с университетом, с которым была связана вся ее последующая жизнь, вернулась в Ленинград. В этом году в университете была открыта кафедра славянской филологии и Галина Алексеевна стала одной из ее первых студенток. Она закончила польское отделение, а затем поступила в аспирантуру по специальности чешский язык.

Важной вехой всей последующей научной и педагогической деятельности Г. А. Лилич стала стажировка в Карловом университете с мая 1951 по август 1952 гг., где она познакомилась с идеями Пражской лингвистической школы и слушала лекции известных славистов – Фр. Травничека, Б. Гавранека, А. В. Исаченко, А. Едлички, К. Горалека, Я. Белича и др. В эти годы она неоднократно посетила и Оломоуц. Ее Учителем стал академик Б. Гавранек, именно ему посвящена её монография «Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века)» (Л.: Изд-во ЛГУ. 1982).

С богемистикой была связана вся ее последующая научная работа. В 1952 году Г. А. Лилич стала преподавателем кафедры славянской филологии ЛГУ, здесь она защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертации, получила звание профессора (1979 г.). И после защиты докторской диссертации Г. А. Лилич продолжает заниматься темой взаимодействия русского и чешского языков, расширяет и углубляет сделанные прежде интерпретации, обогащает некоторые тематические доминанты новым материалом. При этом Г. А. Лилич остается верной

принципам научного анализа, унаследованным от своих учителей Бориса Александровича Ларина и чешского академика Богуслава Гавранека.

Переводческая деятельность Й. Юнгмана и других деятелей чешского Возрождения стала объектом пристального анализа в ряде работ Г. А. Лилич. Характерной особенностью работ Г. А. Лилич по данной проблематике является стремление обосновать языковое взаимодействие и процессы адаптации русизмов культурно-историческими обстоятельствами. Отсюда постоянный интерес к той общественной среде, из которой исходили импульсы межславянского культурного взаимодействия – Й. Юнгману, Й. Добровскому, Фр. Л. Челаковскому, П. С. Паласу и др. Подчеркивается сильная демократическая окрашенность движения будителей, усиление и расширение их связей со словацкими просветителями.

Другим важным направлением в научной деятельности Галины Алексеевны стали лексикографические и лексикологические исследования. Еще в аспирантские годы она с энтузиазмом подключилась к грандиозным лексикографическим проектам проф. Б. А. Ларина. В 1951 г. был создан Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина (ныне Лексикографический центр Петербургского университета). Галина Алексеевна Лилич участвовала во всех лексикографических трудах этого коллектива – в частности, в составлении Словаря автобиографической трилогии М. Горького.

Следующим крупным направлением научной деятельности Г. А. Лилич в конце 1980-х гг. стало исследование славянских переводов Библии и их влияния на развитие славянских литературных языков. Многолетний труд над этой темой (совместно с О. И. Трофимкиной и В. М. Мокиенко) завершился изданием «Толкового словаря библейских выражений и слов» (М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.).

Галина Алексеевна Лилич была на редкость энергичным и жизнерадостным человеком, она была в курсе всех общественных событий, прекрасно пела, писала веселые пародии и стишки «по случаю», опекала студентов и аспирантов, была куратором землячества чешских студентов создательницей студенческих клубов «Гаудеамус» и «Филолог – моя профессия». Она ненавидела казенщину и формализм, во всех, даже скучных, делах находила возможности для творческого поиска.

Преподавателям нашей кафедры славистики посчастливилось быть друзьями Галины Алексеевны. Каждый ее приезд в Оломоуц становился для всех праздником – возникали новые идеи, проекты, звучали добрые и смешные русско-чешские песенки. Немало учеников Галины Алексеевны стало аспирантами и преподавателями нашей кафедры. Более полувека все оломоуцкие слависты знали адрес: Петербург, улица Гранитная, где их всегда ждали, помогали с диссертациями и статьями, давали интересные книги, знакомили с новыми друзьями, наконец, вкусно кормили, а нередко и оставляли ночевать.

Нам больно прощаться с профессором Галиной Алексеевной Лилич, мы скорбим об огромной утрате для славистики и высоко ценим то, что нам довелось быть ее друзьями. Имя Галины Алексеевны останется в наших сердцах.

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi (http://www.rusistika.upol.cz/RU_rossica_ce.html).

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo .rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, od-

stavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Knihy, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme se na Vaši spolupráci!